

Никита Новиков

Миша и осень на ферме

Никита Новиков

Миша и осень на ферме

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66767973

SelfPub; 2021

Аннотация

В этой истории о доброте, любви, дружбе и неунывающем оптимизме главный герой по имени Миша Малинин приобрел ферму, которой, как выяснилось, необходим серьёзный ремонт. Стараясь как можно скорее облагородить ферму, он встречает самых разных людей, каждому из которых требуется его помощь, и оказывается в центре давней вражды между двумя соседними городами.

Содержание

Глава 1	5
Человек по имени Миша	5
Глава 2	34
Велосипед	34
Глава 3	74
Градоначальники	74
Глава 4	150
Ремонт	150
Глава 5	248
Праздник	248
Зима	265
Эпилог	269

Никита Новиков

Миша и осень на ферме

Посвящается Диане Красновой.

Я тебя очень люблю и очень по тебе скучаю.

Глава 1

Человек по имени Миша

Вдоль соединявшей два города дороги, бежавшей мимо желтевших осенних лесов и полей, шел высокий мужчина тридцати с лишним лет с широкой, будто амбарная дверь, спиной. Полуденное солнце золотило копну волос цвета пшеницы, украшавших его голову. Стоило подуть ветру – и, подобно злаковым полям неподалеку, его мягкие волосы послушно наклонялись вслед за воздушным потоком, что ничуть его не смущало. По крайней мере, до тех пор, пока этот самый ветер не начинал дуть прямо в лицо, заставляя щурить веки светло-голубых глаз на слабо загорелом лице с квадратным подбородком. Звали того человека Михаил, но он не любил, когда к нему обращались по полному имени, так что среди знакомых он был просто Миша. Миша, одетый в серый свитер, рукава которого он засучил еще полчаса назад, матерчатые темно-синие штаны со множеством карманов и высокие ботинки, в обеих руках нес доверху набитые спортивные сумки, застегнутые им с трудом.

Хотя с начала пути прошло уже не меньше двух часов, он шагал без усталости и ни разу не остановился. Справедливости ради стоило сказать, что он и не торопился: шагал размеренно.

но, не спеша, так что особых поводов для усталости у Миши и не было. Он наблюдал за тем, как стаи птиц пересекали плывшую сверху широкую полосу неба, ограниченную с двух сторон верхушками деревьев, напоминавшую длинный аквариум с облаками вместо рыб; как редкие машины проезжали мимо него то в одну сторону, то в другую; как его тень становилась все короче по мере преодоления пути; как на юге, справа от дороги, по простиравшимся за тонкой полоской леса полям так же неторопливо двигались комбайны, собиравшие последний в этом сезоне урожай. Словом, скучно ему не было.

Так он и шел бы, может, даже до вечера, если бы слева от него не замедлился проезжавший мимо автомобиль. Колымага посигналила, вынудив Мишу остановиться. Малинин сначала удивленно вскинул светлые брови, но все же подошел к старому, красно-оранжевого – в прошлом малинового – цвета «Жигуленку». Стекло дверцы машины спустилось вниз. Высокому, словно башня, Мише, чтобы посмотреть внутрь салона, пришлось согнуться так, словно он решил поклониться старому детищу отечественного автопрома: из салона на него глядели пожилой мужичок-водитель и его жена на пассажирском сиденье, а в нос ударил резкий, сладковатый запах духов, мариновавший салон. Водитель был с редкими волосами, загорелый и морщинистый, в рубашке с короткими рукавами, старых джинсах и ботинках, с виду прошедших не меньше, чем проехал сам автомобиль. На полной

женщине с покрашенными в каштановый цвет волосами было белое платье в зеленый цветочек.

– Сынок! – крикнул водитель хриповатым голосом. – До города далеко! Ты сколько идти-то собрался? Так до ночи топтать будешь!

Миша беззлобно ухмыльнулся, ставя сумки у своих ног. Положив ладонь на крышу автомобиля, теплую от солнца, он сказал:

– Дотопаю, значит, – пожал он плечами. – И не такие километры осиливали! Да и не в город я.

Женщина нахмурилась, недовольно помотав головой:

– Ты давай! Это! – возмутилась она. – Садись! Подвезем!

Ни копейки не возьмем!

Миша задумался: хотелось ему еще погулять, да и в машине наверняка будет жарко. Заодно как бы не поплохело от щедро надушенного туалетной водой салона. Он вздохнул. Еще лет пять назад он бы просто отошел от машины – и пошел дальше, но не сейчас. Раз хотят подвезти – то и ладно. Пускай. Миша, не выказав ни толики неудовольствия от предвкушения грядущей поездки, улыбнулся уголком губ – и спросил:

– До фермы Селяновых довезете?

– Селяновых? – удивленно спросила женщина, повернувшись к мужу. Тот опешил, услышав фамилию. Посмотрев на лицо жены, словно пытаясь прочесть ее мысли, водитель выдал:

– Ну, раз к Селяновым хочет, то пускай, наверное, – как-то неуверенно произнес он.

Странная реакция на фамилию хозяев фермы привела Мишу в некое замешательство:

– А что не так с Селяновыми? – спросил он.

Супруги снова переглянулись.

– Не любят Селяновы гостей, – ответила женщина, словно опытный гость.

– Да чудики они! – более откровенно выразился водитель, махнув рукой. – Но коль надо, значит, надо! Давай садись, – показал он рукой на заднее сиденье.

Женщина посмотрела на Мишины сумки, а потом вновь повернулась к спутнику:

– Коля! – воскликнула она. – Ты помоги мальчику сумки в багажник положить! Они у него вон тяжеленные какие!

Николай, не став спорить с супругой, живо выскочил из машины и двинулся к багажнику. Взяв сумки в руки, Миша пошел с ними к Николаю. Обойдя автомобиль, он резко вдохнул от неожиданности: из открытого перед ним багажника на него глазела змея – небольшая, но настоящая, – показывая ему язык. Водитель, поглядев на реакцию попутчика, расхохотался:

– Это Степаныч! – представил он Мише змею. – Степаныч и мухи не обидит!

Змея с интересом разглядывала Мишу, и Малинин спросил:

– А если он в сумку залезет? Как доставать будем?

Николай махнул рукой:

– Не залезет! Смотри! Степаныч, место! – Николай показал пальцем в угол багажника.

Змея недовольно зашипела, но мужичок ничуть не растерялся. Он погрозил змее пальцем:

– Степаныч! Не бузи! Место! – грозно скомандовал он – и снова показал туда, где он хотел видеть змею.

Змея недовольно продемонстрировала ему язык, но все же повиновалась, переползая в угол багажника и сворачиваясь там. Николай довольно ухмыльнулся:

– Вот теперь он там будет лежать до конца дороги, пока я ему не разрешу выползть! Давай сумки свои!

Сумки поместились в багажник ровно таким образом, чтобы змее было не слишком тесно. Ставя вещи, Миша внимательно наблюдал за реакцией обитателя багажника: ползучее существо хоть и следило, но мешать – не мешало. И не бросалось в атаку, чем приятно удивило Малинина.

Они двинулись в путь. Согласно рассказу супругов, сын их с невесткой, сыграв свадьбу, уехали на другой конец страны, и волею невестки почти не общались с Николаем Петровичем и Маргаритой Сергеевной, его женой, расположившейся на пассажирском сиденье.

– Очень уж ты на нашего мальчика похож! – удивлялась Маргарита Сергеевна, в зеркало заднего вида глядя на Мишу, попросившего разрешения открыть окна в дверях по обе

стороны от него.

– Ага! – подтвердил Николай Петрович! – Со спины – вылитый Сережка! Только у нашего борода была!

– А может, и сейчас есть, – недовольно пробурчала супруга. – Если бы мы чаще с ним общались, то знали бы наверняка!

– Тебя-то самого как звать? – спросил водитель.

– Миша меня зовут, – ответил тот, размышляя над тем, может ли змея выползти из багажника в салон.

– Михаил, значит! – сказала Маргарита.

Миша помотал головой:

– Просто Миша.

– А что ж тебя к Селяновым понесло? – изъясвила любопытство женщина. – К ним, говорят, никто никогда не ездит. Гостей не принимают, от чиновников отмахиваются! К ним проверки если на ферму приезжают – те их прогоняют! Мол, наша земля – и катитесь все отседова, кем бы ни были!

– Да! – подтвердил Николай со знанием дела.

– Я к ним Коленьку восемь лет назад денег одолжить отравила, – продолжала та, погладив мужа по плечу. – А они на него с ружьем вышли! С ружьем!

Миша понимающе кивал и угукал, но думал о своем: «Мало ли, что говорят! Да и кто знает: может, Николай к ним вместе со Степанычем пошел, а те не оценили. А проверки: ну, проверки тоже всякие бывают: и проверки, которые люди с полномочиями проводят, и «проверки», которые устраива-

ют люди лихие, чтобы пожилых и прочих доверчивых граждан обманывать».

– А ферма у них жуткая какая! – продолжала Маргарита. – Там конь не валялся годами! Чернозем размыло да развеяло! Сорняками поля поросли! Уж не знаю, на что Селяновы живут там! А дом – развалина гнилая! Как у нас непогода тут начинается, я все думаю, что в этот-то раз дом не простоит, но мы сегодня с Коленькой мимо проезжали – он все там же, дом этот.

Слушая рассказ Маргариты Сергеевны, Миша разглядывал фотографию фермы, которую он достал из кармана: на ней Селяновы – ничем не примечательная счастливая пожилая пара – стояли в обнимку перед симпатичным двухэтажным домом темно-желтого цвета, в котором они жили на ферме.

– Маргарита Сергеевна, дом, про который вы говорили, – задумчиво сказал Малинин, когда супруга водителя закончила, – похож на этот?

Он протянул ей фотографию.

– Ой! – округлила глаза Маргарита, посмотрев на фото. – Похож дом! Может, и он даже! Только Селяновы помоложе здесь выглядят, – взяла Маргарита фотографию из рук Миши. – Улыбаются даже на фотографии, смотри-ка! – усмехнулась она. – Мы с Коленькой сюда восемь лет назад переехали, а дом у Селяновых уже тогда не ахти какой был. Старая фотография, наверное. На! – она подала фотографию обрат-

но Мише.

Когда Миша покупал ферму у Селяновых, то Анастасия Михайловна Селянова говорила, что в доме нужно сделать кое-какой ремонт – так, по мелочи, – и немного облагородить ферму, потому что последнее время она стояла бесхозной. Он убрал фотографию в карман – и выдохнул, расслабляясь: «Маргарита Сергеевна наверняка преувеличивает. Женщина она, кажется, эмоциональная, явно недолюбливает Селяновых. На ферме все не так плохо, наверное».

– Тут говорили, – Маргарита заговорила тише, будто секрет раскрывая, – что Селяновы свою ферму продавать собираются!

Николай хохотнул:

– И ведь купил же кто-то!

Миша тоже хохотнул, но невесело.

– Да! – продолжала Маргарита, повернувшись обратно и ткнув супруга в плечо. – Нашли какого-то несчастного простака!

– Хотел бы я на него посмотреть! – добавил Николай.

Супруги смеялись и обменивались шутками, потешаясь над покупателем фермы. Заливистый хохот прибавил громкости в автомобиле, где супруги, упражняясь в остроумии, высмеивали незадачливого нового владельца фермы. Миша к их веселью, по понятной причине, не присоединился.

Когда они открыли багажник автомобиля, Степаныч спо-

койно спал там же, где Николай Петрович приказал ему лежать.

Николай Петрович широко улыбнулся редкими зубами, показывая Мише на змею:

– Говорил же! Так и сидит змей! Давай!

Миша, привыкнув к соседству со Степанычем во время поездки, по очереди вытащил обе свои сумки, поднимая их аккуратно, чтобы не тревожить обитателя багажника.

– Ну, – сказал водитель, – бывай! – Николай протянул Мише руку, которую тот пожал своей большой пятерней.

– Да надолго там не задерживайся лучше! – крикнула Маргарита из салона автомобиля.

Малинин улыбнулся неуверенной улыбкой. Время перевалило за полдень. Стоило Мише оттащить сумки от автомобиля, «Жигуленок» тронулся, оставив его рядом с плотной стеной кустарника. Стена обрывалась неасфальтированной сельской дорогой, которая пересекала ферму и была ответвлением от дороги главной, по которой он только что ехал. Миша потянулся, разминаясь после долгого пребывания практически в одном положении, взял сумки в руки – и пошел, огибая кустарник. Когда он увидел пейзаж за природной стеной, то остановился. Прищурившись, он рассматривал видневшийся вдали двухэтажный дом, – да, староватый, но ветром точно не сдует, – пробежался взглядом по заросшим сорняком оградкам полей по обе стороны от дороги: выглядели они как ряды балок небольшой высоты, соеди-

ненные двумя рядами досок. Он пожал плечами:

– Да не так уж и плохо, вроде, – с облегчением пробормотал Миша, порадовавшись тому, что люди склонны преувеличивать.

Топая к дому, он, щурясь на солнце, рассматривал поле справа от себя – вытопанную землю с участками травы, напоминавшую футбольную «коробку» у него во дворе, где он гонял мяч в детстве. Миша пытался вспомнить, что было написано в наспех пролистанном недавно пособии по сельскому хозяйству: сначала землю надо разрыхлить, а потом вскопать? Или сначала сорняк выкорчевать? Повернув голову налево, он сделал вывод о поле и с той стороны: такая же футбольная «коробка». Ну, может, травы чуть меньше, чем справа.

Оказавшись близ дома, Миша оценил его: к двери с замыленным стеклом, которое было площадью полметра на полметра и заменяло стандартный дверной «глазок», вела лесенка высотой две ступеньки – и, поднявшись по ней, можно было оказаться на крыльце. Крыльцо было частью деревянной платформы более широкой площади, чем основание дома, на которой дом и располагался; платформа была огорожена обветшалой деревянной изгородью высотой обычному человеку по грудь; у двери стояла скамейка с двумя выделявшимися новизной подушками у подлокотников; на Малинина дом смотрел двумя зашторенными плотной тюлью окнами; ветер подул сильнее – где-то заскрипела доска.

С таким же скрипом отреагировали ступеньки и доски, проходя по которым, Малинин подошел к двери. За стеклом в двери, которое, судя по мыльным разводам, мыли довольно безопасно, виднелась такая же занавеска, как на расположенных по обе стороны от двери окнах. Миша поставил сумки вниз – и постучал в дверь, вглядываясь в скрытое занавеской убранство дома: можно было различить коридор, в конце разделявшийся на две противоположные ветви; столик справа у стены, располагавшийся напротив лестницы, поднимавшейся на второй этаж в сторону входной двери. Над столиком висела фотография в рамке – и на ней можно было различить четырёх людей рядом с этим же домом. Мише показалось, что двое в центре – мужчина и женщина – были постарше, так как были уже с сединой, а другие двое по бокам – тоже мужчина и женщина – помоложе. Малинин предположил, что это Селяновы с детьми, но разобрать точно не давало плохое освещение в доме, а также занавеска.

Миша постучал снова. Он задумался: «Может, дом обойти, в окна посмотреть, есть ли там хозяйева». Он помотал головой сам себе в знак отрицания: «Нет, неприлично все-таки в окна заглядывать». Вместо этого он крикнул сквозь дверь, надеясь, что от крика дом не рухнет:

– Анастасия Михайловна!

Он прислушался, оглядел дом: вроде, не рушится – уже хорошо.

– Есть кто дома? – снова спросил громко, в надежде, что

хозяева его услышат. – Это Миша! Малинин!

Он вздохнул. Птица, пролетавшая над пустынными полями, недовольно вскрикнула несколько раз, негодуя то ли из-за нерадивых хозяев фермы, оставивших на полях одни сорняки, то ли из-за шумного гостя, посмеявшегося нарушить привычную тишину. Обернувшись на клич пернатой путешественницы, Малинин вновь обратил свой взор на поля. Оставив сумки у дверей, он спустился вниз по лесенке – и зашагал к полю слева от себя. Ни калитки, ни ворот у хозяйственных угодий фермы не было. Ограда представляла собой незаконченный квадрат, пустой участок которого, располагавшийся напротив дома, служил входом на поле. Оказавшись за оградой, Миша остановился, разглядывая верхушки желтеющих деревьев на другой стороне поля; деревьев, за которыми начиналась дорога; дорога, по которой к нему однажды приедут гости, которых он очень ждет. «А, может... Нет, вряд ли», – Миша подумал о гостях, которых ждать здесь было бесполезно, но было бы просто замечательно, пояись они здесь однажды. Не сейчас, разумеется, когда на ферме – шаром покати. Нет. Позже. Когда он засеет... «Нет, сначала вспахать надо, конечно. Или как там в пособии было написано?» – задался вопросом он.

– Главное сейчас, – проговорил Миша, обращаясь к полю, – это чтобы от тебя польза была. И будет! Обязательно будет!

Миша мысленно сформулировал: когда здесь будут на-

стоящие фермерские угодья, а не «коробка», то можно будет встречать гостей: и ожидаемых, а может, и тех, которых ждать здесь было бессмысленно.

– Эй! – прервал голос из-за спины поток его мыслей.

Малинин обернулся: со стороны дома, спустившись с крыльца, на Мишу смотрело двуствольное ружье, а вместе с ним – целившийся им в сторону Малинина человек: хмурый усатый мужчина небольшого роста в ковбойской шляпе, из-под которой виднелись изрядно поседевшие темные волосы. Поверх выцветшей рубашки в бело-синюю клетку на мужичке был надет синий комбинезон с лямками, а на ногах – стоптанные кроссовки.

– Вы, наверное, Петр, – начал Миша, слегка опешив. – Меня зовут...

– Молчать! – скомандовал мужичок. – Руки вверх, сопляк!

Миша нахмурился, но послушно поднял могучие руки над головой.

– Вымахал как, – проворчал мужичок. – Бандит очередной! – сплюнул он на землю. – Вам уже сказали, чтобы от нашей фермы подальше держались, а вы опять претесь сюда! В прошлый раз двух громил прислали. Налоговиками те прикинулись, но я их сразу раскусил! – улыбнулся он ехидно, продолжая целиться в Малинина. – А теперь еще большего бугая пригнали! Я вашей шайки не боюсь!

«Кажется, не так уже не права была Маргарита Сергеев-

на», – грустно подумал Малинин.

– Да не бандит я! – сказал Миша. – Я Миша Малинин. Я вашу ферму купил.

После этих слов взгляд вооруженного мужичка стал еще злее – и он поудобнее взял ружье.

– Купил! – он опять плюнул на землю. – Лживые бандиты! Это моя ферма! – закричал он. – Пшел вон с моей фермы!

Позади мужичка скрипнула, а затем хлопнула дверь. Подбоченившись, у двери стояла пожилая женщина в длинном розовом платье в белый горошек. Она с упреком смотрела на мужа.

– Петя! Ты опять? – возмутилась она.

Взгляд Петра прекратил пылать огнем в сторону Миши, испытавшим облегчение: это была Анастасия Михайловна Селянова, хозяйка фермы. Малинин узнал ее голос.

– Что? – проворчал Петр. – Опять бандиты пришли! – показал он дулом ружья на Мишу, который тотчас передумал опускать руки.

– Вас как зовут? – крикнула Анастасия гостю.

– Малинин Михаил Александрович, – отозвался тот, назвав полное имя, посматривая то на Анастасию, то на ружье.

– Петя, дорогой, убери ружье! – крикнула она мужу. – Этот мальчик у нас ферму купил.

Мужичок медленно опустил дуло ружья вниз – и недовольно буркнул:

– Ферму он купил, видите ли.

Пока Миша, наконец получивший возможность опустить руки вниз, пытался понять, что сейчас произошло, Анастасия воскликнула:

– Идите оба в дом! Я обед приготовлю.

Пока Селянова готовила трапезу, Петр Иванович по ее указанию проводил по дому экскурсию для гостя. Изнутри дом выглядел стабильнее, чем снаружи. Осматривания потолков и стены, Миша не нашел ни трещин, ни дыр. «Хоть что-то менять не придется», – воодушевленно посчитал гость. Помимо состояния каменной части дома, Миша подметил пыль. Много пыли, которую, казалось, не убирали годами, была на всем: вазах, в которых ничего не было поставлено; висевших на стенах картинах и фотографиях, включая фотографию с четырьмя людьми; столах и полках шкафов, настоящий цвет которых можно было узнать только лишь по отпечаткам стоявших на них когда-то предметов; квадратном телевизоре возрастом, наверное, не младше самого дома. Если пройти от входа в дом до конца коридора, то слева за поворотом была просторная гостиная с украшенной массивным ковром стеной, а также с телевизором и шкафами вдоль противоположной стены; с накрытым красным узорчатым покрывалом черным диваном напротив телевизора; с голым деревянным полом коричневого цвета под ногами; с несколькими светильниками вдоль тех стен, где не было шкафов; с широким окном, выходившим на сельскую доро-

гу от дома; со стоявшей на полу длинной и тонкой вешалкой для одежды у выхода из гостиной, куда Петр повесил свою шляпу. Напротив гостиной располагалась кухня, заставленная давно не мытой посудой; с подкоптившимися когда-то белыми шкафами; со старой кухонной плитой и микроволновой печью той же марки, что и телевизор, а также с только что вымытым обеденным столом. В деревянную колонну, вместе с лестницей разделявшую гостиную и кухню, были вмонтированы уборная, где, Миша надеялся, было чище, чем в остальном доме, и подсобное помещение, где хранились инструменты. На втором этаже, по словам Петра, друг напротив друга располагались спальня и ванная комната. Когда Миша отпросился помыть руки и умыться с дороги и пошел вверх по лестнице в сторону заканчивавшегося окном коридора, он ощущал на себе недоверчивый взгляд Селянова, словно бьющий в спину током, но не обернулся. К удивлению Малинина, в ванной было довольно чисто. А вот вода была только холодная. Анастасия сообщила, что горячую отключили после того, как Петр несколько лет назад прогнал с фермы представителей ЖКХ, приняв их за очередных бандитов, желавших отобрать его ферму.

– Я им, прохвостам, – рассказывал Петр за обедом, разжевывая очередной кусок курицы, – и говорю: «Пшли вон с моей фермы!»

Курица, по мнению Миши, была суховатой, а суп казался скорее водой, куда накидали овощей, но, осмотрев дом,

он на более изысканный обед не рассчитывал. Но угощение, разумеется, похвалил.

– А они, знаешь, что потом сделали? – потряхивая вилкой в руке, продолжал Петр.

Миша, отодвигая пустую тарелку из-под воды с овощами, пожал плечами.

– Новых бандитов прислали! – бросил Петр Иванович. – Говорят: «Мы от губернатора!» – протянул он последнее слово.

– Петя и их прогнал, – понимающе кивала Анастасия. – Петя – наш защитник!

– Всем только и надо, – продолжал Петр, – что ферму нашу отобрать! – он стукнул рукой по столу, что супруга аж вздрогнула. – Сначала амбар утащили, а теперь за всем остальным пришли! Да я им..!

– Петечка, хватит уже, дорогой, – пыталась успокоить мужа Анастасия.

Миша задумался: а ведь действительно: на ферме нужен амбар, а здесь его не было. Рядом с домом, помимо пустых полей, был еще один пустырь, где, по идее, как раз было место для постройки.

– Как могли украсть целый амбар? – поинтересовался Малинин. – Да и кому он мог понадобиться?

– Бандиты и украли! – объяснил Петр. – Которые к нам ходят все время! Однажды они даже змею притащили, чтобы меня запугать! Саныч они его назвали или как там его...

– Петечка, это соседи были, – сказала Анастасия. – Я же говорила, что я их на соседней ферме видела за работой.

– Змею? – уточнил Миша, вспомнив поездку сюда. – Может, Степаныч?

Куриная лапка выпала из рук Петра Ивановича. Глаза Селянова уставились на Мишу, выражая смесь недоверия, ужаса и гнева. Он стиснул зубы, вышел из-за стола и резво зашагал куда-то в глубину дома, оставив Мишу в недоумении.

– Петечка, куда ты? – побежала за ним Селянова.

– За ружьем! Этот сопляк заодно с ними со всеми! – бросил Петр в ответ.

– О, нет... – поморщив нос, прошептал Миша, готовясь к повторению сцены во дворе. Спустя мгновение Анастасия, отговорившая мужа снова братья за ружье, привела Петра обратно за стол.

– Вы уж нас извините, Миша, – сказала Анастасия. – Когда амбар забрали, украли и любимый Петин трактор.

– «Сибирский танкист», – пробурчал Петр, усевшийся на свое место и начавший ковыряться у себя в тарелке. – Марка такая была, – проворчал он.

– Танкист, да, – подтвердила Селянова. – С тех пор Петя очень осторожен стал. Любит он уж нашу ферму очень.

Миша, радовавшийся тому, что на него не будут снова направлять ружье, развел руками:

– Тогда зачем продавать ферму, раз вы ее так любите? – спросил он.

– Потому и продаем, – посетовала Анастасия. – Мы хотим переехать туда, где поспокойнее. Где... – она вздохнула. – Где у нас не будут пытаться что-то еще украсть. Думаем к дочке переехать. У нее муж – важный человек! У него дом с охраной, да и с внуками чаще общаться сможем. Там Петечке спокойнее будет, да и мне тоже.

Петр Иванович в это время грустно глядел в пустую тарелку, оставшуюся от обеда. Миша убедился в своей догадке о том, что идея продать ферму все же принадлежит Анастасии Михайловне.

Селяновы сообщили, что большая часть вещей для переезда уже собрана. Остальное, по словам супругов, собрать они успеют к вечеру, а утром забрать Селяновых заедет их сын. А пока Мише предложили осмотреть уголья фермы, а ночью поспать на диване в гостиной.

Малинин считал, что неплохо бы уже начать ремонтировать дом, но пока бывшие хозяева собирали вещи, он с ремонтом и Селяновы мешали бы друг другу. Поэтому Миша, взяв из сумки самоучитель по сельскому хозяйству, вышел на улицу, где его встретило уходящее за кромки деревьев солнце, и пошел на поле, чтобы подробнее представить, что и как он будет делать с полями дальше.

Когда оставшийся свет от засыпавшего солнца уже не позволял комфортно читать, Миша закрыл книгу и обратил внимание на то, что, помимо светильников дома, освещавших крыльцо, на ферме совсем нет освещения: этот факт по-

могал ему поверить в то, что амбар кто-то смог украсть. «Хотя... Целый амбар же! – помотал головой Малинин. – Да еще и с трактором!» В недоумении Миша почесал затылок. Он посмотрел в сторону сельской дороги: по его мнению, неплохо было бы и там несколько фонарей установить. «А генератор где для электричества поставить? В амбаре, наверное. Ах, да. Амбара-то нет!» – Миша поморщился. А потом решил убедить себя: построит все, что надо; и отремонтирует то, что необходимо. «Эта ферма обязательно засияет новыми красками! – улыбнулся он. – Краски, кстати, прикупить нужно».

Ночью Миша, лежа на коротком, по его меркам, диване, смотрел в потолок, и не мог заснуть. Ночные птицы здесь были гораздо более говорливыми, чем городские, – и своими трелями не позволяли даже задремать. Помимо птиц, сомкнуть глаз не давал храп, доносившийся со второго этажа – похоже, как минимум одному из Селяновых птичий концерт не мешал.

«Воздухом сходить подышать, что ли?» – задался вопросом Малинин. В следующее мгновение к храпу добавился свист. Миша поджал губы – и закивал в одобрение своей идеи сходить проветриться. Скинув с себя одеяло, Миша, в футболке и трениках безуспешно борющийся с бессонницей, сел на диван, надел ботинки – и пошел к выходу из дома. Несмотря на темное время суток, в помещении было до-

вольно светло, чему способствовала и ясная погода на улице. Подойдя к двери, Миша, толкнул ее вперед – и закрыл глаза от резкого скрипа. Посмотрев над потолок над собой, он сжал зубы и замер, прислушавшись: храп наверху прекратился. Миша почувствовал себя неудобно – и звучно крикнул:

– Это Миша! Я прогуляться схожу!

Несколько секунд в доме царила тишина. Ох, как же Мише ее не хватало, пока он лежал он диване! Но вскоре по дому вновь разлились уже привычные звуки сна – и Малинин выдохнул, ведь ему не будут вновь угрожать ружьем, по крайней мере, в этот раз.

Закрыв за собой скрипучую дверь, он пошел прочь с крыльца, спустился по ступенькам вниз, поднял голову к небу – и молвил только:

– Ого!

Кристалльно чистое ночное небо освещалось десятками, нет, сотнями и даже, наверное, тысячами звезд! Каждая уникальна: были яркие, были тусклые, были большие, а были и почти не заметные. Ими, словно здешние поля – пшеницей, было усеяно огромное полотно неба, смотревшее на просторное пространство фермы. Миша глядел наверх, дышал прохладой ночного воздуха и слушал птиц. На самом-то деле они не мешали ему спать – они пели кому-то, жившим на сиявших вдали звездах. И со стороны леса птицам подпевали сверчки, организовав с ними целый хор, певший для оби-

тателей звезд за множество световых лет отсюда. «А слышат ли они, как для них поют? – грустно подумал Малинин. – Они ведь так далеко! А эти поют – и надеются, что не просто так. А вдруг все-таки слышат?» Но адресаты молчали, не отвечая. А Миша думал, что если есть хоть малейший шанс на то, что адресаты слышат или услышат однажды, то надо петь, если умеешь. А если плохо поешь, но очень хочешь, чтобы услышали, то научись петь – и пой. Или пой, как умеешь. Обязательно пой! Утром, днем, вечером и ночью, пока не услышат. И птицы со сверчками пели, будто считали так же, как Миша.

Сон как рукой сняло. Подышал воздухом, называется. Вместо того, чтобы вновь попытаться задремать на диване, Миша сидел за столом на кухне с чашкой горячего чая и листал самоучитель по сельскому хозяйству. Наткнувшись на статьи о разведении животных, он задумался над тем, будет ли это выгоднее выращивания культур – уголья были далеко не царских размеров. Он считал, что было бы проще решить, что конкретно он будет делать с фермой, если бы на ее полях росло что-то, кроме сорняка. Думы навели Малинина на мысль, что с утра надо спросить у Селяновых, что они с фермой делали раньше – вести хозяйство по проторенной дорожке наверняка было бы проще. Да вот только состояние угодий говорило, что прежнее назначение фермы успеха ее хозяевам не принесло. «Или дело вовсе не в самом хозяйстве было?» – задумался Малинин. Он все равно решил спросить:

если он получил бы представление о том, что тут на полях делалось раньше, то понял бы, чего делать не надо. Миша зевнул. На следующей странице было написано про лошадей.

– Буду продавать лошадей для скачек, – пробубнил Миша себе под нос. – Или школу конной езды открою.

От животных можно было получать молоко, от некоторых – шерсть. Также самоучитель рассказывал о продаже животных на мясо, но такая идея Мише не нравилась, так как животинку ему было жалко.

Его интерес привлекла глава про пастушьих собак. В детстве у него никогда не было собаки: родители говорили ему, что он слишком безответственный, чтобы за ней следить. А тут надо было такую собаку подобрать, чтобы не за ней следить, а чтобы она заботилась о животных на ферме. Но Миша решил, что собака ему не помешает. Только что теперь надо было делать? Еще и книги по уходу за собаками следовало читать? Малинин сидел, подпирая голову ладонью – и продолжал листать. Перед глазами проплывали страницы с информацией про коз, коров, овец – и Миша бегло читал, зная, что еще вернётся к этой информации, – и не заметил, как заснул.

Пар, шедший изо рта на выдохе, говорил о том, что тепла костра не хватает для обогрева. Пещера, вроде, казалась не больше тех, где ему довелось греться до этого. Но чем выше по горе поднимался Миша, тем холоднее становилось – и

тем тяжелее было согреться. Он приблизил ладони к костру, будто вбирая через руки приятное тепло от огня. Снег на его бровях, ресницах и щетине таял неторопливо – под стать тому, как проходил подъем в гору. Каждый раз, покидая найденные укрытия внутри горы – в пещерах или же в каменных впадинах, где его доставал кружившийся снег, – Миша продолжал карабкаться вверх по скале, надеясь, что вершина уже близко. Иногда, отвлекаясь от работы ледорубами, он глядел вверх – туда, куда он лез: порой ему казалось, что сквозь снег и облака он видит наверху свет солнца, который то гас, то вновь светился тусклым одиноким огоньком. Сейчас, стараясь согреться, Малинин думал о том, сколько он уже поднимается: день? Может, неделю? Или дольше? На самом деле гораздо дольше. Он не думал о том, что в те ночи, когда ему снился этот сон, он мог каждый раз начинать подъем заново, ничуть не продвинувшись в достижении вершины и после каждого пробуждения невольно спускаясь туда, откуда всегда начинался подъем. Миша знал, что доберется до вершины: он сделает еще один рывок, встанет на площадке, украшавшей пик скалы – и подниматься уже будет некуда. Все. Вершина достигнута! Не сейчас, конечно, но потом. Он посмотрел слева от себя, в сторону выхода из пещеры – вечно движущаяся, неугомонная стена снега, словно покрывало, служила дверью в пещеру. А за ней – опять подъем.

– Эй!

Он открыл глаза. За плечо его тряс Петр Иванович.

– Подъем, малец! – говорил он Малинину.

Он застал Мишу спящим за столом на кухне. Миша поднял голову от открытого самоучителя по сельскому хозяйству, служившего ему подушкой. В окно перед ним сбоку пробивались лучи солнца, поднимавшегося из-за макушек деревьев.

– Который час? – спросил Миша, потирая веки ото сна.

Из коридора донесся голос Анастасии Михайловны:

– Шесть ноль ноль, Миша!

Малинин потянулся, пока Петр Иванович расставлял тарелки по столу. Селяновы готовились к завтраку. Анастасия Михайловна зашла на кухню. Малинин заметил, что у нее прекрасное настроение.

– Петечка хозяйственный! – хихикнула она.

Ее супруг смущенно махнул рукой. На стол он поставил четыре тарелки.

– Скоро Алешка за нами приедет, – напомнила Селянова. – Вы с ним обязательно подружитесь! – сказала она Мише, подходя к холодильнику, чтобы достать оттуда то, что не доели вчера за обедом, который был одновременно и ужином. После вчерашней большой трапезы Миша изрядно проголодался, успев уже съесть несколько яблок, которые он притащил с собой в одной из сумок.

– Алешка и продуктов привозит, и с ремонтом на ферме помогает! – хвасталась Селянова. – Замечательный мальчик!

Миша посмотрел в еще не закрытый, полупустой холодильник, вспомнил про вид фермы снаружи, но промолчал.

Анастасия Михайловна тем временем накладывала еду в тарелки. Петр Иванович, усевшийся за стол, уже готовился поесть картофельное пюре с комочками, как за окном прозвучал автомобильный гудок.

– Приехал уже, – заявил Петр Иванович. Селянова, отдернув занавеску от окна, помахала кому-то.

– Алешка приехал! – воскликнула она.

– Рано что-то, – пробурчал Петр, разочарованно отодвинув тарелку. Снова раздался автомобильный гудок – и Анастасия Михайловна зашагала открывать.

– Родня! – кричал Алексей из-за руля автомобиля. – Шевелись! Ехать пора!

Анастасия Михайловна выпорхнула с кухни в сторону коридора. Без энтузиазма из-за стола поднялся Петр Иванович, – и, поправляя лямки комбинезона, вышел с кухни, и направился наверх.

Миша поглядел в свою пустую тарелку, слез со стула – и пошел в коридор. К этому времени дверь уже была открыта.

– Алешенька, привет! – махала рукой Анастасия Михайловна Алексею в машине.

– Быстрее давайте! – отвечал ей Алексей. Миша предположил, что это было у него вместо приветствия. На втором этаже стало шумно – это Петр Иванович двигал поклажу по полу из спальни. Миша, стоявший в коридоре, поглядел на-

верх: Петр Иванович как-то грустно смотрел то на сумки, которые в длину были немногим короче его в высоту, то на ступеньки. Через плечо Анастасии Михайловны Миша глянул на водителя белого, с грязными пятнами автомобиля «Нива»: тот качал головой и подпевал тихо игравшей в его машине музыке. Тогда Миша спросил у Петра:

– Может, я помогу сумки отнести?

Петр Иванович сначала хмуро посмотрел на него, но спустя мгновение его взгляд смягчился – и он слегка кивнул.

– Петечка! – крикнула Анастасия Михайловна, пока Миша поднимался вверх по лестнице. – Неси сумочки!

Когда Миша собирался взять сумки, Петр Иванович обратился к нему:

– Эй!

Миша посмотрел на него, протягивавшего ему руку:

– Ты извини, малец, что я на тебя – с ружьем, – замылся

Петр. Малинин удивился, но руку ему пожал:

– Бывает, – хохотнул Миша.

– Ты парень хороший, вроде, – сказал Петр. – Береги ферму мою. Свою, то есть, – добавил он грустно.

Миша кивнул:

– Само собой, Петр Иваныч.

Взяв сумки, Миша пришел к выводу, что они казались даже тяжелее, чем те, которые он привез с собой. Надеясь, что лестница под их общим весом не обвалится, он осторожно зашагал по ступенькам вниз. С улицы вновь раздался нетер-

пеливый гудок.

– Петечка! Ну, где ты там? – крикнула со стороны автомобиля Анастасия Михайловна. – Алешка к Гале опаздывает!

– К Гале опаздывает он, – пробурчал Петр Иванович себе под нос, в то время как Миша на ходу был очень занят поисками безопасного места на каждой ступеньке.

Выйдя из дома вместе с Петром Ивановичем, Миша увидел, что Селянова уже сидит в автомобиле – она улыбнулась им с Петром. А Алексей снова нажал на гудок.

– Алешка, они идут уже! – сказала Анастасия.

Петр помог Мише открыть багажник, после чего Малинин положил туда сумки. Миша заметил, как Петр Иванович смотрит на старый дом: так смотришь на старого доброго друга, с которым ты прощаешься навсегда, но сказать ему, как тебе горько, почему-то не можешь. Солнце осветило лицо Петра – и Миша заметил, как у того на глазах выступили слезы. Он не хотел продавать ферму. Не хотел уезжать. Но иногда не все бывает так, как мы хотим. Петр Иванович принял доводы жены и дочери, убеждавших его, что отъезд пойдет ему во благо, но покидать это место ему все равно было нелегко. Мише в тот момент стало грустно. Он отвел взгляд от Селянова – и закрыл дверь багажника. Звук, изданный закрывшейся дверью, вернул Селянова в реальность: он поджал губы и, хмыкнув носом, пошел занимать заднее сиденье автомобиля. Малинин обошел автомобиль сбоку.

– Пока, Миша! – крикнула махавшая ему рукой Анаста-

сия Михайловна. – Удачи вам!

– Вам тоже! – помахал ей в ответ Малинин, после чего посмотрел на Петра Ивановича. Петр кивнул ему. Миша тоже сделал ответный кивок.

– Едем, Алеша! – скомандовала Селянова. Автомобиль двинулся с места – и поехал от фермы в сторону главной дороги. Миша смотрел им вслед, пока они не сделали поворот на развилке – и не скрылись за деревьями.

Ферма окончательно опустела. Миша огляделся: тихо, безлюдно. Лишь утренние птицы, принявшие смену от ночных, вели друг с другом медленный разговор. Вот-вот их болтовня станет оживленнее, а Малинин, смотревший на печальное состояние фермы, размышлял: а если он сейчас сам уедет и не вернется, останется ли это место безлюдным? Найдутся ли у кого-то желание и энтузиазм приводить здесь все в порядок? Поля хотя бы. Миша с досадой поморщился: он осознал, что так и не спросил у Селяновых, чем они раньше занимались на ферме, а своих новых контактов они не оставили. Малинин выдохнул:

– Ну, и ладно, – сказал он. – Может, мне повезет и так.

Глава 2

Велосипед

Вернувшись в дом, Малинин взялся за генеральную уборку. Он разгонял из углов дома пауков, возмущавшихся нахальству нового хозяина дома, прогонявшего их из облюбованных мест; протирал пыль со столов, полок, шкафов и прочих поверхностей, где пыль царила неделями, месяцами или даже больше; выгребал отовсюду оставшиеся от Селяновых предметы старины, вроде старых инструментов, – и раскладывал их по найденным в доме коробкам с мыслями о том, что, может, Селяновы вернутся за ними потом; выметал грязь с пола, который пока решил не мыть – вместо этого он планировал полностью заменить половицы.

Славно потрудившись в первый же день своего хозяйствования на ферме, Миша решил закончить день мытьем окон и стеклянной вставки в главной двери. Как и ночью, небо было чистым, безоблачным. Сквозь начинавшее блестеть окно Миша смотрел, как редкие птиц пролетают над его домом, направляясь вдаль, на юг. Кто знает: возможно, ночной концерт, который ему повезло слышать, в этом сезоне был последним?

Вымыв изнутри стекла окон на кухне, он открыл окна на-

стежь, чтобы протереть их с другой стороны. В воздухе ощущалась осенняя свежесть. Казалось, что следом за Селяновыми эти места покидали последние признаки лета. Птицы вскоре умолкнут, пойдут дожди, оставшаяся зелень на деревьях поменяет свой цвет, а потом и вовсе превратится в ковер на земле, согревая корни растений в холодающую погоду. А потом, после зимы, все станет возвращаться: тепло, птицы, зелень на ветках деревьев – в том, что это все вернется, можно было быть уверенным. Но это природа – ее законы четкие и всем известны. А порой что-то заканчивается, кто-то уходит – и так хотелось бы знать, что однажды все станет, как раньше, и все, кто ушел, вернется! Как же бы хотелось быть уверенным, что и эта осень закончится, что и эта зима пройдет – и вновь настанет весна, будто бы и не было никогда холодов! Словно это был лишь дурной сон, долгий и печальный, но вот ты просыпаешься – и снова весна! Миша вздохнул: та весна, о которой думал он, была вовсе не про времена года и могла никогда и не настать. Но как в конце зимы ощущаешь запах весны, как морозы начинают отступать, так и он чувствовал, что весна придет. Но иногда он сомневался. Начинал считать, что отступление зимы ему лишь кажется, что он обманывает себя. А ему хотелось верить, что он ее, весну, приближает, и что та весна однажды настанет, хоть и вопреки здравому смыслу. «Обязательно пой! – думал он. – Утром, днем, вечером и ночью, пока не услышат».

Над домом по пути перелетных птиц на юг пролетел крас-

но-белый самолет-«кукурузник». «Все, что летает, осенью на юг летит», – решил Малинин. Пока он провожал самолет взглядом, вдали на дороге к ферме вышла согбенная старушка. Когда Миша заметил ее, то решил, что, несмотря на возраст, шла она довольно бодро. Закрыв окно на кухне, Малинин протер руки лежавшей рядом тряпкой и направился встречать гостью.

Когда он открыл дверь и вышел на крыльцо, женщина увидела его и остановилась. Разглядывая Мишу секунд пять, она все же продолжила свой путь к дому, периодически поглядывая на Малинина. Когда она подошла поближе, Миша крикнул:

– Приветствую! – поднял он ладонь. – Чем могу помочь? Бабуля не отвечала, продолжая шагать в его сторону.

«Может, не расслышала?» – подумал он. В это время она подошла ближе к крыльцу.

– Кто таков, м? – хмуро спросила женщина.

– Я Миша, – сказал он.

Она сверлила его взглядом, от чего ему стало слегка не по себе. Миша поежился.

– Может, чаю хотите? – спросил он, пытаясь быть гостеприимным.

Женщина наклонила голову в сторону, смотря Мише за спину, на дверь дома. Он тоже обернулся, но ничего интересного там не увидел.

– Хозяева тут? – продолжала интересоваться женщина.

– Селяновы? – спросил Малинин. – Уехали они с сыном, Алексеем Петровичем. Теперь я тут живу.

Глаза женщины округлились.

– Бандит?! – грозно спросила она. В этот момент ему показалось, что в ее руках вот-вот появится ружье.

Он нервно хохотнул:

– Да не бандит я! Я Миша Малинин. Анастасия Михайловна продала мне ферму. У меня даже документ есть!

Старушка насупилась и, к его удивлению, развернулась – и зашагала обратно. Некоторое время Миша недоумевающе смотрел ей вслед, потом пожал плечами – и пошел домой.

Закрыв за собой входную дверь, Малинин пошел на кухню, чтобы взять принадлежности для мойки окон: упаковку с моющим средством, губку и таз с водой – и перенести их в гостиную. Миша был мужчина массивный, так что таз потащил в одной руке, как поднос, а губку и моющее средство понес в другой. Стоило ему расставить предметы для наведения чистоты на подоконнике, в дверь постучали. Выйдя в коридор, Миша сквозь занавеску и пока не мытое стекло увидел знакомый силуэт. Когда он открыл дверь, то поздоровался:

– И снова здравствуйте, – смотрел Миша на старушку, которая зачем-то решила вернуться.

Та смотрела на него уже более мягко:

– Настя свой телефон не оставляла? – поинтересовалась та.

Миша задумался: «Да, вроде, нет». Он помотал головой. Старушка постояла – и сказала:

– Ладно, – и, как и в первый раз, развернулась – и пошла восвояси. Миша закрыл дверь и, дойдя до конца коридора, опять услышал стук в дверь. Повернувшись, он увидел ту же старушку. Малинин вздохнул – и отправился открывать дверь.

Отворив дверь, Миша уже молчал. Женщина тоже молчала. Малинин наклонил голову набок:

– Так я могу помочь? – спросил он.

– У меня песик убежал, – ответила старушка. – Найти не могу. Поможете? – неуверенно спросила она.

– Песик? – уточнил Миша. – Я тут в округе не видел собак.

– Он обычно у меня на ферме прячется, – объясняла женщина. – Он когда спрячется, я к Насте прихожу – и мы с ней его искать идем. Всегда с ней искали его – и он находился. А у меня одной не получается найти его.

Взгляд старушки казался Мише удрученным.

– Ну, давайте поищем пса, – сказал Миша. – До фермы далеко?

Та помотала головой. Повернулась – и показала куда-то за лес, где проходила главная дорога:

– Пару шагов туда пройти – и ферма моя будет.

«Пару шагов, значит», – подумал Миша, сомневаясь.

– Я только свитер возьму – и пойдем, – все же ответил он.

Пока Миша и его новая знакомая шли в сторону ее фермы, Малинин выяснил, что зовут ее Лариса Борисовна. Вот уже почти шестьдесят лет она в одиночку содержит свою ферму, доставшуюся ей от родителей. Была она единственным ребенком в семье, причем поздним.

– Тятя с маменькой Герои труда были – вот им и дало государство ферму как награду. А когда не стало их, – тихим голосом добавила она, когда они с ней уже прошли пару сотен метров вдоль главной дороги, – мне пришлось одной там работать.

– Одиноко, наверное, было, – предположил Малинин.

– Было, Миша, – согласилась та. – Вот я и заводила друзей среди других фермеров, чтобы не было скучно одной. Вот с Настей, например, познакомилась. Всегда с ней было интересно, да и муж ее каждый раз историю какую-нибудь расскажет: а истории, хоть и занимательные, но жуткие – аж волосы дыбом!

Миша улыбнулся:

– Дайте угадаю: про бандитов.

– Да! – подтвердила та испуганно. – То амбар утащат, то громил к нему посылают ферму отбирать. А он героически ее отстаивал всегда! Ты не обижайся, внучок, что я тебя за бандита приняла сначала. Не верилось мне, что Селяновы ферму продадут. Очень уж они ее берегли... Пошли дорогу вот тут перейдем! – показала она на участок дороги, на другой стороне которого, если пройти чуть дальше, видне-

лось отвлечение, что вело на ферму Ларисы Борисовны. На участке виднелись выцветшие, еле заметные остатки разметки.

– Краска тут старовата, – заметил Миша, осматривая «зебру». – Да и знак дорожный не помешало бы установить. А то ночью за рулем можно и не заметить, что тут переход.

Та махнула рукой:

– Администрацию сколько ни проси – толку как от козла молока. Говорят, не наша, чиновников местных, это ответственность!

Когда они перешли дорогу и оказались у развилки, Миша, увидев ферму Ларисы Борисовны, восторженно воскликнул:

– Вот это да!

Перед ним открывались просторные, ухоженные угодья: квадраты полей, окруженные квадратами заборов и засеянные каждый своей сельскохозяйственной культурой: капуста, морковь, картошка, ягоды разные, помидоры, огурцы, репа, редис, лук; пасека с жужжащими пчелами, живущими в семи деревянных домиках; белый-белый дом с коричневой крышей, будто только вчера покрашенный; рядом с домом – рыжий, под цвет солнца, амбар; у входа в амбар – мирно жующая сено корова на привязи, а неподалеку – высокий металлический шест с крутящимся под действием ветра «цветком» наверху – ветряной насос.

– Вы это все сами поддерживаете? – дивился Миша, вместе с Ларисой Борисовной проходя мимо полей и оглядывая

их.

– Сама, сынок, – ответила женщина. – В последние годы, правда, тяжелее стало, – посетовала она. – С годами все больше отдыхать хочется, чем следить за всем этим.

Увидев их, буренка прекратила жевать.

– Это Жаклин, – подходя к корове, сообщила бабуля. Когда она погладила корову, животное продолжило трапезу. – Жаклин тоже скучает по Арбузу.

Малинин помотал головой:

– Арбузу?

Женщина засмеялась:

– Это песик мой. Я когда ему имя выбирала, арбуз по телефону заказывала. Каждый раз, когда я говорила «Арбуз» девочке-продавице, этот маленький комочек радостно лаял, – с улыбкой вспоминала женщина. – Вот я и назвала его «Арбуз».

Миша хохотнул – и спросил:

– Так где Арбуз, по-вашему, может быть? Может, в амбаре где-то сидит?

– Ой, вряд ли, – та махнула рукой.

– А если позвать его? – поинтересовался Миша.

Та помотала головой:

– Если Арбуз пропадает, то не отзывается совсем. Любит он, чтобы я его искала. Пошли со мной.

Пока Миша с Ларисой Борисовной обходили ее ферму, та рассказывала ему разные истории: как страна развалилась;

как фермеры с Большой засухой боролись; как Арбуз в грозу привел домой убежавшую испуганную Жаклин, держа в зубах ремень, привязывавший ее ошейник к металлической петле в земле. Миша же поспрашивал у нее об искусстве фермерского хозяйства, чем она охотно с ним поделилась.

Вечерело. К тому моменту они обошли всю ферму, но Арбуза не нашли.

– А не мог пес вообще с фермы сбежать? – задал вопрос Малинин. – В лес, например.

– Ни в коем случае, – уверенно заявила Лариса Борисовна. – Арбуз хоть и любит, чтобы его искали, но с фермы без дела не убегает.

Миша подумал-подумал – и крикнул:

– Арбуз!

И тут он услышал радостное тьяканье – со стороны амбара к ним на коротких лапках семенил пес породы корги.

– Вот же он! – улыбнулся Миша – и посмотрел на Ларису Борисовну. Та, кажется, ничуть не была удивлена появлению питомца. Встав у ног Миши, Арбуз вновь счастливо залаял. Миша встал на одно колено – и погладил пса, от чего тот высунул язык.

– Вот, – говорил Миша. – Надо было только лишь позвать. Женщина кивала:

– На голос Насти он тоже всегда вот так отзывался, – робко улыбнулась та. – Пойдем чаю с малиной поьем, внучок?

Малина, из которой было сделано варенье на столе у Ларисы Борисовны, была выращена на ее ферме. И варенье старушка сделала сама. Всю малину она продавала, а когда лето за середину переваливало, начинала варенье делать: большей частью торговала, но и себе оставляла немного. У нее в доме было просторное помещение, полки в котором были уставлены банками с вареньем и соленьями.

– Личные запасы, – сказала старушка, показывая Мише и семенившему возле них Арбузу комнату с банками. Арбуз хоть и был здесь великое множество раз, но не уставал с восторгом смотреть на результат хозяйских работ.

В коридоре дома Малинин заметил черно-белую фотографию в золотого цвета резной рамке, стоявшую на столе. На ней было двое молодых людей: мужчина и женщина, стоявшие в обнимку. Лариса, заметив интерес Миши к фотографии, объяснила:

– Это мы с женихом. Сбежал он за неделю до свадьбы с Нинкой, – и зашагала на кухню, молчав после этого дольше обычного.

На кухне было уютно: все было отделано коричнево-рыжим деревом, круглый год напоминая о теплых днях; окно выходило на амбар, откуда приветливо смотрела Жаклин, и на пасеки, чтобы можно было наблюдать за пчелами. У подоконника стоял стол, у которого располагались три стула.

– Мы с родителями любили вот так сидеть, чай пить, – сказала Лариса Борисовна, наливая чай в кружки на столе. –

Всей семьей собирались – и вечера проводили. Когда их не стало, я надеялась, что мы с Аркашей – на фотографии которой – тоже семью заведем и тоже будем жить здесь. И все три стула снова будут заняты по вечерам за чаем: Аркаша, сынок наш или доченька – и я рядом с ними.

Она отвернулась – и открыла шкаф, откуда начала доставать печенье. Говорила она спокойно и размеренно, но от этого Мише было не менее горько слушать ее рассказ. Ему к горлу подкатил ком.

– Настя мне говорила, – продолжила она, говоря спиной к Малинину. – Заведи себе мужика: и на ферме поможет, и веселее будет, чем одной. – Она повернулась к нему с тарелкой полной печенья к чаю – и поставила на стол. Затем села на стул напротив Миши.

– Ты пей, внучок, – сказала Лариса. – Остынет же чай. Малинки положи себе.

– Ой, да, спасибо, – вернулся Миша в материальный мир из своих рассуждений. Открыв банку с вареньем, он ощутил свежий запах малины. Малину он любил – ему положено было, как Мише Малинину. Зачерпнув ложкой варенья из банки, он положил его себе в чашку – и начал помешивать.

– Так, а вы что? – неуверенно спросил он. – Что отвечали Анастасии Михайловне?

Старушка вздохнула:

– Что люблю я этого Аркашку, – сказала она сдавленным голосом, сдерживаясь, чтобы не расплакаться. – И что даже

если он с другой и я ему не нужна, не могу ничего с собой поделаться.

Миша прекратил мешать варенье в чае.

– И никого другого любить больше не можете, потому что сердце лишь одному отдано? – спросил, поджав губы и заметив, что ком в горле стал давить пуще прежнего.

Лариса Борисовна удивленно посмотрела на него – и участливо кивнула.

– Понимаешь, значит, – сказала она, улыбнувшись.

Они пили чай и говорили. Миша рассказывал ей, почему он решил купить ферму; а также говорил об одной главной причине того, чем он занимался в жизни последние годы; а она удивлялась его рассказу, местами сомневалась, но не отговаривала, а выражала слова поддержки, потому что понимала, что они с ним похожи: вот только она не полезла в гору, в отличие от него, а ему хватило смелости и хорошей, доброй дерзости, чтобы карабкаться вверх. Или же она была слишком здравомыслящей и рациональной, чтобы петь песни жителям звезд. Их разговор с интересом слушал пес по имени Арбуз, то игравший со своей тенью, то подтягивающий их смеху, то мирно лежавший на полу у хозяйских ног.

Когда чай был допит, на улице уже был глубокий вечер. Взглянув в окно, Миша увидел, что вокруг светло: бьющие далеко светильники были установлены на крышах дома и амбаров, на ветряном насосе, а также на заборах, так что старушка и ночью могла видеть, что происходит в дальних угол-

ках ее фермы.

Выйдя вместе с Ларисой Борисовной из дома и собираясь идти к себе на ферму, Миша спросил, оглядывая крыши:

– А лампочки кто меняет, если перегорят?

– А ты как думаешь, внучок? – хохотнула она.

Миша удивленно поднял брови.

– И это сами делаете? – изумился он.

– Конечно! – гордо заявила женщина. – Здешний люд с малых лет по ветрякам лазать умеет, а уж на крышу залезть – проще пареной репы! Подожди меня тут, Миша, – остановила она его. – У меня для тебя есть кое-что в благодарность, что Арбуза помог найти!

Произнеся эти слова, она зашла в амбар – и начала там шуршать. Спустя пару мгновений она вывезла оттуда зеленый велосипед, который по виду для нее был уж очень велик.

– Это тятин, – объяснила она, подвозя к нему двухколесного «коня». – Я всегда слишком мала была, чтобы ездить на нем. А вот папа был с тебя ростом.

Велосипед был очень старой модели, но чистый – Лариса Борисовна всегда ухаживала за ним.

– Он у меня только место занимал, а выбросить рука не поднималась, – сказала женщина. – Возьми, Миш – может, тебе пригодится.

– Спасибо, Лариса Борисовна, – Миша с удовольствием принял подарок. Автомобиля у него не было, а посещать город для покупки всякой мелочи наверняка придется. На ве-

лосипеде все же быстрее, чем пешком.

– Ну, давай, ремонтируй ферму, – сказала на прощание женщина. – Получится у тебя все с таким настроением обязательно! Заходи на чай с малиной как-нибудь, внучок!

Тот благодарно кивнул и улыбнулся:

– Зайду обязательно! Счастливо! – Миша сел на велосипед – и поехал в сторону главной дороги вдоль освещенных искусственным светом полей, провожавших его на пути к дому. По дороге он думал о том, что негоже людям в одиночестве оставаться в старости, даже когда они это одиночество выбирают сами. Он думал, а не выбрал ли он сам одиночество, решив идти по своему нынешнему пути? До отметки в сорок лет – рукой подать, а там уже и пятьдесят, и шестьдесят, и больше, если доживет. Когда он слушал историю Ларисы Борисовны, то ему стало и легче, и тяжелее: легче, так как кто-то понимал, что он чувствует; тяжелее, так как теперь он видел, к чему нежелание подстраиваться под обстоятельства может привести и, скорее всего, приведет его самого. Но Миша считал, что действовать по-другому – это идти против самого себя, против того, что чувствуешь. Выехав на главную дорогу, он не без труда отогнал от себя скептицизм – и повернул домой. «Перед сном, может, успею еще окна домыть», – подумал Малинин.

Ветер дул так сильно, что было тяжело дышать. Жадно вдыхая носом морозный воздух, Миша подтягивался вверх,

вбивая ледорубы в покрытую льдом скалу, и, упираясь шипастыми ботинками, старался не соскользнуть. Он посмотрел вниз, чтобы оценить, насколько близко земля, но подножие горы было скрыто вьюгой и облаками – такой же вид, как и над головой. Малинин выдернул ледоруб из корки льда, размахнулся – и вбил его выше.

Миша открыл глаза. По радио, которое служило вместо будильника, играла песня «Эх, город мой сибирский!» местного исполнителя по имени Александр Комаров. Малинин все еще спал на диване в гостиной и даже начинал потихоньку привыкать к нему.

Фермер сел на диван. Вчера он домыл окна и лег спать поздно. Помимо этого на кухне сломался кран, который Мише удалось починить. Сейчас он надеялся, что успешная починка крана была не во сне. Поднявшись и выключив радио, стоявшее на полке в шкафу и забытое – или любезно оставленное Селяновыми, чтобы Миша не скучал в тишине. Выйдя из гостиной на кухню, он осторожно включил кран – работает! Довольный Миша, вооружившись вдохновением, вызванным починенным краном, сегодня собирался сделать важное дело, которое еще вчера делать не планировал. Но сначала нужно было подкрепиться. Его бабушка в детстве говорила ему:

– На голодный желудок, Мишутка, можно только три вещи делать: завтракать, обедать и ужинать.

Чтобы сделать на голодный желудок дело, одобрявшееся его бабушкой, Малинин заглянул в холодильник. Улыбка его выпрямилась, когда, открыв дверцу, он ничего там не обнаружил – последние оставленные Селяновыми свежие продукты он съел еще вчера. «Ну, и ладно, – подумал он. – Все равно собирался ехать в город».

Умывшись, почистив зубы и побрившись в ванной, Миша намочил свои волосы и быстро вытер полотенцем.

– Хорошая прическа получилась, – подытожил он, смотря в зеркало.

Спускаясь на первый этаж, он услышал шум воды.

– Только что же воду выключил, – нахмурился он. А потом прислушался: шум шел не из ванной. Оказавшись на первом этаже, он глянул сквозь блестящее стекло в двери за отдернутой занавеской: шел дождь. Первый осенний дождь в этом сезоне. Миша, не спеша и не сводя глаз с открытой взору улицы, разделенной на коричневые поля, на зелено-желтую природу и на серое небо, шел навстречу двери. Стоило открыть ее – и шум падающей с неба воды усилился. Будто сначала дождь старался не шуметь – мало ли, может человек в доме спит еще, а теперь, когда человек открыл дверь, дождь решил: «А, не спишь, значит! Тогда я на всю громкость включу!» «Заботливо со стороны дождя», – подумал бы Малинин. Дождь заботился о Мише, потому что знал, что осень Малинин не жалуется. А осенний дождь от летнего отличается. Даже если не говорить Мише, какое сейчас время

года, осень он определил бы по дождю: по звуку, по запаху, по влажности в воздухе. По холоду. Осенний дождь не был ласковым, как летний, или бодрящим, как весенний. Он звал запереться дома, накрыться пледом и ждать, пока он закончится. По крайней мере, Мише так казалось.

Малинин уперся плечом о дверной косяк, смотря на то, как множество капель падают с неба, будто каждый из обитателей звезд, которым еще недавно пели серенады, плакал о том, что серенад больше не будет. Слышат, значит, как им поют! Слышат, но когда уже поздно, когда нет уже песен, когда певцы закончили свой концерт. «Нельзя заканчивать концерт, – посчитал Миша. – Только закончишь, уйдешь со сцены – а тут и слушатель появится. Или он в любом случае появится, когда уже будет поздно?»

Решив, что он не будет ждать, пока закончится дождь, Миша надел на голову кепку, найденную им на дне одной из привезенных сумок, накинул ветровку, вывез из дома велосипед, оставленный им вчера в коридоре, стащил велосипед вниз с крыльца – и поехал по мокрой грязной дороге, объезжая лужи.

Фермерские угодья, среди которых была и Мишина ферма, располагались между двумя городами: Западным и Восточным. От Мишиной фермы до Восточного было ближе, так что свой путь он держал туда. Кроме этого, в Западном он уже был – там была автобусная остановка, с которой он и шагал, пока ему не встретились супруги на «Жигулях»

со своим питомцем по кличке Степаныч. А вот Восточный он знал только по фотографиям, да по рассказам жителей Западного, плевавшихся при упоминании города-соседа. По словам «западных», у «восточных» все было не так: и дороги у них развалились уже, и собаки бродячие у них злобные, и продавцы, коль заметят среди покупателей «западного», обсчитать его намерены и просрочку впарить.

– Просроченная еда – это плохо, – кивал Миша. – Да и обсчитывать нехорошо.

Когда он согласился с жителями Западного, его тут же пригласили на местную свадьбу, но Малинин вежливо отказался. Повеселился он уже в свое время: и на свадьбах, и на вечеринках, и на концертах, и где он только ни кутил. Вспоминая полные алкоголя застолья, танцы и культурные мероприятия, которыми Миша занимал свою жизнь, он поморщился, поворачивая на главную дорогу. От всех этих дел он решил отказаться, потому что не вязались они с тем, чему он посвятил свою дальнейшую жизнь, проживаемую им сейчас.

Пока Миша крутил педали, дождь усилился. Кепка промокла насквозь, как и джинсы спереди. Сухими оставались только ветровка, куда он предусмотрительно переложил деньги перед поездкой, и ботинки. Проезжавшие слева от него редкие автомобили «махали» ему, очищая лобовое стекло от воды. Хотя Миша и считал себя человеком вежливым, махать в ответ он все же не думал.

И тут на обочине на другой стороне дороги он увидел че-

ловека, пинавшего колесо своей машины-иномарки. Мужчина тот был с темными курчавыми волосами, усатый, в плотной синей матерчатой куртке, которую обычно надевают в теплую зиму, светлых джинсах и черных ботинках. Миша съехал на обочину справа от себя – и пригляделся: между попытками забить гол колесом автомобиля, мужчина активно и разочарованно махал руками и ругался. Малинин посмотрел по сторонам – и, не увидев вблизи автомобилей, взял велосипед в руки и перешел на противоположную сторону дороги. Подойдя поближе к водителю, Миша сказал:

– Привет! Помощь нужна?

Курносый усач сначала недоверчиво осмотрел Мишу с ног да головы, а потом, видимо, решив, что его не собираются грабить, ответил:

– Да машина заглохла, – пнул он с досадой колесо еще раз.

Миша поставил велосипед на землю и пожал плечами:

– Если двигатель, то я посмотреть могу. Я ковырялся в двигателях пару раз.

Вновь с подозрением посмотрев на Мишу, водитель махнул рукой:

– Да забудь. Попутку возьму.

Неожиданно дождь стал утихать.

– Хозяин – барин, – ответил Малинин и уже собирался брать велосипед, как незнакомец, произнес:

– Не, погоди, друг, – остановил он Мишу, передумав. – Глянь, что там с двигателем.

Ушедший на перерыв дождь предоставил возможность посмотреть, что под капотом. Миша повесил кепку на велосипед, предварительно протер капот тряпкой, которую попросил у водителя, и начал смотреть, что может быть не так с двигателем. Водитель представился как Александр Заболотный, предприниматель с востока страны, собиравшийся покорять за границу. Одежда на вид у него казалась дорогой – предприниматель же! Занимался он на тот момент перекупками – и ехал в Западный, чтобы лично согласовать выгодный контракт. Миша не перебивал бизнесмена и старался делать вид, что с интересом слушает, хотя речи о покорении за границы только отвлекали его. К тому же, Мише хотелось побыстрее закончить: вот-вот дождь собирался продолжить, а еще у него урчало в животе от голода. Наконец, он нашел, в чем причина поломки.

– Эту деталь наверняка можно в Восточном купить. Уверен, там продается, – подытожил он, протирая руки все той же тряпкой. – Пешком долго туда идти придется, правда.

Пока Миша держал путь в Восточный, все автомобили ехали оттуда и ни одного – в обратную сторону.

– Тогда точно придется попутку ловить, – задумчиво произнес Заболотный. – Ну, да ладно, – повеселел он. – Если дождь не начнется, может, кто и остановится подвезти!

Стоило ему это сказать, вдалеке прозвучал раскат грома – и по металлическому капоту вновь забарабанила вода.

Предприниматель помотал головой, грустно улыбаясь.

Посмотрел на него Малинин – и подумал: «Ну, и сколько же ты тут пробудешь? А сколько уже пробыл? Не бросать же тебя тут». Миша вздохнул – и сказал:

– Я в Восточный еду за продуктами. Могу заехать за деталью двигателя. Деньги за деталь потом отдадите.

Александр посмотрел на Мишу как на инопланетянина и не сводил взор секунды три, не проронив ни слова. И тогда его лицо вновь озарилось белозубой голливудской улыбкой, а взгляд засиял:

– Отдам, дружище! Конечно! – радостно расхохотался он.

Оставив нового знакомого в машине, Миша продолжил поездку в городок Восточный. Он думал, как же ему повезло, что Лариса Борисовна подарила ему велосипед. Занимавшийся доставкой единственный на два соседних города курьер – наверное, можно не упоминать, что по местным меркам он был очень зажиточный – улетел в отпуск на какие-то там острова на другом конце планеты – и фермерам все приходилось привозить из городов самостоятельно. В отличие от других фермеров, Мише нужно было ездить за покупками чаще: если большинство его коллег сами выращивали себе еду на полях и в огородах, то в угодах у Миши был только сорняк, а сорняк, по его мнению, в еду ну никак не годился.

Дорога между городами была прямой – и путешественники из Западного в Восточный и обратно ехали, будто по линейке. Если бы один из этих городов построили на горе, то

доехать до другого зимой можно было бы на ледянке или картонке, будь дорога покрыта льдом. В детстве Малинину нравилась зима, особенно морозная: когда школу отменяли из-за холодов, он тащил с собой друзей кататься с горок. После таких покатушек в минус тридцать градусов по Цельсию домой он всегда возвращался веселым, даже если с соплями. А сейчас он крутил педали велосипеда, проезжая мимо синего дорожного знака с надписью «Восточный». Наконец-то он доехал.

Восточный был высотой максимум два этажа. Двухэтажные дома здесь называли по-разному: высотки, многоэтажки, небоскребы. А вот жителей вторых этажей, которые нередко были приезжими, за глаза зачастую звали «чердачниками». Миша интересовался, как бы жители называли его, все детство и юность прожившего аж на четвертом этаже. Фермер предполагал, что его местные звали бы «космонавтом».

По мнению Малинина, дороги здесь были ничем не хуже, чем в Западном, а бродячих собак на улицах он вообще не заметил. Но все же Миша держал ухо в остро – местные уже научили его, что слухи иногда – это не просто слухи. На старой остановке, рассчитанной на два сидячих места, сидели две женщины: пожилая и среднего возраста – Миша предположил, что это были мама с дочкой. Малинин остановился у остановки – и нырнул под крышу. Ему пришлось немного пригнаться, потому что в противном случае у него не полу-

чилося бы залезть под низкую крышу.

– День добрый, – поздоровался он, приветственно снимая промокшую кепку.

Болтавшие до этого женщины посмотрели на него с любопытством, а потом, будто его и не было, продолжили обсуждать что-то свое.

– Я спросить хотел. Где тут у вас в городе магазины запчастей для машины? – задал он вопрос, смотря то на одну, то на другую.

Они вновь взглянули на него. Младшая махнула рукой в сторону центра:

– Туда! – бросила она, после чего женщины вернулись к оживленному разговору.

– Спасибо, – кивнул он, подумав, что от него просто хотят побыстрее отвяжаться, нежели объяснять дорогу. Надев кепку, Малинин вылез из-под крыши – и поехал вниз по улице. По пути он пробежал глазами то слева, то справа по одноэтажным и двухэтажным зданиям, рассматривая вывески: продуктовый магазин «Огурцы, груши, хлеб»; стоматология «Зубы – вон!» – туда, по мнению Миши, лучше было не ходить; обувной магазин «Галошин»; мебельный «У Емели»; а вот и магазин автозапчастей под названием «Магазин автозапчастей». Мише стало слегка стыдно за то, что он засомневался в местных. Он решил, что купит конфет – и на обратном пути привезет тем двум дамам.

Завернув в сторону магазина, Миша подъехал к зданию,

оставил велосипед у входа – и зашел в помещение, в котором играла музыка позапрошлого десятилетия. Стены серого цвета автомастерской были украшены множеством стенов, на которых были закреплены небольшие детали автомобилей и инструменты. Внизу на прилавках, накрытых потертыми стеклами, лежали детали покрупнее. Миша, хлопнув за собой дверь, начал осматриваться.

Спустя несколько мгновений дверь подсобного помещения открылась – и оттуда вышел мужчина лет шестидесяти – практически лысый, в темно-синем фартуке, испачканном в автомобильном масле, клетчатой рубашке и штанах цвета хаки.

– Чем помочь? – спросил он приветливо, закрывая дверь.

Миша не помнил точного названия детали, но описал ее внешний вид и то, за что в двигателе она отвечала. Продавец – человек опытный – сразу понял, о чем речь.

– А! Знаю, о чем вы. Сейчас достанем, – он подошел к одному из прилавков – и скрылся под ним. В это время сквозняком приоткрылась дверь помещения, откуда продавец вышел. Миша подглядел через прилавок, а там была целая автомастерская!

Продавец вылез из-за прилавка с коробкой деталей:

– Три тысячи! – заявил он.

Миша закусил губу:

– Только всю коробку целиком продаете?

– А вы как хотели? – усмехнулся продавец. – Бизнес та-

кой!

Миша вздохнул:

– Ну, ладно. Давайте.

Продавец кивнул – и пошел на кассу оформлять товар.

– Раньше я вас не видел тут, – заметил продавец. – Не местный?

– Нет, – Миша помотал головой, отсчитывая деньги. – Я издалека. Как узнали, что не местный? – поинтересовался Малинин.

– Мы тут все друг друга знаем, – заявил продавец. – Городок маленький, но всяко больше Западного, – похвастался он.

Миша пожал плечами:

– На карте, вроде, одинаковые.

Неожиданно продавец со звоном захлопнул кассу, которую только-только открыл, – и хмуро уставился на Мишу:

– Пять тысяч! – объявил он.

Миша растерялся:

– Но вы же сказали три!

– Пять! – настаивал продавец. – Или никаких деталей!

После покупки детали для двигателя Миша хотел забежать в продуктовый – купить себе поесть и коробку конфет для двух женщин, показавших ему дорогу. А пять тысяч – это все деньги, которые он с собой взял. Можно было, конечно, еще поездить по дождливому городу, поспрашивать у местных про другие магазины с запчастями, которых мо-

жет в Восточном и не быть больше, чтобы поискать варианты подешевле. А пока он все объездит и ничего не найдет, этот магазин закроется. Но не возвращаться же к Заболотному с пустыми руками! Обещал же деталь купить. В животе снова заурчало.

– Ладно, – приуныв, ответил Миша – и протянул продавцу пять тысяч. – Давайте за пять.

Продавец недовольно взял деньги из рук Малинина, демонстративно долго просвечивал купюру под лампой – и все же открыл кассу, положив туда банкноту. Положив на кассовый стол коробку с деталями, он сухо сказал:

– Всего хорошего.

Миша спросил, забирая коробку:

– А пакета нет? Дождь же.

Продавец вновь хмуро на него посмотрел. Малинин рассчитывал, что ему сейчас предложат пакет за тысячу или две, но, к его удивлению, продавец смягчился, вытащил из-под кассового стола пластиковый пакет – и сказал:

– К покупке прилагается. Бесплатно.

Миша подумал, что продавцу могло стать стыдно за то, что он забрал у покупателя все деньги, но уточнять причину не стал. Вместо этого он поблагодарил работника, вышел из магазина и приготовился ехать обратно.

По дороге обратно дождь ослабевал. Путь назад казался короче, пускай и был столь же прямым, как и езда в сторону Восточного. Автомобиль предпринимателя все так же стоял

на обочине. Съехав с дороги, Миша повез велосипед по глинистой земле.

Александр Заболотный дремал в салоне автомобиля. Миша, подойдя к двери машины, легонько постучал в стекло, от чего бизнесмен вздрогнул, но, увидев через окно уже знакомое лицо Миши, взялся спускать стекло.

– Ну, как там дела? – спросил бизнесмен, пробуждаясь от сна.

– Все купил, – с усталой улыбкой и с чувством выполненного долга ответил Малинин. Давно он столько не ездил на велосипеде. Он уже хотел подумать о том, как завтра с утра будут болеть ноги, но отбросил эту мысль.

– Отлично! – просиял водитель. – Залезай в авто. Может, дождь скоро утихнет. Да и отдохнешь с дороги.

Миша поставил свой велосипед у задней двери иномарки и, обойдя автомобиль, сел на пассажирское сиденье.

Внутри салона пахло сигаретами, кое-где были разбросаны хлебные крошки, но, как заметил фермер, сидеть было удобно.

– Вот, – открыв пакет, Малинин достал оттуда коробку с деталями – и поставил перед водителем.

– Целую коробку купил? – удивленно спросил водитель.

Миша развел руками:

– По-другому не продали, – объяснил он. – Продавец говорит: «Бизнес такой».

Водитель понимающе закивал. Предприниматель же!

– А отдал за них сколько? – спросил он.

– Три тысячи, – заявил Миша, не помедлив с ответом. Он еще по дороге решил, что назовет водителю первоначальную стоимость, а не ту, которую ему пришлось платить.

Водитель помолчал; что-то повспоминал; возможно, что-то посчитал в уме:

– Да, – сказал он. – Нормальная цена.

Сначала водитель сунул руку себе в карман куртки, чтобы достать кошелек, а потом, замявшись, спросил:

– Слушай, ты ведь... Поможешь мне эту деталь поставить? В долгу не останусь.

Миша и не собирался оставлять дело незаконченным.

– Само собой, – уверенно сказал Малинин. – Только долга нет никакого – установлю эту штуку бесплатно.

Водитель весело расхохотался – и хлопнул пассажира по плечу:

– Вот это дело! Спасибо, дружище!

Пока дождь продолжал идти, Миша рассказал, что недавно переехал на ферму неподалеку отсюда, а Заболотный спросил, не играл ли Миша в баскетбол когда-нибудь. Получив отрицательный ответ, предприниматель сказал, что если тот когда-нибудь решится играть, то пускай позвонит ему, так как тот кое-что смыслит в работе менеджера спортсменов, – и дал Мише визитку, где был его номер телефона и надпись: «Алекс Заболотный»

Дождь утих минут через пятнадцать после того, как Миша сел в машину. Не дожидаясь, пока он пойдет снова, Миша пошел менять деталь, а Заболотный внимательно смотрел за тем, что он делает под капотом.

– Заводи! – закончив работу, сказал Миша, захлопывая капот. Заболотный юркнул в свою машину, затаил дыхание – и включил зажигание. При повороте ключа двигатель издал звук, сигнализирующий, что автомобиль готов ехать. Радостный Александр через стекло показал палец вверх. Миша кивнул ему, устало улыбаясь. Вновь начал накрапывать дождь. Миша открыл пассажирскую дверь машины – и сказал:

– Ну, я поеду, наверное.

– Слушай, а у тебя самого автомобиля нет? – спросил тот. – А то лишние детали из коробкигодились бы.

Малинин помотал головой:

– У меня велосипед есть, – сказал он, засмеявшись.

– Слушай! – вдруг вспомнил водитель. – Ты же говорил, что за продуктами едешь! А продукты-то где?

Миша хотел сказать, что на продукты денег не хватило, – и это был бы честный ответ. Но вместо того, чтобы заставлять Заболотного чувствовать себя виноватым, он сказал:

– В другой раз съезжу.

На самом же деле сейчас Миша думал, что возьмет деньги, которые предприниматель обещал вернуть ему по возвращении, – и наконец-то поедет купить себе поесть. Трех тысяч и

на еду, и на материалы, которые он собирался купить, точно не хватит, поэтому внеплановое дело он отложит на другой день.

Водитель помотал головой:

– Давай так: я подвезу тебя до города, там пройдемся по магазинам, а потом тебя к ферме твоей довезу. Согласен?

Миша задумался ненадолго – и – довольный, ведь ему сегодня не придется вновь накручивать километры, крутя педали усталыми ногами, – не стал спорить.

Привязав велосипед к крыше иномарки, Миша с комфортом ехал посреди хлебных крошек автомобиля. В разговоре Заболотный поинтересовался, зачем Мише ферма, когда у того есть множество других перспектив: тот же баскетбол, например. И Миша рассказал ему о том, для чего приобрел ферму, и о своей мечте. Его рассказ водитель слушал с неподдельным восхищением, а порой спрашивал: «Ты ведь шутишь?» – на что Миша отвечал коротким: «Не-а», – чем вызывал у водителя еще больший интерес. Тем не менее Заболотный выразил ему свое мнение касательно Мишиной мечты: мол, несмотря на благие намерения, вряд ли она реализуема, да на пути к ней на жизнь нормально не заработаешь. И тогда Малинин рассказал, что деньги на покупку фермы к нему пришли самым неожиданным образом, и что сейчас он тратит то, что от тех денег осталось, и что потратит он их обязательно с пользой.

– Благотворительность приносит прибыль, значит? – поинтересовался Александр после въезда в город.

Миша сначала не знал, что ответить, а потом выдал:

– Прибыль разная бывает, – сказал он. – Иногда она только внутри, – положил Миша ладонь себе на грудь. – Что-то хорошее сделал – и на душе хорошо, а большего порой и не надо.

– Интересно, – искренне заметил Заболотный. – Давай в этот магазин сходим, – он остановил автомобиль у сетевого минимаркета.

Внутри их ожидало две кассы – одна пустовала во время перерыва у одной из кассирш, – редкие покупатели, бродившие вдоль полупустых стеллажей; дремавший охранник, удобно устроившийся за столом у камер хранения; а также стенд, стоявший у входа в ряды стеллажей, с надписью: «Сразу возьми к первому товару второй, чтобы не приходиться за вторым завтра! Мы экономим ваше время!»

– Вы хорошо считаете в уме? – вдруг обратился Миша к Александру.

Тот гордо развел руками:

– Обижаешь! – сказал предприниматель. – В моем деле без умения хорошо считать – никуда!

– Тогда, – продолжил Малинин, – когда продуктов наберется на три тысячи, скажите.

– Не вопрос! – ответил предприниматель.

Миша взял корзину – и они вдвоем пошли вдоль рядов,

собирая продукты.

Увидев работника магазина, раскладывавшего продукты по местам, Малинин обратился к нему:

– Извините. Где у вас здесь молочные продукты?

Старик в цветастой форме магазина хохотнул – и спросил, не отвлекаясь от раскладки:

– Не местный?

Миша помотал головой, изумляясь.

– Нет, – ответил он. – А что?

– Тут, в Восточном, – объяснял мужчина, – все люди молоко у фермеров закупают, да и овощи тоже. Так что у нас в магазине ничего этого нет.

– Спасибо, – разочарованно ответил Миша.

– Невыгодно им тут с фермерами конкурировать, – объяснил Заболотный. – Пошли дальше пробежимся – может, что-нибудь повкуснее молока найдешь.

– Да я сыр хотел купить, – пожал плечами Малинин.

Вдвоем они продолжили путешествие по магазину. Миша забросил себе в корзину печенья, две пачки риса, две упаковки смеси орехов с сухофруктами, пачку чая, связку бананов – их пока на здешних фермах не выращивали, но Заболотный сообщил, что в связи с глобальным потеплением и в этих широтах однажды можно будет найти тропические фрукты, – гречку и пакет гречневой лапши, три плода манго, несколько апельсинов, пакет чипсов, бутылку минеральной воды и коробку конфет.

– Сколько тут? – спросил Малинин.

– Две девятьсот шестнадцать, – отчеканил Александр.

Миша посмотрел в корзину – и подытожил:

– Думаю, хватит.

Дойдя до кассы, они встали в очереди за щупленьким пожилым мужчиной, который спорил с кассиршей:

– Смотри еще раз! – сказал он, показывая ценник на коробке конфет «Леди Буренка» у себя в руках. – Тут написано: сто девяносто! И я хочу купить эти конфеты за сто девяносто!

Кассирша – полная женщина, смотревшая исподлобья скептическим взглядом ветерана работы с капризными клиентами – ответила:

– Я вам уже в третий раз объясняю, что мы не поменяли ценник вовремя – и этот товар стоит двести десять.

– Я тебе все деньги свои отдал! – не успокаивался покупатель. – И у меня осталось сто девяносто! Я хочу внуку купить конфет! А ты меня надуть пытаешься! Сто девяносто!

Та помотала головой, ничуть не поменяв выражения лица:

– Двести десять.

– Ты, наверное, из Западного приехала, раз обсчитать меня хочешь! Сто девяносто! – громче крикнул мужик. От его крика даже охранник начинал просыпаться.

– Двести десять, – все так же спокойно ответила кассирша, не прореагировав даже на обвинение в том, что она приехала из Западного.

Тут Миша негромко спросил у своего нового знакомого:

– У меня ведь еще есть восемьдесят рублей?

– Восемьдесят четыре, – уточнил Заболотный. – А что?

Хочешь купить шоколадку на кассе? – засмеялся он.

Миша помотал головой – и объяснил:

– Давай добавим денег человеку перед нами. Пусть купит конфет.

Заболотный хитро ухмыльнулся, доставая из кошелька кредитную карту:

– Хорошая идея! Эй! Милая! – обратился он к кассирше, перебив спор. – Привет! Пардон, что вмешиваюсь, – сиял он перед женщиной голливудской улыбкой. – Мы добавим денег, чтобы наш друг купил внуку конфет.

Та засияла в ответ на его внимание.

– Ой, с радостью, – прошептала она ему, а потом вновь с ничего не выражающим лицом обратилась к покупателю. – Давайте сто девяносто.

Мужчина засомневался. Все, включая собравшуюся за спиной Миши очередь, с затаенным дыханием ожидали его ответа.

– Ладно! – махнул рукой мужчина – и толпа облегченно выдохнула.

Расплатившись оговоренной долей стоимости, мужчина ушел с кассы, освободив место Заболотному и Малинину.

– Привет еще раз, красавица, – подмигнул Заболотный довольной его компанией кассирше. – Это все – наше, – пока-

зал он на Мишину корзину, из которой тот стал выгружать продукты. Малинин решил спросить, почему жители Западного и Восточного так сильно друг друга не жалуют, но после магазина автозапчастей он подумал, что сначала лучше заплатить, а уже потом говорить про другой город.

Как только все продукты были сложены в сумки и Александр дал своей новой подруге визитку с номером своего телефона, чем очень ее порадовал, Миша обошел кассу, взял сумки – и обратился к кассирше:

– Разрешите спросить: почему вы и жители Западного так друг друга не любите?

В тот момент он почувствовал себя неудобно, потому что заметил, что все люди в магазине теперь сверлили его своими взглядами.

– Я бы тоже послушал, – невозмутимо сообщил кассирше Заболотный, вставший рядом с Малининым, чтобы не мешать другим покупателям в очереди.

Кассирша подумала, подумала – и заговорила про вражду между городами, не отвлекаясь от работы. Оказалось, что еще двадцать лет назад Западный и Восточный были городами-побратимами: жители постоянно ездили друг к другу в гости, оба города праздновали День города в один и тот же день, каждый третий год в Восточном объявлялся годом Западного и наоборот, города торговали друг с другом и широко праздновали свадьбы между жителями двух поселений. А потом на одном из веселых междугородних застолий но-

вый мэр Западного поспорил с новым мэром Восточного, к какому из двух городов должны административно принадлежать фермерские земли. Мэр Восточного был готов поделить фермы пополам, но когда мэр Западного – амбициозный молодой человек, желавший вскоре стать министром сельского хозяйства региона, – заявил о желании присоединить к своему городу все фермерские угодья, глава Восточного сказал твердое: «Нет!» Застолье закончилось конфликтом с бросанием друг в друга салатов и размахиванием кулаками, в которую включились все гости, включая женщин. В результате драки кто-то получил синяк под глазом, кто-то – выбитый зуб – обычное для драк дело, но больше всего пострадали отношения между двумя поселениями, раздор между которыми длился вот уже два десятка лет. Также интересно было то, что города до сих пор не пришли к соглашению касательно принадлежности ферм.

Выходя из магазина на улицу, где уставший поливать дождь лениво накапывал, Заболотный сказал Малинину:

– Молодец этот мэр Восточного! – восхищался он. – Не дал себя в обиду!

Миша, садясь в машину, не был столь категоричен:

– Я бы вторую сторону тоже хотел выслушать, – заявил он, вспоминая, как негодовали жители Западного, говоря о Восточном. – Я бывал в Западном: мне кажется, у них может быть своя версия этой истории.

– Думаешь, та милая дама нам соврала? – спросил пред-

приниматель, садясь в автомобиль.

Миша помотал головой.

– Не обязательно, – ответил Малинин. – Возможно, она просто рассказала то, что рассказали ей.

На улице потемнело. Заболотный включил фары – и они поехали в сторону Мишиной фермы. Миша пил минералку, довольно думая о том, как вкусно он собирается поесть, когда приедет домой.

– Отличная идея была добавить мужику денег для оплаты! – оценил поведение Миши бизнесмен. – Время сэкономили, а то он бы еще час спорил с кассиршей! Окупились благотворительность!

Пассажир решил, что Заболотный был по-своему прав. Но Миша, принимая решение, мало думал об экономии времени: он был свидетелем спора двух людей, ни один из которых не хотел уступать.

– Мы не только себе и им время сэкономили, – сказал Малинин. – Те двое во время спора портили друг другу настроение – и, скорее всего, в итоге мужчину из магазина выгнал бы охранник. Мужик остался бы расстроенным, внук остался бы без конфет, а женщина на кассе снова решила бы, что вокруг одни хамы. И еще ненависти в мире прибавилось бы. А так и покупатель рад, и внук свои конфеты получит, и продавец познакомилась с тобой – все довольны и конфликт исчерпан, – улыбнулся он.

– Интересно, – вновь искренне заметил Заболотный.

Миша посмотрел в сторону остановки, где снова сидели две женщины.

– Остановите тут! – показал он на участок тротуара напротив остановки.

Водитель не спорил – и поставил авто там, куда указал Малинин. Миша сказал:

– Сейчас вернусь!

Оставив Заболотного в машине вместе с одним пакетом продуктов, Миша по расположенному рядом пешеходному переходу спешно перешел на другую сторону дороги.

Увидев его, мама кивнула в его сторону, мол, опять пришел.

– Добрый вечер, – произнес Миша, вновь пригнувшись под крышей и сняв кепку. Они внимательно смотрели за тем, как он вытаскивает из пакета коробку конфет.

– Спасибо, что помогли найти магазин! – заявил он. – Это – вам.

Изумленно уставившись на него, дамы неспешно вдвоем протянули руки к коробке. Получив подарок и рассмотрев его, они хором удивленно сказали:

– Спасибо...

Улыбнувшись им на прощание, Миша произнес:

– До свидания! – и пошел обратно к автомобилю.

Вскоре они доехали до развилки, которая вела на ферму.

– Темно тут у тебя, – заявил Александр, смотря, куда ведет

сельская дорога, в конце которой стоял Мишин дом.

Малинин угукнул.

– Работы много еще тут предстоит, – ответил Миша.

– У меня среди знакомых есть здоровские строители: они тебе ферму по-дешевке за месяц сделают! – сообщил предприниматель. – Знаю, что ты хочешь сам все сделать, но я бы такое предложение рассмотрел.

Миша улыбнулся:

– Спасибо, конечно, – сказал он, – но я бы предпочел сам тут все облагородить.

Остановившись у дома, они вышли из автомобиля – и сняли с крыши велосипед. Заболотный, подойдя поближе к зданию, стал критично осматривать его.

– Точно со строителями не познакомить? – прищурился бизнесмен, обращаясь к Мише, подвозившему велосипед поближе к дому. – А то... – он неловко улыбался и пытался подобрать слова, показывая на ветхое строение.

Миша взял из машины обе сумки – и подошел к предпринимателю:

– Точно, – усмехнулся хозяин дома, переложив вторую сумку из правой руки в левую. – Я считаю, что даже старый дом, который списали со счетов, может засиять по-новому – нужно только постараться, поработать и не отчаиваться, если что-то сразу не получается.

Заболотный цокнул языком:

– Мечтатель ты, Миша, – поделился он своим мнением. –

А знаешь? Это мне в тебе нравится! – он хлопнул Малинина по плечу и улыбнулся так, что можно было и не заниматься освещением на ферме. – Ладно. Я поехал!

Заболотный протянул Мише руку.

– Спасибо, что подвезли, – ответил Малинин, пожимая его руку. – Заезжайте как-нибудь, если будете тут проездом, – улыбнулся он благодарно.

– Конечно, дружище! – расхохотался предприниматель.

Попрощавшись с Мишей, Александр уехал, а Малинин уставший от разъездов и голодный, радостным взглядом посмотрел на дом:

– Вот я и дома, – сказал Миша.

Глава 3

Градоначальники

Наевшись от пуза, довольный Малинин лег спать. Ему опять снилось, как он лезет вверх по горе. Он мерз сильнее обычного, думая, что это из-за того, что он высоко залез. Подъем тоже казался тяжелее, чем раньше, хотя обычно такое бывало только тогда, когда ему было тоскливо. Он прислонил голову к скале, не в силах лезть вверх. Было слишком холодно, чтобы подниматься.

Миша проснулся от боли в горле. Его бил озноб. Проведенный под дождем день даром не прошел. Хотелось накинуть на себя еще одно одеяло – и только лежать. Но Малинин знал: если знаешь, что заболел, то надо быстро начинать лечиться. Он слез с дивана, накинул себе на плечи и спину одеяло, словно мантию, и поплел искать в сумках какие-нибудь лекарства. По окончании копания в сумке он нашел жаропонижающее и электронный градусник, который в итоге показал 39,2.

Малинин, замотанный в одеяло, сидел на кухне, пил жаропонижающее и читал самоучитель по сельскому хозяйству, периодически зевая. Допив кружку до конца, он почувство-

вал себя лучше – и читать стало легче. Он дошел до раздела, посвященного культурным растениям.

«Хлеба бы сейчас», – подумал он, глядя на нарисованные на первой странице буханку Бородинского и нарезной батон. В минимаркете хлеба не было – нужно было идти в специальные хлебные лавки. Любил он и ржаные мучные изделия, и пшеничные: пирожки, лепешки, хлебцы, пироги, круассаны, простой хлеб и много чего еще.

Сладко зевнув, он посмотрел на часы: четыре часа двадцать две минуты. Это означало, что на сон оставалось менее четырех часов. Он решил, что чтения для этой ночи достаточно – и пошел обратно на диван, надеясь, что лекарство будет действовать достаточно времени, чтобы он смог проспать до звонка будильника.

Проснулся он за четыре минуты до будильника, так как кто-то усердно стучал в дверь. К боли в горле прибавился насморк – и открывать совсем не хотелось. Последняя цифра на электронном будильнике сменилась: семь часов пятьдесят семь минут. Миша потер лицо, движениями изобразив умывание, практически скатился с дивана, медленно обернулся одеялом и, выключив будильник, зашагал в сторону стоявших за дверью гостей. Выйдя в коридор, он увидел за шторкой и стеклом два силуэта. Люди за дверью что-то обсуждали и уходить совсем не собирались. Миша недовольно поплел открывать. Отдернув занавеску, он повернул ручку – и подтолкнул дверь вперед.

Перед ним стояли двое невысоких людей в дешевых костюмах, удивленно посмотревшие на массивную закутанную в одеяло фигуру с недовольным выражением лица.

– Доброе утро, – севшим голосом поздоровался Миша, хмуро глядя то на одного, то на другого. Он чувствовал себя неважно, но старался вести себя максимально дружелюбно – Чем могу помочь?

Те двое растерянно переглянулись.

– Селянов? – вдруг спросил один из них. Он был поплотнее телосложением, с короткой стрижкой. – Петр Иваныч? Вы моложе, чем нам говорили.

– И ростом... Повыше, – добавил второй, плешивый, с бородой.

Миша прочистил горло.

– Петр Иваныч уехал, – сообщил он. – Теперь я тут живу.

Первый посмотрел на второго. Тот пожал плечами.

– Мы тут подписи собираем, – начал первый. – Опрашиваем фермеров, к какому городу они хотят присоединиться: к нашему славному Восточному или... – он поморщился. – Или к Западному. Доставай! – обратился он ко второму.

Тот полез в карман – и вытащил оттуда сложенный лист бумаги. Расправив его, мужчина протянул лист хозяину дома.

– Я тут приболел немного, – сказал фермер. – Давайте в другой раз? А то сами чихать начнете еще.

– Пф! – отмахнулся первый. – Мы сельским медом пропи-

таны! – похвастался он. – Вот уже сорок лет даже насморка не было! Нас простудой не заразить! На! – держал он перед Малининым лист для голосования.

Сдавшись, Миша неохотно взял лист: на том были написаны фамилии фермеров, справа от которых располагались два квадрата, подписанные как «Восточный» и «Западный». В некоторых квадратах на листе уже были проставлены галочки.

Первый достал из кармана ручку – и протянул Малинину: – Поставьте галочку, где считаете нужным, – сказал первый. – Но мы все же рассчитываем, что вы сделаете разумный выбор, – подмигнул он Мише.

Тем временем фермер уже нашел фамилию Селянова в списке.

– Нет, – сказал он, шмыгая носом. – Вы уж простите, – вытянул он руку вперед, возвращая бумагу, – но я не буду голосовать.

Лист назад не взяли. Вместо этого удивленный первый спросил:

– Почему это?

Миша утомленно опустил руку.

– Много причин, – ответил он. – Начнем с того, что я не Селянов.

Второй махнул рукой:

– Да ладно! Если проголосуете за Восточный, то мы сделаем вид, что этого не узнали!

– Цыц! – бросил в товарища первый и постучал себе по лбу. – Головой-то думай, что болтаешь!

Второй виновато уставился в пол, а первый вновь обратился к Мише, пытаясь сгладить ситуацию:

– Этот раньше в местном юмористическом клубе хотел выступать, – кивнул он на второго, – но его оттуда за глупые шутки поперли быстро! – смеялся он. – Вечно отчебучит что-нибудь – все вокруг в шоке! Так это, – продолжил он, – фамилия – это дело десятое. Главное, чтобы хозяин дома голосовал! Мы же с участков собираем подписи. А раз тут живете вы, то и участок ваш. У вас ведь документ о владении фермой есть?

– Ну, да, – ответил Малинин. – Есть.

– Ну, и вот! – радостно всплеснул руками первый. – Так что можете смело галочку поставить. Знаете, что в Восточном уже придумали особую программу для фермеров? – прищурился он хитро. – Прибыль сможете аж на четыре процента увеличить с этой программой!

– Все равно не буду голосовать, – Миша протянул бумагу уже первому, но ее вновь не взяли обратно.

– Почему? – спросил второй.

Миша вновь опустил руку с бумагой.

– Я же не изучал этот вопрос совсем, – начал объяснять Миша. – Что будет, если фермы присоединят к тому или иному городу, – я не знаю. Вот выберу я ваш Восточный, а, может, после присоединения к Западному дела на фермах

лучше пойдут. Или наоборот. Что вы там про программу говорили?

– Да, программа! – радостно заявил первый. – Прибыль – на четыре процента выше! Ну, что, подпишете?

Оба гостя смотрели на Мишу с надеждой, словно открывая новогодний подарок.

– И? – пожал плечами фермер. – Какие-нибудь подробности есть?

А после этого выражение их лиц поменялось на такое, будто они обнаружили в подарочной коробке пару носков.

Первый хмуро задумался, будто пытался решить в уме сложное уравнение, – и сказал второму:

– Ну! Вспоминай! Что я за все отдуваюсь!

Второй приуныл – и опять уставился в пол.

– Эх, – раздосадованно махнул рукой первый. – Короче, – посмотрел он на Мишу, – если на четыре процента прибыль повысится, то у вас больше денег будет! Сможете себе трактор купить! Или корову новую! А то у вас, вон там, – показал он на поля, – ничего нет на полях! Корова не помешает!

– Апчхи! – чихнул Миша.

– Точно! – воскликнул второй, засмеявшись.

Малинина, у которого от спора и температуры разболелась голова, гости утомили – и он решил попытаться как можно быстрее и тактичнее их выпроводить.

– На днях я съезжу в мэрию к вам в Восточный, – вздохнул фермер. – Пospрашиваю у мэра вашего про программу

эту с четырьмя процентами. Потом в Западный съезжу – и решу, за кого голосовать. Ладно? – Уже Миша с надеждой посмотрел на них, вручая бумагу.

Двое опять обменялись взглядами.

– Давайте так, да, – вроде, согласился первый, неуверенно забирая лист для голосования.

– Замечательно, – кивнул Миша. – Хорошего-дня-заходите-через-недельку-другую, – бубнил он, заходя в дом и закрывая за собой дверь.

В течение трех дней Малинин отлеживался, по необходимости пил жаропонижающее, слушал радио и размышлял над тем, какими делами он займется дальше. «Не хочу я голосовать, – думал он в тот же день, в который к нему пришли гости. – Но узнать больше про планы городов на ферму – это еще один повод съездить в Западный. Все равно же хотел больше узнать про вражду между местными». Тогда, лежа на диване и глядя в потолок, он решил, что обстоятельства сами ведут его разобраться в причинах конфликта, а может, и сделать что-то еще более полезное. Он вспоминал себя двадцатилетнего. Представил, с какой легкостью закрыл бы двери перед лицами утренних гостей из Восточного сразу, как те начали спрашивать «Почему?» А потом вспомнил слово «Эгоист», услышанное им пять лет назад от одного близкого для него человека. В прошлом его часто называли эгоистом – в основном, как он считал сейчас, за дело, – и его это

не слишком беспокоило. Но тот раз, последний, перевернул всю его жизнь; то, чему он раньше придавал второстепенное значение, вдруг стало важным, а то, что раньше приносило радость и чему он уделял множество времени, утратило в его глазах свой шарм и значимость. Пробегая мыслями по последним годам, Миша считал, что жизнь, наверное, изменилась к лучшему, за исключением одного значимого для него аспекта. Тем не менее он надеялся, что случится чудо, нечто такое, что бывает только в выдуманных историях или в очень-очень редких случаях в реальности. Но порой он задумывался над тем, чтобы прекратить свое путешествие – и сомневался, достоин ли он того чуда, заслужил ли того, что окружающие, да и он сам, считали невозможным. В минуты сомнений он говорил себе: «Брошу это все. Поеду домой или останусь там, где сейчас», – но эта мысль надолго в его голове не задерживалась. Он настолько привык так жить, что остановиться уже было нельзя. Он карабкался вверх, невзирая на то, что его песня оставалась без ответа. А если в конце пути окажется, что адресат песню не услышал, то он утешится тем, что, может быть, кого-то его песня вдохновила, кому-то помогла, поддержала кого-то или просто заставила хотя бы раз улыбнуться – в минуты отчаяния, когда казалось, что все зря, эта мысль согревала его, словно небольшой костер, своим теплом спасающий от холода высоко-высоко в горах.

Спустя три дня Малинин проснулся от сигнала будильника. Голос диктора вещал о прекрасной погоде за окном. Ми-

ша чувствовал себя гораздо лучше. Электронный градусник показал эталонные 36,6 градусов. Довольный Миша пошел делать себе завтрак, оставив радио включенным. Сегодня в его планах было съездить в мэрию Восточного, купить в городе металлический шест или пару длинных труб, которые можно будет соединить, металлический лист толщиной полсантиметра и краски, чтобы обновить «зебру» рядом с фермой Ларисы Борисовны и сделать там знак пешеходного перехода.

Ехал он бодро – в теплую солнечную погоду возможно последних дней Бабьего лета крутить педали было гораздо приятнее, чем в дождливую и холодную. На главной дороге солнце светило ему в лицо, а ветер приятно обдувал волосы. Оделся Малинин так же, как и в первый день на ферме: свитер, темно-синие штаны и ботинки. Хоть и было тепло, но со своими делами он мог задержаться до вечера, – а вечера были уже прохладные, – да и простуда только-только прошла – Миша в итоге решил, что лучше перестраховаться.

В солнечную погоду на Восточный было гораздо приятнее смотреть. Как и несколькими днями ранее, он решил спросить дорогу у занявших скамейку на остановке людей. На остановке в этот раз сидели не знакомые Малинину мужчина и женщина.

Остановившись у тротуара и взяв с собой велосипед, Миша, не залезая под навес, обратился к паре:

– Доброе утро! Не подскажите, где тут у вас мэрия?

– А тебе зачем? – спросил мужчина.

– Слышал, у мэра программа какая-то для фермеров есть.

Хотел поспрашивать про нее.

– Журналист, что ли? – усмехнулась женщина.

– Фермер! – улыбнулся Миша.

Мужчина посмотрел на него с уважением.

– У меня батя фермером был. Тяжелая это работа! – сказал он. – Раз фермер, то слушай...

Сегодня рассказ о дороге оказался более подробным, чем тогда, когда Малинин ездил за запчастями. Внимательно выслушав, повторив услышанное и убедившись, что все пересказано правильно, Миша попрощался с новыми знакомыми и поехал к мэрии.

В Восточном сохранилась оберегаемая жителями атмосфера прошлого государства, в котором профессия рабочего человека была почетной и уважаемой, а каждый работник знал, что он является важным винтиком в мощной государственной машине, которая пообещала привезти всех своих жителей в светлое будущее. Пообещала – и везла! Везла в будущее, которое ей, машине, казалось светлым. Возможно, поэтому жители так берегли свой городок от застройки и реновации, предпочитая аккуратно реставрировать старые здания; ухаживали за старыми памятниками, напоминавшими об ушедшей сказочной эпохе; всячески противились внедряемым цифровым технологиям; и вообще предпочитали счи-

тать, что живут в том же государстве, которое существовало на их земле полвека назад.

Здание мэрии было двухэтажным строением длиной около тридцати метров. Отличала его вывеска над дверью, на которой черными буквами на белом фоне было написано: «Мэрия». На первом этаже Миша встретил женщину-секретаря, болтавшую по телефону. Малинин подошел к ее стойке – и помахал ей рукой.

– Я перезвоню, – сообщила она собеседнику по телефону, после чего положила трубку. – Да?

– Я местный фермер и хотел бы пообщаться с мэром, – сообщил Малинин.

– По какому поводу? – спросила секретарь.

– На днях ко мне приходили люди, которые подписи собирали, – начал рассказ Миша. – Сказали, чтобы я выбрал, куда хочу присоединить свою ферму – к вам, то есть к Восточному, или к Западному. Хочу узнать, что будет, если я выберу ваш город.

– Ой, – сказала она. – Я вам сама все преимущества перечислю! – воодушевленно прощепетала она. – Если ваша ферма присоединится к Восточному, то ваша прибыль станет больше на четыре процента!

Миша молчал. Кивнул. И спросил:

– И все?

Та, похлопав ресницами, посмотрела на Мишу внимательнее – и заговорила медленно, словно общаясь с иностранцем:

– Прибыль на четыре процента выше.

Миша нахмурился:

– Это мне уже сообщали ваши люди, – произнес он.

– И вы не согласились? – искренне поинтересовалась секретарь. – Хотите пять процентов?

Миша помотал головой.

– Я все же хотел бы поговорить с мэром, – вновь начал он гнуть свою линию, утомившись говорить с секретарем.

– Ой, ладно, – высокомерно протянула она последнее слово. Пальцами с длинными ногтями она старательно, но не быстро, стала набирать номер на телефоне. Поднесла трубку к уху – и спустя несколько секунд произнесла собеседнику:

– Сергей Павлович, к вам тут мужчина какой-то пришел. Говорит, что фермер. Про программу для фермеров спросить пришел. Да, да, я сказала ему про четыре процента, – посмотрела она на Мишу. – Отказался, да.

– Я не... – вдруг хотел уточнить Миша, мол, не отказывался он еще ни от чего, но она выставила вперед открытую ладонь, имея в виду, что, мол, не мешай, фермер, с начальством разговаривать. Малинин, хоть и возмущенный поведением секретаря, промолчал, насупившись.

– Ну, вот такой попался, – продолжила она. Потом услышала слова начальника – и засмеялась. Миша недовольно отвернулся, уставившись в окно. – Позвать его, да? Хорошо, – она повесила трубку. – Сергей Павлович ждет вас у себя в кабинете, – сказала она.

В ближайшем коридоре Миша насчитал восемь кабинетов, по четыре – с каждой стороны. Он уже открыл рот и собирался спросить, но секретарь, словно прочитав его мысли, опередила:

– Второй кабинет справа.

Миша кивнул ей в благодарность – и пошел проверять. Даже если за дверью действительно окажется Сергей Павлович и он действительно мэр города, коробку конфет секретарю он покупать не хотел.

Малинин постучал в дверь – и потянул ее на себя. За ней был крохотный кабинет с закрытыми при помощи жалюзи окнами, с белыми стенами и светло-коричневым столом. На столе красовался портрет главы государства в рамке. На стене слева, к которой был приставлен стол, висели громко тикающие часы, а у стены напротив стоял массивный шкаф с документами. За столом сидел человек лет пятидесяти; крепкий и в плечах широкий, как Миша. Перед человеком стоял старый компьютерный монитор кубической формы

– Здравствуйте, – поздоровался Миша, но заходить не спешил. – Сергей Палыч?

– Заходите! – приветливо сказал человек низким голосом. – Присаживайтесь! – показал он ему на стул напротив своего.

Миша преодолел порог кабинета – и закрыл за собой дверь.

– Меня зовут Павлов Сергей Павлович, – представился он. – Мэр славного города Восточный уже два с лишним десятка лет, благодаря доверию граждан.

– А я Миша, – просто сказал Малинин, садясь на стул. – Ферму тут недавно купил.

– Михаил, значит – сделал вывод Павлов. – А по бабушке?

– Просто Миша, пожалуйста, – настаивал Малинин. – А по бабушке, раз уже спросили, – Александрович.

– Ну, как пожелаете, – согласился мэр. – Вы же тут программу обсудить пришли? Верно?

– Не совсем обсудить, – Миша поудобнее устроился на стуле, от чего тот заскрипел. – Спросить.

– Спросить, можно ли вам пять процентов, а не четыре? – прищурился мэр.

– Да нет! – отмахнулся Малинин. Он начинал думать, что на процентах были зациклены либо работники администрации, либо фермеры, приходившие поинтересоваться программой. – О подробностях программы хотел спросить: что будет с налогом на землю, с оплатой коммуналки, будете ли вы следить за разметкой на дорогах и чтобы на фермы всегда можно было заказать что-то с доставкой?

Мэр выглядел озадаченно. Он сидел, сложив руки домиком на столе и разглядывая Мишу.

– Вот сразу понятно, что вы не местный, Миша, – заявил Сергей Павлович. – В наших краях как всегда было? Вот ты ставишь перед людьми выбор, самое главное про то и про это

расскажешь – и они решают, что поддержать, а что – нет, а потом своими делами дальше занимаются. А вот чтобы кто-то после этого специально приходил, уточнял – нет, не было такого в прежнем государстве, – он неодобрительно поджал губы. – Все знали, что власть для людей работает и что на власть можно рассчитывать. А теперь молодежь спрашивает, что да как. То им не нравится, се им не нравится. Спорят, свое мнение толкают. А западные вам ничего лучше не предложат, Миша! Один процент к вашей текущей прибыли предложат – и все! – погрозил он пальцем, пугая. – Мы же выгоду настоящую людям предлагаем! Я буквально из своего кармана деньги раздаю людям!

– Ну, вот не верю я, что больше ничего не изменится, – скептически сказал Миша – и заглянул ему в глаза. – Готовы лично вы пообещать, что людям не станет хуже жить, если их фермы к Восточному присоединятся?

Тот развел руками:

– Прибыль-то больше станет – с чего им хуже жить?

– Так пообещать готовы?

Тот нахмурился.

– К мэру Западного я еще не ходил, – сказал Миша, расслабившись. – Но если он даст слово, что людям хуже жить и работать не станет, а вы промолчите, то я проголосую за Западный, – твердо сказал он. – Даже если он предложит один процент, а не четыре. Но если вы пообещаете, то и я обещаю: после поездки в Западный я как минимум рассмот-

рю оба варианта, а если тамошний мэр слова своего не даст, то я выберу ваш Восточный.

В последние годы Миша старался никогда ни на кого не давить. Он считал, что давление на других не соответствует тому пути, по которому он решил идти. Но здесь он считал важным, как его голос отразится на других людях, в том числе фермерах. Малинин считал, что когда на тебе лежит ответственность за других, то, мирно, но твердо отстаивая их благо, их интересы и их будущее, ты точно будешь прав.

Мэр размышлял. Глядел то туда, то сюда, брови вниз к переносице сдвинул, по столу пальцами постучал – и сказал:

– Через недельку снова приходите, Миша. А я за это время обсужу со своими, как можно сделать жизнь людей еще лучше.

Малинин довольно кивнул.

– Приду, – сказал он. Поднялся со стула – и обменялся с мэром рукопожатиями. Хватка у мэра, как Миша и ожидал, была крепкой.

Спросив у местных, где в Восточном расположен строительный магазин, Малинин поехал за нужными ему предметами. Разобраться с пешеходным переходом он хотел еще несколько дней назад, но из-за простуды дорожные работы пришлось отложить. Находился магазин в промышленном районе между офисом деревообрабатывающего предприятия – двухэтажной постройкой чуть короче здания мэрии –

и складом древесины. Когда Миша подъезжал туда, у склада стояла фура, нагруженная пирамидой из бревен, скрепленных веревками. Бревна торопливо выгружали рабочие: двое толкали каждое бревно сверху, а двое принимали его внизу и тащили вглубь склада. «Интересно, – думал Малинин, поглядывая то на склад, то на здание офиса, – если заказать доски для фермы и амбара прямо тут, получится ли сэкономить?» Миша посмотрел на часы: шестнадцать часов тринадцать минут – по мнению Миши, сегодня он смог бы успеть и в офис заглянуть, и купить все, что планировал. Тогда Малинин направился в офис.

Внутри здания секретаря не было, в отличие от мэрии, но Мише повезло – и в первом же помещении, в которое он вошел, он наткнулся на директора фирмы. Быстро оформив с ней контракт на поставку деревянных брусков и досок, которые, к слову, должны были привезти на его ферму через два дня, радостный Миша покинул офис и зашел в соседний магазин. Он думал, что хорошо все-таки, что он решил помочь с разметкой и дорожным знаком – и выгодное предложение ему прямо по дороге попало.

В небольшом магазине со стеллажами, уставленными инструментами и разными предметами строительной направленности, которые были развешаны и по стенам тоже, за кассой стоял мальчишка лет двенадцати, считая деньги. Мига зашагал к кассе между рядами стеллажей. На кассе была представлена продававшаяся в магазине мелочевка: скотч,

ножницы, измерительные ленты, хомуты, клей, разноцветные стикеры и прочее. Парнишка поднял голову – и, когда Миша подошел, выдал:

– Чего вам?

– Вы здесь продавец? – спросил Малинин.

– Ну, допустим, я, – важно заявил малец, не выпуская денег из рук. – Брать будете что-нибудь? Или как остальные: спросить про дерево?

– Дерево? – удивленно спросил фермер.

Парень кивнул головой в сторону стены слева от Миши:

– За стеной офис ребят, которые дерево обрабатывают. К нам сегодня заходят только те, кто нас с ними перепутал, – пожаловался он. – Надо название магазина менять, – покачал он головой. На вывеске рядом с дверью снаружи была написана сокращенная версия надписи «Индивидуальный предприниматель Олег Борисович Работничкин» – «ИП О.Б. Работничкин».

Справа от парня открылась дверь:

– Руся! – сказал вышедший из-за двери мужчина в джинсовом костюме и в красно-белой кепке. – Положи деньги в кассу, пожалуйста.

Парнишка неохотно открыл кассу – и стал раскладывать в ней купюры.

Мужчина подошел к кассе – и встал рядом с мальчиком, смотря на фермера.

– Пап! Он не за деревом! – сказал мальчик.

– Дерево я купил уже, – хохотнул Миша.

Олег Борисович потрепал сына по волосам:

– Пересчитай новую партию молотков, – сказал Олег Борисович Руслану. – Только-только пришли.

– Ага! – кивнул тот – и ушел в подсобку.

Хозяин магазина устало помотал головой:

– Вы уже извините, – сказал он. – Любит он продавца изображать. Дети, – улыбнулся он. – У вас свои есть?

Мужчина на вид был ровесником Миши – и у него уже был сын.

– Нет, – помотал головой Миша. – Нету.

– Будут! – уверенно сказал Олег Борисович, хохотнув. – Всеу свое время. Так что вы хотели бы купить?

Из магазина Малинин ушел с нужными ему предметами: тремя железными трубами вместо двух, а то шест дорожного знака вышел бы слишком коротким; красками и металлическим листом. Дома он порежет лист на два по диагонали и нарисует на каждом из получившихся треугольников переходящего дорогу человечка; трубы соединит в одну, прибьет к ним половинки листа с двух сторон – и все, дорожный знак готов! Конечно, вместо всего этого можно было спросить у Павлова, готовы ли они сделать пешеходный переход, если фермы присоединятся к Восточному, но пригласили его через неделю, а переход, по мнению Малинина, был нужен уже сейчас.

Подойдя к своему велосипеду, Миша начал размышлять о том, каким же образом он повезет все покупки на велосипеде. Пакеты – в зубах, а трубы – под мышкой? Он с досадой помотал головой. Не довезет. Вместе с пакетами в руках он повез велосипед по тротуару в сторону выезда из города. «Пешком все равно полезно ходить», – решил не унывать Малинин, разглядывавший старые здания городка, буквально сошедшего с фотографий газет полувековой давности, только раскрашенных. По дороге он зашел в сквер, где в центре красовался памятник основателю города. Памятник изображал бородатого мужчину в мундире и в фуражке, стоявшего со сложенными за поясницей руками и глядевшего в даль, на восток, а на табличке внизу было написано: «Иван Евгеньевич Беляев. Основатель крепости «Восточный».

– Вот оно что! – восхищенно произнес Миша. Город-то, оказывается, был раньше крепостью, а, судя по форме Ивана Евгеньевича, построена эта крепость была не при прошлом государстве, а при позапрошлом! Малинин огляделся в поисках других намеков на государство более старое, чем распавшееся недавно. Но ничего вокруг, кроме этого памятника, про годы до становления страны, рухнувшей не так давно, не говорило. Он попытался вспомнить, видел ли он необычные, выделяющиеся стариной сооружения, пока путешествовал по городу, но ничего такого на ум не приходило, пока... «Точно!» – вспомнил он воодушевленно. Малинин видел здания позапрошлых столетий в Западном! Миша

решил, что, возможно, города были построены при одном и том же государственном строе – и улыбнулся догадке: возможно, у жителей обоих поселений больше общего, чем он думал.

Пройдя сквер и прогуливаясь по тротуару, он остановился у входа в парк, который был отделен от города желтым каменным ограждением, что придавало ему вид города внутри города. Тут Миша сопоставил открытие о том, что Восточный в прошлом был крепостью, с этой высокой – не меньше трех метров – стеной – и предположил, что в нынешнем парке когда-то в прошлом мог быть центр крепости. Через ворота входа в парк виднелись деревья, детская площадка, асфальтовые дорожки для пешеходов, сцена и уже закрывавшиеся на сегодня палатки со съестным. Миша посмотрел на часы: половина седьмого. С одной стороны, ему хотелось поисследовать город, а с другой – он понимал, что чем дольше он пробудет здесь, тем позже он придет домой. А дела, для выполнения которых было бы неплохо поспать, для него были важнее, чем любопытство. Малинин решил, что провести себе экскурсию по городу он себе всегда успеет, а вот большую часть дел на ферме желательно было выполнить прежде, чем выпадет снег. Он уже сделал несколько шагов в сторону от входа, а потом повернул голову, посмотрев на парк, будто в надежде, что оттуда сейчас позовут. Миша хохотнул. Дела подождут!

Преодолев вход, он обнаружил пост охраны, где двое муж-

чин играли в карты. Ну, как пост? Это была одна из парковых скамеек, выделявшаяся на фоне остальных навесом, где было написано: «Пост охраны».

– Привет! – обратился Миша к мужчинам в форме.

– Здравствуйте! – отозвался один, который был помоложе.

– Вечер добрый! – поздоровался второй, что был постарше.

– А разрешите мне у вас велосипед оставить? – вдруг спросил Малинин.

Молодой вопросительно посмотрел на старшего товарища:

– Ну, чего? – спросил он. – Поглядим за велосипедом?

Старший снял черную кепку – и спустя секунду надел обратно, поправляя ее на седых волосах:

– А вам надолго его оставить надо? – спросил он у фермера.

Малинин посмотрел на парк, пытаясь полностью оглядеть его – и прикинуть, сколько займет неспешно обойти хотя бы большую его часть.

– Ну, на час где-то, – ответил Миша.

Старший охранник пожал плечами:

– Ну, оставляйте тогда.

– Спасибо, – улыбнулся Миша. Поставив велосипед у скамейки, на которой сидели охранники, Малинин пошел к палаткам с едой, чтобы не гулять на голодный желудок.

Купив себе две сосиски в тесте, Миша пошел по тропин-

ке между деревьями, уплетая один из хот-догов. На газонах по обеим сторонам от асфальтовой дорожки кое-где сидели люди: читали что-то, ели, общались. Большинство взяли с собой покрывала, но были и такие, кто расположился прямо на земле. «И не холодно им ведь», – удивлялся Миша тому, что прохлада осенней земли не является препятствием для решивших устроить себе пикник граждан.

Когда он дошел до сцены, то заметил, что на ней устанавливают оборудование.

– Тут концерт будет? – спросил Малинин у компании молодежи.

Они расхохотались.

– Тут Павлов будет! – заявила одна из девчонок. – Выборы мэра через месяц!

Миша понимающе кивнул – и пошел дальше. Пройдя метров сто, у крыши одной из палаток он заметил маму с двумя детьми, что-то оживленно обсуждающих, а на крыше – серого котенка, глядевшего на них с самого края. Проходя мимо них, Малинин услышал:

– Мам! Надо его достать! – просила девочка.

– Настя! – отвечала мама. – Еще раз говорю: я туда не поеду. Сейчас мы найдем охранников – и попросим их снять Колобка.

– Тогда я останусь! – заявил мальчик. – А то Колобок убежит!

– Нет! – настаивала мама. – Идем все вместе.

Пожевывавший сосиску в тесте Миша подошел к ним.

– Помощь нужна? – спросил он у компании.

Дети завопили от радости – и стали дергать маму за платье:

– Мам, смотри какой дядя высокий!

– Давай попросим его достать Колобка!

– Мам! Пожалуйста!

– Ладно, – выдохнула мама. – Сможете котенка снять? –

спросила она у фермера.

Малинин посмотрел над головой: было видно, как с крыши торчат два пушистых уха.

– Колобок? – спросил Малинин, глядя вверх.

Вслед за ушами показались два голубых глаза на шерстяной мордочке, с любопытством следящих за Мишей. Малинин сначала хотел протянуть к коту руку, но подумал, что тот решит просто убежать ближе к центру крыши. Тогда он посмотрел на свою еду: последней сосиски в тесте оставалось на два укуса. Поставив пакеты на землю, он начал есть хлеб, а остаток сосиски осторожно протянул коту наверх. Сначала котенок исчез из вида, но Миша предположил, что это ненадолго. Он не убирал кусочек сосиски – и секунды через три его попыталась ухватить меховая когтистая лапка. Миша оттянул руку чуть дальше – и с края вновь показался Колобок, нюхающий аромат вкуснятины. Когда увлеченный кот показался на достаточное расстояние, Миша схватил его свободной рукой – и снял с крыши. Дети захлопали в ладоши – и

Малинин передал котенка в руки маме.

– Что надо сказать дяде? – спросил мама у своих.

– Спасибо! – хором произнесли те.

– Не за что, – сказал Миша – и кивнул им. А кусок сосиски, кстати, Миша съел сам, потому что знал, что котам такое есть нельзя.

Смеркалось. Миша, нагулявшись и вернувшись ко входу в парк, забрал свой велосипед с поста охраны, где сотрудники уже закончили играть в карты и теперь смотрели футбол с экрана телефона. Выйдя из парка, где, к слову, он так и не обнаружил никаких следов укреплений старых лет, Малинин шагал в сторону выезда из города. Он посмотрел на часы: семь часов семнадцать минут. Дома он окажется позже запланированного, но зато по дороге какое-то время не будет урчать в животе. Когда он вновь подумал о том, как же долго ему придется идти до дома пешком, сзади он услышал знакомый автомобильный гудок. Обернувшись, он увидел, как по дороге к нему подъезжает «Жигуленок», подвозивший его на ферму.

Когда автомобиль остановился, он увидел в салоне своих давних знакомых: сидевшую на пассажирском сиденье Маргариту Сергеевну и ухмылявшегося Николая Петровича:

– Здравсьте, Миша! – поздоровалась Маргарита Сергеевна. Чтобы увидеть ее лицо с высоты тротуара Миша пришлось наклониться под еще меньшим углом, чем при его знаком-

стве с ними.

– Рад вас видеть! – улыбнулся Миша. – И вас, Николай Петрович!

– Думали, – сказал Николай, – вон Мишка идет – поздравляемся!

– А не подвезете? – с надеждой спросил Миша.

– Рит! Давай мальчика подвезем! – спросил Николай.

– Да я-то не против, – ответила Маргарита. – А тебе куда?

– На ферму Селяновых, – сказал Миша, с интересом ожидая реакции. Оба смотрели на него с удивлением.

– Чего ж тебя опять к ним несет-то? – поинтересовалась Маргарита Сергеевна. – Или они тебе в тот раз дверь не открыли?

– Открыли, – засмеялся Миша. – И ружье на меня наставляли.

– Вы, городские, – ребята рискованные, я смотрю, – дивился Николай Петрович. – Давай велосипед твой сначала наверху машины закрепим!

Миша был рад, что встретил их. В этот раз на заднем сиденье он ехал с прекрасным настроением. И даже Степаныч, спавший в багажнике – Миша заранее спросил про наличие там змеи, – не беспокоил его.

– Миша! – обратилась к фермеру Маргарита Сергеевна. – Так что же тебя опять к Селяновым потянуло?

– Да купил я ферму ту, – признался Миша. – Теперь живу

там. Ремонтировать пытаюсь.

Несколько мгновений супруги молчали: то ли обдумывая неслыханную информацию, то ли почувствовав себя неудобно за тот раз, когда при Мише потешались над загадочным покупателем фермы, имени которого они не знали.

– А молодец! – сказала Маргарита. – Ту ферму надо починить всего лишь – и будет сиять, как алмаз! Да, Коля?

– Конечно! – не без тени сомнения подтвердил Николай. – Главное – не слишком с ремонтом усердствовать, а то остатки фермы развалятся, – похихикал он, после чего неловко замолк.

– Да я стараюсь, – сказал Миша, сделав вид, что внимания на шутку не обратил. – А вы слышали что-нибудь про присоединение фермерских земель к Западному и Восточному?

Николай засмеялся:

– А то! – воскликнул он. – К нам на днях из Восточного приходили! Просили за четыре процента подписаться за присоединение к ним. Четыре процента! – продолжал смеяться он.

– Коля, прекрати! – запротестовала супруга водителя. – Четыре процента – это немало!

– Да ладно тебе: немало! Вот десять – это уже что-то! А четыре – копейки! – брезгливо морщился он, что Миша мог наблюдать в зеркало заднего вида.

– Коля! – запротестовала супруга.

Они спорили на протяжении почти всей поездки – и из

их разговора Миша узнал много интересного: например, что их сосед, по слухам, выпросил себе с Восточным выгодное соглашение на тот случай, если фермы окажутся частью города – и повышение прибыли у него будет не на четыре процента, а на семь! И, как считал Николай Петрович, где семь – там и семнадцать! Маргарита Сергеевна более реалистично и осторожно смотрела на вещи – и считала, что семь процентов – это уже очень хорошо, а если жадничать, то можно вообще без повышения прибыли остаться.

Также они сообщили Малинину, что через три дня у них и еще нескольких фермеров состоится встреча с администрацией Западного, на которой чиновники пообещали рассказать обо всех преимуществах присоединения к их городу. Когда Николай и Маргарита предложили Мише тоже прийти и послушать, о чем там будут говорить, Малинин согласился. «Заодно и поинтересуюсь их мнением по поводу конфликта с Восточным», – решил Малинин.

Подъезжая к ферме, Николай спросил у Миши:

– Миш, тебя где высадить? Где в прошлый раз – или к дому подвезти?

– Да как вам удобнее, – пожал плечами пассажир.

– Раз Селяновы уехали, то можно и поближе на ферму поглядеть, – заявила Маргарита мужу.

– Ну, давай тогда на ферму заедем, – сказал Николай.

После того, как они завернули на сельскую дорогу, что вела от главной дороги к дому Миши, лишь свет фар «Жи-

гуленка» и редких звезд освещал путь. Когда автомобиль остановился примерно там же, где останавливалась машина предпринимателя Александра Заболотного, все трое вышли из салона.

– От фотографии той, конечно, сильно отличается, – заметила Маргарита Сергеевна, вспоминая фото фермы, которое показывал ей Малинин.

– Работы тут много, – протянул Николай Петрович. – Миш, – повернулся Николай к Малинину, отсоединявшему от крыши велосипед. – А тебе оно надо? Ремонтировать это все.

Фермер поставил велосипед на землю.

– Мне кажется, что в эту ферму верю только я, – ответил Малинин, хохотнув. Он посмотрел на дом при свете звезд. «Нужно только постараться, поработать и не отчаиваться, если что-то сразу не получается», – Миша довольно кивнул сам себе, представляя, как этот дом будет выглядеть после ремонта, – и улыбнулся.

– Но да, – продолжил он уверенно. – Тут будет замечательно!

Перед тем, как попрощаться, Миша рассказал, что внутри дома уже навел порядок – и пригласил Николая и Маргариту на чай. Но те вежливо отказались, сославшись на то, что уже хотят спать. Миша же предположил, что они просто испугались, что дом может обвалиться, пока они будут чаевничать.

«Как только привезут древесину, надо все-таки стабильность дома повысить. На всякий случай, – решил Малинин за ужином. – Но, как посоветовал Николай Петрович, не слишком усердствовать при этом».

Утро выдалось сухим и солнечным, и Малинин работал на улице, сидя на ступеньке крыльца. По округе разносилось жужжание шуруповерта – это Миша собирал дорожный знак. Трубы в магазине он выбирал так, чтобы каждую из них можно было вставить в другую, обеспечивая дорожному знаку нужную длину. Собрав из труб шест, он укреплял места соединения, вкручивая в них шурупы с четырех сторон. На земле впереди, неподалеку от его ног, лежали закрытые банки с краской, кисточка, а также две треугольные половинки листа металла, уже нарезанного «болгаркой».

Пока Миша брал в руки очередной саморез, его внимание привлекло движение со стороны главной дороги: на ферму въезжал черный блестящий автомобиль-иномарка. Миша нехотя отложил свое занятие: положил саморез в коробку, взял коробку в руки, встал в полный рост – и, не спеша, зашагал в сторону дороги с шуруповертом и коробкой в руках. Пока автомобиль подъезжал, Миша положил инструменты на один из металлических листов и стал ждать.

Остановившись непочтительно близко перед фермером, из машины вышли водитель и двое пассажиров: высокие крепкие мужчины в черных костюмах и лакированных, бле-

стящих как сама иномарка, ботинках. Помимо одинаковой формы, у всех у них были уложенные гелем для укладки блестящие волосы и очки с зеркальными стеклами. Миша решил, что когда такие разъезжают по городу ночью, то достаточно навести на них свет одного прожектора, чтобы освещать весь город отраженным светом. Несмотря на внушительные габариты, Миша все равно был крупнее – и поначалу трое стояли, оценивая его. Потом тот, что был по центру – с зачесанными назад волосами и единственный в черной рубашке и без галстука, наименее высокий из трех, с дорожными золотыми часами – пошел в сторону Миши, после чего за ним последовали другие двое. Шел он важно и артистично, с высоко поднятой головой. К любым незнакомцам фермер старался относиться хорошо, но тех, кто будет ему неприятен, он узнавал с первого взгляда – и центральный был как раз одним из таких.

– Где хозяин? – спросил центральный, сняв очки и подняв подбородок так, что смотрел на Мишу будто сверху вниз.

Малинин своим взглядом не выражал никаких эмоций.

– Я хозяин, – сказал он. – Вы чего-то хотели?

Тот ухмыльнулся в ответ:

– А прежний где? Ну, старикан тут был.

Миша нахмурил брови.

– Нет его, – сказал Малинин. – Так что вы хотели?

Центральный сплюнул себе под ноги.

– Сколько за ферму хочешь? – спросил центральный.

«Бандиты приехали», – вспомнив рассказы Селянова, решил Миша.

– Я не продаю ферму, – буднично сообщил он.

– Слушай, – подошел центральный поближе к Мише. – Я хорошо заплачу. Судя по тому, что ты живешь в такой развалюхе, – кивнул он на дом, – как эта, денег у тебя, наверное, немного.

Центральный засмеялся своей шутке, и вслед за ним, немного запоздав, – его «охрана». Миша веселья не разделял, стараясь быть как можно более невозмутимым.

Немного успокоившись после шутки, центральный сказал:

– Цену, короче, назови, а деньги я предоставлю.

За свою жизнь Миша встречал людей, которые все измеряли деньгами: такие считали, что можно купить хорошее отношение, преданность, дружбу, радость, счастье; все, что прикручено к земле, а все, что не прикручено – тем более; думали, что можно купить правду, репутацию, историю и будущее. По их мнению, у всего и у всех был ценник, а те, кто утверждал, что не продается, просто намекали на большую плату. И теперь они хотят купить его ферму. Малинина интересовало, зачем им нужна ферма, которую прежние хозяева, возможно, не найдя покупателей, продавали почти за бесценок. «Что здесь такого? – думал Малинин. – Может, тут много веков назад основатель Восточного клад зарыл?» Мысль была интересной, но когда общаешься с такими людьми, как

эти трое в костюмах, лучше было не отвлекаться. А еще Миша пожалел, что не поверил в рассказы Петра Ивановича и не расспросил его подробнее о бандитах, о которых тот часто упоминал.

– Зачем вам ферма? – спросил Малинин, прищурившись. – Тут что, клад зарыт? Если вам тут клад нужен, карта сокровищ или что-то такое, то забирайте – и уезжайте. Я не хочу, чтобы вы были на моей ферме.

Прежде чем центральный подобрал слова, с главной дороги на сельскую съехал еще один автомобиль – такая же черная блестящая иномарка. Миша в этот момент пожалел, что Селяновы вместе с будильником не оставили ему еще и ружье. Малинин кивнул в сторону приближавшегося автомобиля:

– Подкрепление вызвали?

Центральный обернулся, а следом, немного погодя остальные.

– Только не он! – с досадой бросил центральный.

Один из тех, кто стоял позади него, спросил:

– Может, уедем?

– Да какой «уедем»! – разочарованно махнул рукой тот. –

Он нас видел уже.

Центральный уже не выглядел таким уверенным и дерзким. По мнению Миши, он был похож на нашкодившего кота, не знающего, куда ему теперь спрятаться от хозяйского тапка. Автомобиль остановился чуть позади машины, кото-

рая уже стояла здесь. Из него вышел седовласый, усатый, подтянутый мужчина в сером костюме, а вслед за ним, с другой стороны автомобиля, «охранник», который, по мнению Малинина, своим внешним видом отлично вписался бы в экипаж первой машины.

– Привет, пап! – крикнул вдруг центральный в сторону седовласого. Седовласый пошел в их сторону, говоря:

– Я же просил тебя не пугать местных, Семен! Но ты опять сюда приехал, да еще с этими бабуинами!

– Но пап! – протестовал центральный.

– Не папкой! – сдвинул брови к переносице седовласый. – Живо домой! И если опять тебя здесь увижу, то ремня получишь!

Центральный поморщился и покраснел от стыда. Он повернулся к своим – и дрожащим голосом скомандовал им:

– В машину! Все!

Он затопал к заднему сиденью автомобиля без всяких прежних пафоса и артистизма. Быстрой, совсем не грациозной походкой он дошел до двери автомобиля – и скрылся в салоне, захлопнув за собой дверь. Седовласый в это время на сводил с них глаз; и даже когда они начали уезжать, он провожал их взглядом. Когда автомобиль отъехал от дома и двинулся прочь от фермы, седовласый повернулся к Мише.

– Вы простите, молодой человек, – сказал он – и подал руку. – Меня зовут Алексей Николаевич Черников, мэр города Западный.

Удивленный Миша пожал руку гостю.

– Я Миша, – сказал Малинин. – Фермер.

– Вы же у Селяновых ферму купили? – поинтересовался тот. – Семен часто приезжал к ним с предложением приобрести ферму.

– Он и ко мне приехал, чтобы ферму купить, – сообщил Миша, дивившийся информированности гостя.

– И вы, судя по всему, не договорились? – спросил тот.

Миша прищурился, задумавшись.

– Чем ему так эта ферма приглянулась?

Тот вздохнул:

– Сема всегда такой был: если что-то нельзя делать, он будет. Скажешь ему: «Сема, не надо есть перед сном!» А ночью идешь по квартире – и он у холодильника жует что-то. Говоришь: «Нельзя в дом котов с улицы таскать!» А на следующий день он пять котов приведет. Также если ему говорят, что что-то купить нельзя, он не успокоится, пока не купит. Просто из вредности. Однажды, когда мы стали зарабатывать больше, я ему сдуру сказал, чтобы деньги не транжирил! Он себе потом даже вертолет купить умудрился! Я хочу его счет закрыть и отправить работать на завод, но жалко мне его.

Миша внимательно смотрел на Черникова – и по его лицу пытался понять, насколько искренне тот говорит. Пока что выглядел мэр довольно убедительно.

– У вас есть дети? – спросил вдруг мэр.

– Нет, – помотал головой Миша, думая о том, что когда его отцу было столько же, сколько самому Мише сейчас, у отца был сын одиннадцати лет от роду. Сейчас этот сын во-зился на ферме, чтобы какими-то немыслимыми путями исполнить свою мечту, к которой он шел вот уже пять лет.

– Когда свои появятся, то будьте с ними построже, а то вырастут, как этот, – махнул он рукой в сторону дороги, где уже давно скрылись «бандиты». – Да, кстати: вы уже знаете, что послезавтра я устраиваю встречу с фермерами? – вдруг спросил он.

– Да, – кивнул Миша невозмутимо, хотя его охватили некие сомнения. – Слышал о таком.

– Встреча будет в десять утра в здании администрации го-рода, – сообщил он. – Буду рад вас там видеть.

– Приеду, – коротко ответил Миша. Он не хотел плохо думать об этом человеке, но сомнения в том, что он не знал заранее о сегодняшней поездке его сына на ферму Малини-на, все же появились.

Они пожали руки. Черников сел к себе в машину – и уехал по той же дороге, где ранее проезжал его сын. Вместо то-го, чтобы сразу продолжить работать над дорожным знаком, Миша пошел в дом попить воды и сделать перерыв.

Через полчаса с крыльца фермерского дома вновь разда-валось жужжание – Миша заканчивал делать шест для до-рожного знака. Солнце над его головой располагалось в зе-ните, но не грело – был обычный осенний полдень. Зеленый

цвет в этом сезоне потихоньку выходил из моды – и, по сравнению с предыдущими днями, модница-листва успела заметнее пожелтеть, придавая деревьям еще более осенний вид.

У забора, что начинался метрах в двадцати пяти от Миши, лежали два покрашенных в белый цвет металлических листа. На каждом листе был нарисован черного цвета идущий через дорогу человек. Когда краска высохнет, останется повернуть листы к шесту шурупом и покрасить «шляпки» шурупов в черный и белый цвета.

Укладывая готовый шест у своих ног, Малинин предположил, что краска может не высохнуть за сегодняшний день – и установку знака придется еще отложить.

«Вот об этом я как-то не подумал сразу, – почесал он затылок. – Ну, да и ладно! Главное – это что прогресс есть!» Он повеселел, подошел к листам металла и, положив шест в траву рядом с ними, пошел домой за измерительной лентой: завтра должны были привезти доски и бруски; нужно было за сегодня замерить как можно больше величин в доме, чтобы потом начать пилить то, что ему привезут.

В замерах прошла большая часть дня, в течение которой его никто не беспокоил. Он измерял стены, половицы, ступени, поручни, плинтусы и даже хотел сделать замеры на крыше, но потом решил, что сначала, прежде чем лезть на крышу, ему все же следует укрепить упоры или поставить новые. Заглянув после трудового дня в шкафчики и холодильник, Малинин решил, что он знатно истощил купленные недав-

но запасы провизии, – и задался вопросом: «Если тем, кто развозит дерево, заплатить побольше, то привезут ли они мне еще и продуктов из магазина?» Подобный исход событий фермер посчитал маловероятным – и приготовился к тому, что на днях снова поедет за едой, если к тому времени не прилетит из отпуска загадочный курьер, единственный на два города работавший в этой сфере.

В конце дня, сидя на диване и борясь со сном, Миша листал свои записи с замерами и проверял, не забыл ли он чего записать. Тут он зевнул, положил тетрадь рядом с собой – и откинул голову на спинку дивана, решив немного подремать. Закрыв глаза, Малинин задумался о том, а не следует ли сразу устроиться нормально спать вместо дремоты – и тут в дверь постучали. «Знак того, лучше все же ко сну готовиться», – решил Малинин, лениво вставая и задаваясь вопросом, кого это принесло на ночь глядя. Подойдя к двери и отдернув занавеску, сквозь стекло он никого не увидел. Повернув ручку двери и толкнув дверь вперед, он вышел из дома. Ночь была тихой, а звезды были как скопление ярких фонарей, делая темное время суток почти по-дневному светлым. Малинин поглядел по сторонам, но снова никого не нашел. «Бандиты пугать пришли», – подумал Миша – и сразу постарался отогнать от себя эту мысль. Ему еще надо спросить у мэра Западного, знает ли тот что-нибудь о пропаже амбара.

Как только он повернулся в сторону двери, собираясь пойти обратно в дом, откуда-то издалека сзади он услышал го-

воривший шепотом знакомый голос, звавший его:

– Миша...

Он резко обернулся, но под необыкновенно светлым ночным небом никого не было видно. Малинин не слышал этого голоса уже пять лет, с тех пор как она ушла, так и не сказав, куда.

Он спустился с крыльца, чтобы вновь осмотреться. Никого вокруг себя он не наблюдал.

– Миша... – откуда-то снова прошептал голос, но ни сзади, ни спереди, ни по сторонам не было никого.

– Я не могу тебя найти, – с досадой проронил Миша, уставившись в землю. – Я лезу вверх и лезу. Может, все потому, что я еще не на вершине? Но я не знаю, сколько еще подниматься, – он вновь осмотрелся. – Не знаю... Скажи, сколько! Намекни хоть, – он развел руками.

– Миша... – вновь услышал он из ниоткуда.

– Слышишь ли ты меня? – он поднял взор вверх, на звезды, где, возможно, жила она. – Мне так без тебя одиноко, – его голос дрогнул. – И я даже не знаю, вернешься ли ты хоть когда-нибудь, – он вздохнул. – Прости, что я не был таким, каким ты хотела меня видеть...

– Миша...

Он открыл глаза. Малинин все еще сидел на диване в гостиной своего дома. Справа от него лежала тетрадь с замерами. Он посмотрел на часы: спал он полчаса.

– Лучше бы опять по горе поднимался, – сонно проворчал

Малинин. Он так хотел снова услышать тот голос! Но при этом очень жалел, что голос вновь оказался на слуху, ведь доносился он словно с другой планеты, не известно, откуда конкретно. Звал ли этот голос его в действительности или же Малинин выдавал желаемое за действительное? Скучала ли она хоть иногда? Вспоминала ли его? Не забыла ли? Он скучал, вспоминал и не забыл, ведь все, чем он занимался в жизни с момента ее ухода, напоминало о ней, ведь именно ей это все и было посвящено! Она всегда была с ним, пускай, возможно, и не зная об этом. А что она сказала бы, если бы знала? Отмахнулась бы, как от чего-то не нужного? Задумалась бы? Захотела бы вернуться из неведомых краев, куда ушла? Ответов на эти вопросы Малинин не знал. Будущее оставалось загадкой. В сон клонить перестало. «Лучше пойду снова почитаю, как сельское хозяйство вести, – решил фермер. – Может, снова спать захочется».

Несмотря на то, что за ночь он прочел довольно много, желания сомкнуть глаз так и не проснулось. За чтением на кухне, которое он совместил с чаепитием, Малинин не заметил, как на улице посветлело. Когда ночной пейзаж на улице стал заметно более утренним, Миша взглянул в окно. «Пора за работу, – подумал он. – Пока доски не привезли».

Привинтив на улице высохшие от краски листы металла к шесту, Миша покрасил шляпки саморезов, чтобы они не выделялись на фоне знака. Захватив из помещения с инструментами лопату – один из оставленных Селяновыми сувени-

ров, – он взял дорожный знак, кисточку, пакет с банками с краской – и потащил все это к пешеходному переходу неподалеку от фермы Ларисы Борисовны.

Час был ранним, так что Миша рассчитывал, что автомобилей между городами ходить не будет. Положив знак и лопату в траву, Миша, вооружившись кисточкой и краской, приступил к рисованию белых участков «зебры» там, где еще виднелись нарисованные много лет назад прямоугольники. При этом он периодически поглядывал то направо, то налево: мало ли, вдруг машина будет проезжать. К его облегчению, переход получилось нарисовать без вмешательств. Отложив художественные принадлежности, Малинин взялся копать яму для установки знака. Высохший верхний слой земли был тверд, но лопата в руках мощного Малинина работала, как отбойный молоток, вскоре позволив ему выкопать глубокую яму. Установив знак в получившуюся выемку, Миша стал забрасывать ее землей.

Посмотрев на часы по окончании работ, Малинин ухмыльнулся: само дело прошло гораздо быстрее, чем подготовка к нему. Довольный фермер, взяв лопату и краску, направился домой, надеясь, что краска высохнет прежде, чем проснется поток автомобилей.

По дороге домой он несколько раз зевнул – и в какой-то момент решил для себя, что вот сейчас, утром, можно и подремать прилечь. Стоило ему дойти до дома, вдалеке позади него послышался гудок грузовика. Малинин обернулся: на

сельскую дорогу въехал КАМАЗ с огромным прицепом, который вез к нему горы досок. Миша был рад, что наконец-то можно начать настоящий ремонт, но все-таки он предпочел бы, чтобы КАМАЗ приехал хотя бы на пару часов попозже. Положив инструменты с красками на крыльцо, он, подболевшись, наблюдал, как грузовик въезжает во двор. После того, как грузовик остановился, из его окна высунулся мужчина – и крикнул ему:

– Начальник! Где выгружать?

Миша посмотрел налево от себя.

– Вон там! – крикнул Миша, показывая на место, где раньше был амбар.

Кивнув в ответ, водитель повез грузовик с прицепом туда, куда Малинин ему показал. Пока тот подъезжал к нужному месту, Миша зашел домой, чтобы вымыть руки и попить. Выйдя из дома, Малинин обнаружил несколько растерянного водителя, стоящего у прицепа.

– Чего такое? – спросил Миша, подходя к нему.

– Тут много досок, начальник, – замялся тот.

– Я заметил, что много, – хохотнул Малинин. Дровесины действительно было предостаточно: кузов КАМАЗа был заполнен доверху и еще сверху; прицеп, который он вез, привез дровесины не меньше. По расчетам Миши, который делал заказ, ему привезли абсолютно столько материала, сколько нужно для обновления всего дома. А дом, между прочим, был большим. – А что?

– Я один буду до ночи разгружать, – признался он. Мужичок был сухой и невысокий даже по меркам человека обычных габаритов, а что уж говорить о мерках гражданина ростом с Мишу! – Поможешь?

Малинин пожал плечами.

– Ну, давайте.

Древесину можно было сбросить с кузова, что существенно ускорило бы работу, но при этом часть досок могла поломаться, чего Малинин не хотел: чтобы склеивать те доски, что поломаются, у Миши не было ни желания, ни клея. Вдвоем они потихоньку начали разгружать кузов: водитель стаскивал материалы сверху, а Миша принимал их снизу и складывал на землю и друг на друга.

– Я вообще часто доски вожу, – сообщил водитель, передавая фермеру длинный брусок. – Рад, что ты согласился подсобить с разгрузкой.

– А разве можно было не согласиться? – засмеялся Миша, забирая материал. – Я бы мог, конечно, целый день наблюдать, как вы выполняете работу за двоих, но вдвоем мы со всем быстрее управимся.

– А некоторые вот наблюдают, – пожаловался тот. – Говорят, раз привозишь, то и разгружай, а мы к вам в контору грузчиками не нанимались. А я тоже не нанимался, вообще-то! – продолжал он, стаскивая доски. – У меня в трудовой написано: во-ди-тель, – произнес он последнее слово по слогам.

– А почему грузчика не нанять? – поинтересовался фермер.

Водитель, вытерев пот со лба, ответил:

– Грузчику платить надобно, начальник. А зачем платить и водителю, и грузчику, когда можно платить только водителю, который еще и тяжести таскает?

– Или грузчику с автомобилем, – заметил Миша.

– Да... – протянул тот, соглашаясь.

Когда они разобрали половину кузова, водитель спросил:

– Начальник, может, перерыв?

Миша и сам утомился за ночь без сна и тоже был не против немного отдохнуть.

– Давайте перерыв, – ответил он – и пошел в дом. Дома он налил два стакана воды: один – себе, а другой – водителю. Выйдя из дома, он нашел водителя сидящим на ступеньках крыльца.

– Пить хотите? – протянул Миша воду своему гостю.

– Спасибо, начальник, – ответил тот, взяв стакан. – Хороший дом у вас, кстати.

Фермер тоже сел на ступеньки, а потом начал смаковать воду небольшими редкими глотками:

– Честно говоря, не помню, чтобы люди так отзывались об этом доме, – хохотнул он.

– У меня вот тоже дом свой есть. Точнее, его не будет скоро, – вздохнул водитель.

– А что такое? – спросил Малинин.

– Администрация городка нашего продавила... Как там ее? – он защелкал пальцами, пытаясь вспомнить слово. – Рендексацию жилищного фонда. Во!

– Реновацию? – прищурился Миша.

– Да! Вот! – закивал водитель. – Реновацию! Мне сказали, что мой дом оказался среди тех, которые эта реновация затронет. А это значит, что приедут дяди из администрации на бульдозерах – и домишко мой просто снесут.

Малинин помотал головой:

– Так денег же на новый дадут. Обязаны, – сказал он.

– Ха! Денег-то дадут, но их только на собачью конуру хватит. А у меня детвора подрастает, – он опустил голову.

Миша задумался – и тут его глаза округлились от пришедшей идеи.

– Вас как зовут? – вдруг спросил он.

Водитель посмотрел на него.

– Данилой звать, – ответил водитель.

– Данила, вы живете где? В Восточном?

– Угу, – ответил он.

Миша улыбнулся.

– Как вы смотрите на то, если мы с вами наведаемся к мэру Восточного, Павлову Сергею Палычу?

Узнав, что Миша хочет помочь ему договориться с мэрией о предоставлении нового жилья, Данила сразу же согласился ехать в Восточный. Разгрузив кузов и оставив прицеп

с оставшимися материалами на ферме, Данила и Миша отправились в путь. В дороге Малинин даже успел немного подремать. В этот раз ему ничего не снилось. Когда они подъехали к зданию мэрии, Данила слегка толкнул его в плечо

– Начальник, идем? – спросил он.

– Да, – подтвердил Миша сонным голосом, продирая глаза.

На входе их вновь встретила секретарша.

– Ой, снова вы, – посетовала она, подпиливая ногти. – К Сергею Павловичу? Опять проценты хотите повысить?

– Да я не за процентами, – отмахнулся Миша. – Сергей Палыч у себя?

– У себя, – ответила та.

Малинин зашагал в кабинет мэру, и Данила проследовал за ним. Постучавшись в дверь кабинета, фермер приоткрыл ее – и застал мэра читающим бумаги в той же одежде на том же стуле, будто тот все это время пробыл на рабочем месте. Мэр был удивлен, увидев его.

– Михаил Александрович, верно? – пробасил градоначальник.

– Миша, – помотал головой тот. – Разрешите зайти?

– Проходите, – отложил он документы, которые держал в руках.

Вслед за Мишей в кабинет несмело зашел водитель.

– Сергей Палыч, – начал Миша, подойдя поближе к столу мэра, – я бы хотел обсудить с вами один важный момент ка-

сательно моего голоса за Восточный.

– Давайте, – с интересом произнес мэр.

– Человека рядом со мной зовут Данила, – показал он на вставшего рядом водителя. – Из-за программы реновации его могут лишитъ жилья. Данила, расскажите мэру вашу историю.

Мэр пригласил водителя сесть на стул, после чего тот заговорил и про бульдозеры, и про семью, которой нужно где-то жить, и про обещанные администрацией копейки, и про собачью конуру. Мэр внимательно слушал, кивал и угукал по мере того, как узнавал больше.

– Ну, вот так, – развел руками Данила, закончив рассказ.

– Я вас услышал, – сообщил мэр. – Да, в городе действительно начала действовать такая программа. И да, – он поджал губы, – у населения она оказалась не очень популярной. Но у нас народ такой: новое иногда в штыки принимается. Наверное, – обращался он уже к Мише, – вы заметили, что в нашем городе чтут прошлое. И я очень уважаю почитание традиций, но времена меняются – и поколения вместе с ними. Молодежь уже не хочет жить так, как жили деды и прадеды, как мы живем у нас в Восточном. И молодые уезжают в крупные города, жизнь которых они видят в Интернете. Чтобы хоть как-то попытаться их удержать, мы приняли решение обновлять город, как обновляли в прошлом государстве. И, конечно, – он развел руками, откидываясь на стуле, – без обновления внешнего вида города этот процесс проводить

не получится.

– Это все понятно, – сказал Миша, – но что делать с обычными людьми, вроде Данилы? На деньги, которые ему пообещала администрация, он себе новое жилье не купит.

– Эти деньги – это только первый взнос, – заявил Павлов. – Для людей, чье жилище будет подвергнуто реновации, мы организуем ипотеку, а этот первый взнос может пойти на ее погашение.

– Ипотека... – покачал головой Данила. – У меня нет денег ее платить! Все деньги уходят, чтобы детишек растить! Как я выплачивать вашу ипотеку должен?

– Ну, знаете, – сказал мэр, – можно супругу попросить на работу устроиться, да и в нашей стране дети с малых лет издавна были помощниками по хозяйству – можно устроить и их работать.

– У меня старший из трех только в пятый класс пошел! – бросил Данила. – Какая работа? Средний – в детском саду. А мать за младшеньким следить должна!

– Даниил, – обратился к нему мэр мягко, – как вас по бабушке?

– Романович, – буркнул тот.

– Даниил Романович, – продолжил Павлов, – наши люди, люди старой закалки, как вы, всегда умели выкручиваться из непростых финансовых ситуаций. Можно ведь и на вторую работу...

– Сергей Палыч! – перебил Миша.

Тот посмотрел на фермера.

– Если вы поможете Даниле с жильем – не ипотекой, не арендой, а бесплатно выдав ему жилье, в котором он сможет растить детей, – вы покажете всем фермерам, которые еще не проголосовали, что вы заботитесь о людях, за которых отвечаете.

Услышав слово «бесплатно», Сергей Павлович едва заметно поморщился, но не перебивал.

– Если Данила получит жилье взамен старого, – продолжал Миша, – то мне кажется, что такой поступок можно будет и в предвыборной кампании использовать, что добавит вам популярности не только среди фермеров, но и среди ваших же горожан. У вас же выборы скоро.

– Но тогда мне придется всем по реновации жилье раздавать, – заворчал он.

– Вы же мэр, – пожал плечами Миша. – Глава города. Вы здесь для того, чтобы заботиться о горожанах, – заявил Малинин. – И горожане тоже так считают. И они высоко оценят такие шаги с вашей стороны. А может, увидев, как вы заботитесь о своих людях, однажды страна захочет увидеть вас на более высоком посту.

Сергей Павлович отвел взгляд, задумавшись. Некоторое время он молчал.

– Мне надо сделать звонок, – вдруг сказал он. – Подождите меня в коридоре.

Миша кивнул – и направился к выходу из кабинета. Да-

нила пошел вслед за ним. Закрыв за ними дверь, водитель шепотом спросил:

– Думаешь, согласишься?

Миша кивком головы в сторону выхода указал, что им следует отойти подальше от двери, чтобы мэр их не слышал.

– Попробовать стоило, – так же шепотом ответил Малинин, когда они встали подальше.

В коридоре они молча стояли минут пять. Водитель копался в телефоне, а Миша, оперевшись плечом о стену, думал, а не украдут ли «бандиты» всю купленную им древесину, пока он здесь общается с градоначальником.

Дверь кабинета открылась, и Миша с Данилой, отвлекшись от своих дел, взглянули за вышедшего из кабинета мэра.

– Проходите, – жестом пригласил он их пройти обратно.

В этот раз первым в кабинет зашел водитель. Миша закрыл за ними дверь.

Вновь устроившись на своем стуле, Сергей Павлович сказал:

– Будет вам жилье, Даниил Романович.

– Правда? – не поверил водитель своим ушам.

Мэр утвердительно кивнул. Данила радостно посмотрел на стоявшего рядом Мишу – и фермер улыбнулся ему.

– Но, – сказал Павлов. – Есть одно «Но». Миша, мне нужен ваш голос за мой славный город Восточный.

– Но сначала вы должны пообещать, что ничем не обиди-

те фермеров, если фермерские земли присоединятся к Восточному, – ответил Малинин. – Тогда я поставлю галочку там, где вы сказали.

– И жилье, и обещание в обмен на галочку, – прищурился Павлов. – Разве честный обмен?

– Я не только галочку ставлю, Сергей Палыч, – сказал Миша. – Я даю вам возможность набрать серьезные политические очки, помогая Даниле.

Пару мгновений мэр молчал.

– Интересный вы человек, Миша, – сообщил Сергей Павлович после паузы. – Я обещаю, что обеспечу фермерам наилучшие условия, – заявил он, глядя Мише в глаза. – Никого не обижу. Это все, что вы хотели услышать?

Малинин кивнул.

– Где там галочку поставить надо? – спросил фермер.

Миша первым вышел из здания мэрии. Оборачиваясь, он хотел произнести слова поздравления, но не успел: Данила крепко обнял его. Миша оторопел – и расхохотался:

– Кажется, все получилось, – сказал Миша.

Данила отпустил Малинина. Лицо водителя светилось от счастья.

– Начальник... – мотал он головой, не веря в происходящее. – Я у тебя в неоплатном долгу теперь!

Миша отрицательно пересек воздух ладонью.

– Никаких долгов, – решительно сообщил он. – Я сделал

то, что было нужно.

– Миш, ты меня и мою семью не дал на улице оставить, – развел тот руками. – Дай я тебе хоть выпить куплю!

Малинин прищурился, задумываясь.

– Если действительно хотите отблагодарить, – сказал он, – то помогите выгрузить остатки досок с прицепа на ферме.

Тот ухмыльнулся:

– Да не вопрос!

Они поехали обратно. Данила включил веселую музыку на радио и всю дорогу подпевал песням, которые были ему знакомы. Судя по тому, что петь он не прекращал, он знал тексты всех композиций на местной радиостанции. Миша улыбался тому, какой восторг теперь излучал этот человек, который вел грузовик обратно на ферму. «Если по собственному желанию сделал чей-то день хотя бы чуть-чуть светлее, значит, твой день прошел не зря», – считал Миша. Фермер был искренне рад за нового товарища. Ему хотелось еще немного вздремнуть, но просить водителя прекратить свой концерт он не стал – Данила заслужил праздник, а поспать и по приезду на ферму можно будет. Пока они ехали, Малинин к своему удовольствию обнаружил, что установленный им дорожный знак остался на месте, а обновленная «зебра» ничуть не стерлась.

Приехав на ферму, водитель и пассажир вышли из машины – и приступили к разгрузке остатков древесины: Миша – медленнее, устало, а Данила – резво, воодушевленно. Все

время водитель делился счастьем, рассказывая о том, как будет рада его семья; как чудесно, что есть на Свете такие добрые люди, как Миша; какой неожиданностью оказалась для него реакция мэра, в итоге согласившегося ему помочь. Малинин слушал, молчал, улыбался – и продолжал таскать древесину.

Когда они закончили, водитель протянул ему руку:

– Если что-нибудь когда-нибудь понадобится, Миш, – сказал тот, – ты обращайся.

– Непременно, – пожал ему руку Малинин. – Удачи, Данила!

Счастливым водителем залез в грузовик и высунулся из окна двери:

– А мне ведь все равно пришлось бы это все разгружать, даже если бы ты не попросил. Да? – лыбился он, понимая, что в итоге Миша ни о чем его и не попросил.

Малинин в ответ помахал ему:

– Счастливого пути! – крикнул он.

– Хороший ты парень, начальник, – просиял он. – Бывай!

Данила уехал, оставив огромное количество деревяшек, которыми фермер будет обновлять дом. Малинин, посмотрев на всю груду дерева, сказал:

– Вот теперь настоящий ремонт начнем.

Миша был рад тому, что «бандиты», с «главарем» которых он и другие фермеры собирались завтра на встречу, ничего не утащили. Малинин зевнул – и пошел в дом: надо бы-

ло сходить в душ, поесть и прилечь.

Спать он лег в семь часов вечера. Стоило ему закрыть глаза, как заиграло радио будильника. Фермер посмотрел на часы: пять часов утра. Наступило время готовиться к встрече с Алексеем Николаевичем Черниковым, мэром города Западный. Фермер уже отдал свой голос за Восточный, но съездить в Западный он все равно собирался, потому что у него там оставалось как минимум еще одно дело: узнать у местных их версию истории о начале противостояния городов.

Еще вчера по радио он услышал, что курьер прибыл из отпуска – и сразу заказал себе доставку еды, которую должны были привезти к девяти часам вечера. Новость о том, что ему не надо будет ездить за едой на велосипеде в соседний город, существенно подняла ему настроение. Также он заказал себе брезент, чтобы накрывать древесину на случай дождя.

Утро выдалось прохладным и пасмурным, но сухим. Бабье лето подошло к концу. Приближался октябрь. Подкрепившись, Миша на велосипеде поехал в город Западный, куда было ехать даже дольше, чем до Восточного. За ночь Малинин хорошо отдохнул, так что особой лени поездки не вызвала. Поговаривали, что в Западном, в отличие от Восточного, уже несколько лет работала служба такси, но Миша считал, что велосипед ему был дан не зря: с ним можно было экономить средства на поездках. Он мог позволить себе иногда заказывать еду с доставкой, но чтобы еще на такси ездить? Нет. Миша в это время нигде не работал, а деньги,

которые он сейчас тратил, оставались от выигрыша в лотерею, который и помог ему приобрести ферму. До выигрыша фермер считал, что лотереи – это надувательство, и что выиграть в них нельзя, и, следовательно, покупать билет он не собирался, но когда у продавца в магазине не нашлось мелочи, чтобы отдать сдачу, продавец предложил Мише лотерейный билет. Тогда Малинин пожал плечами – и согласился взять сдачу билетом. Уже дома, стерев защитный слой, он узнал, что выиграл очень крупную сумму денег. Выиграй он их не полгода назад, а, скажем, когда ему было лет двадцать пять, он быстро промотал бы выигрыш на развлечения. Но на момент выигрыша он уже жил другой жизнью – и подобного расточительства позволить себе не мог.

Была ли ферма для него развлечением, экзотической трапой денег? Тот, кто не знал причины ее покупки, мог бы сказать, что да. Но те, кто знали, точно так не считали. Хотя, узнай последние, в каком состоянии Малинину досталась ферма, они бы засомневались в том, что Малинин адекватно потратил деньги. Фермер периодически ругал себя за то, что поверил фотографии, не посмотрел на настоящее состояние фермы до покупки. Но потом, убеждая себя, что ничего не происходит случайно, он набирался решимости – и вновь заряжался оптимизмом касательно того, в какое чудесное место можно превратить эту ферму.

Западный был, в основном, городом более современным, чем Восточный: даже трехэтажные постройки не казались

местным чем-то, из ряда вон выходящим. Хотя и там были старинные здания – и эпоха их постройки, по мнению Малинина, роднила эти два города.

Въехав в город, Миша разузнал, как проехать к зданию администрации. Ему также сказали, что мимо он точно не проедет – рядом со зданием располагалась видная площадь с памятником основателю города. Увидев издалека этот памятник, Малинин обомлел: он был, как две капли воды, похож на памятник Ивану Евгеньевичу Беляеву. Остановившись у здания администрации, похожего на большой книжный магазин прошлой эпохи, Миша посмотрел на часы: полдесятого утра. «Еще есть время, чтобы памятник поближе рассмотреть!» – решил Малинин – и, оставив велосипед у здания, пошел на площадь.

В отличие от изваяния в Восточном, здешний памятник смотрел на запад, а не на восток. Подойдя ближе к памятнику, все так же изображавшему бородатого мужчину в военной форме, фермер прочитал на табличке: «Иван Евгеньевич Беляев. Основатель крепости «Западный». «Значит, Западный тоже был крепостью, основанной Беляевым!» – удивился Малинин находке – и подумал, что эта информация может ему пригодиться.

Здание администрации встретило Мишу просторным фойе с гардеробной, расписным потолком и широкими светлыми коридорами. «Гораздо массивнее, чем мэрия Восточного», – заметил Малинин, оглядывая интерьер. Подойдя к

сидящей на стуле гардеробщице – женщине раза в два старше него, – фермер спросил:

– Простите, а где тут мэр встречу с фермерами проводит? Та удивилась:

– А мне почему знать? Я ж не справочная. Я тут вещи развешиваю. Куртку даешь?

Малинин помотал головой – и пошел искать того, кто подсказал бы ему, куда идти. Взглянул на часы: девять часов пятьдесят одна минута.

Он завернул за угол – и в него влетела девушка, тащившая стопку бумаг, после столкновения разлетевшихся, словно конфетти.

– Замечательно день начался! – воскликнула она с такой интонацией, что Миша сразу понял истинное значение слова «замечательный» в сказанной ей фразе.

Она стала собирать листы, не обращая внимания на Мишу, стоявшего посреди бумаг, как зимой на засыпанном снегом поле.

– Теперь так целый день будет! – пожаловалась девушка.

– Мне очень жаль, – извинился Малинин. – Я помогу.

Он начал собирать бумаги с такой скоростью, что та даже растерялась – и просто встала в полный рост, пока Малинин, кружась вокруг нее, собирал документы. Не прошло и минуты, как Миша оказался перед ней с новой стопкой листов:

– Готово. Извините еще раз за столкновение, – произнес он, передавая ей листы. Прежде чем она успела что-то ска-

зять, он спросил:

– Может, вы знаете, где мэр проводит встречу с фермерами?

– Да, – сказала та слегка растерянно, взяв листы. – Пойдемте.

Она отвела его к дверям в небольшой актовый зал. Когда дверь зала открылась, Миша увидел дюжину рядов кресел, где на первых рядах уже сидели около двух десятков человек; сцену с бордовым занавесом; потолок темно-коричневого цвета; а также поднимавшихся на сцену четверых людей в костюмах, среди которых он заметил Черникова.

Поблагодарив девушку, Миша направился поближе к сидевшим впереди людям.

– Дорогие друзья! – начал вещать в микрофон на стойке один из людей, пока Малинин усаживался на кресло на четвертом ряду, позади остальных. – Мы рады приветствовать вас на официальной встрече администрации города Западный с владельцами соседних фермерских земель. Меня зовут Юрий Сергеевич Решетнев, и я курирую проект административного расширения города. Также сегодня на встрече присутствуют мои коллеги: Деревянко Вячеслав Дмитриевич – губернатор региона, – начал он представлять других людей в костюмах, показывая на них рукой, – а также Солдатов Андрей Юрьевич – заместитель министра сельского хозяйства региона. Я уверен, – он улыбнулся, – что нашего мэра, Черникова Алексея Николаевича, вы уже знаете.

Черников кивком поприветствовал зрителей, а Решетнев продолжал:

– Алексей Николаевич сегодня расскажет вам о том, какие преимущества ждут вас, если ваши фермерские хозяйства станут частью города Западный. А потом мы совместно постараемся ответить на ваши вопросы, если таковые возникнут. Алексей Николаевич, пожалуйста, – Решетнев отошел от микрофона – и на его место встал мэр города.

– Доброе утро, товарищи, друзья, – поздоровался глава поселения. – Меня зовут Черников Алексей Николаевич, и вот уже более двух десятков лет я успешно руковожу городом Западный. В последнее время мы вместе с федеральными органами власти решили, что нехорошо фермам оставаться вне юрисдикции города. Вам не к кому обратиться по самым простым вопросам, – продолжал Черников, – вроде починки системы водоснабжения, ремонта дороги, которая так же не принадлежит городу, установки дорожных знаков.

– Так к вам же обращались по поводу знаков! – услышал Миша знакомый голос. Это была Лариса Борисовна. – А вы – ни бе, ни ме.

Остальные фермеры бубнежом стали поддерживать ее. Малинин молчал и слушал.

– Все дело в том, – начал отвечать мэр, – что мы не имели права ничего делать на этой дороге, потому что она нам не принадлежит! И только с вашей помощью, если фермерские угодья станут частью города Западный, мы сможем взяться

за обновление дорог и, в том числе, за установку дорожного знака.

– Да не надо уже знак тот трогать! – махнула рукой Лариса Борисовна. – Там уже и знак поставили, и «зебру» нарисовали.

– Я прошу прощения, – растерянно вмешался губернатор, – а кто этим всем занимался?

Старушка развела руками.

– Не имею представления, – ответила та. – Наверное, какой-то человек равнодушный, которого тоже достали бюрократы.

– Вячеслав Дмитриевич, – обратился к губернатору мэр. – Давайте потом про знаки поговорим, а сейчас вернемся к теме.

Губернатор насупился, но спорить не начал.

– Я говорю о том, – продолжил глава города, – что если ваши фермы будут официально закреплены за Западным, то все проблемы на вашей земле сможем решать мы. Вам не нужно будет через секретарей и заместителей обращаться к губернатору, чтобы вам издалека прислали ремонтные бригады, чтобы, например, кран починить или крышу дома заделать. Вам просто надо будет связаться со мной – и я сам позабочусь о том, чтобы проблема была решена.

– Да мы и сами неплохо проблемы свои решаем, – заявил грузный мужчина на первом ряду. – Уж кран как-нибудь сами поменяем.

Его тоже поддержали, но уже не все.

– Решение проблем – это лишь одно из преимуществ, которые мы вам предлагаем, – сказал Черников. – Фермы по всей стране и по всему миру идут в ногу со временем: применяются новые технологии, оптимизируется труд – все, чтобы производить больше за меньшее время. Я бывал на всех фермах – и с сожалением заявляю, что наши с вами фермы в этом плане отстают.

Это его заявление встретил неодобрительный галдеж.

– Пожалуйста, – поднял он ладонь вверх. – Послушайте. Я хочу сказать, что без движения в будущее вы останетесь в прошлом. Вы сами знаете, что некоторые фермеры уезжают, продавая свою землю за бесценок или просто бросая ее, потому что не могут ее содержать.

Люди в зале зашептались – знали, что такие есть.

– Мы от лица города сделаем все, чтобы помочь местным фермерам вывести свое хозяйство на совершенно новый уровень, – сообщил Черников. – Мы не только обеспечим развитие фермерских хозяйств, но и гарантируем вам надежных потребителей, заключая контракты с другими регионами и даже странами. Вам не придется больше искать покупателей для вашей продукции, потому что этим будем заниматься мы, администрация Западного!

В зале было тихо. Люди слушали внимательно. Малинин считал, что рекламная кампания Западного выстроена гораздо грамотнее обещаний про четыре процента со стороны Во-

сточного.

– Мы гарантируем вам повышение эффективности труда; увеличение прибыли за счет новых потребителей, надежность, а также поддержку в решении любых вопросов, связанных с вашей землей.

– А в чем подвох? – спросила женщина со второго ряда. – Звучит все прям как в сказке. Но так ведь не бывает!

Четверка на сцене заулыбалась

– Никаких подвохов, – сообщил мэр.

– А в чем тогда ваша выгода? – спросил сидевший с краю того же ряда мужчина.

Вместо мэра ответила женщина с третьего ряда:

– Просто после укрупнения они будут больше финансирования из бюджета получать.

– Вы правы, – честно ответил Черников. – Мы действительно будем получать больше средств из бюджета. Эти средства пойдут, в частности, на улучшение сельскохозяйственных земель, где вы проживаете. Другая часть дополнительных средств пойдет на улучшение Западного. Развитие наших с вами земель возможно только при объединении. Иначе – стагнация, в лучшем случае.

– Как там с налогами будет? – спросила Маргарита Сергеевна, занявшая место рядом с супругом.

– Позвольте ответить мне, – сказал Вячеслав Дмитриевич, подходя к микрофону. Черников уступил ему место. – Как губернатор, я бы хотел заверить присутствующих, что, с уче-

том условий вашей работы, которые улучшатся после объединения с Западным, повышения налогов вы даже не заметите. Повышение будет незначительным.

Народ в зале зароптал: «Так и знал!», «Они просто больше налогов хотят!», «Больше денег себе в карман!»

– Пожалуйста, – вновь успокаивал их мэр, снова заняв место у микрофона. – Мы хотим вас заверить, что эти налоги не будут потрачены впустую. Когда вы ехали сюда, вы видели, насколько наш город более современный, чем Восточный? Мы идем в ногу с остальной страной, развиваясь, – и это все во многом заслуга того, что люди платят здесь больше налогов. Средства, которые идут с их зарплат, тратятся на благоустройство их города. Я лично это гарантирую – и поэтому я являюсь мэром Западного уже двадцать с лишним лет! Люди знают, что я работаю для них, – и продолжают голосовать за меня. Если вы выберете Западный, то я буду работать и для вас. Это я вам, как Черников Алексей Николаевич, обещаю. Помимо этого, налоги, которые вы платите, позволят нам бесплатно для вас обновлять технику, на которой вы работаете на своих фермах: комбайны, тракторы, грузовые автомобили – мы это все сможем обновлять раз в пять лет по вашим заявкам. И вам не придется платить ни копейки, чтобы заменить старую технику на новую! Кроме того, тем, у кого нет нужной техники, мы поможем ее приобрести, заплатив часть суммы за нее из выделенных из бюджета средств!

Из среды зрителей слышалось одобрение. Миша думал,

что и ему на ферме пригодилась бы техника со скидкой. Он размышлял над тем, что было бы, если бы он еще не проголосовал за Восточный. Отдал бы он свой голос за Западный? «Нет, – думал он. – Если бы жилье для семьи Данилы стояло на весах, то я бы проголосовал так, как уже проголосовал».

– Если у вас есть еще какие-либо вопросы, то не стесняйтесь спрашивать, – произнес мэр.

– А прибыль-то у нас на сколько увеличится? – спросил Николай Петрович. – Павлов вот четыре процента обещал!

Мэр засмеялся.

– Сергей Павлович всегда был человеком, который предпочитал упрощенный взгляд на все, – сказал он снисходительно. – Благодаря нашей поддержке, ваша прибыль может стать гораздо больше, в зависимости от того, как вы будете трудиться. Новые технологии, способные увеличить производительность труда, могут быть использованы вами не только для того, чтобы достигать прежних объемов производства меньшими усилиями, но и чтобы текущими усилиями производить гораздо, гораздо больше! Наше с вами совместное сотрудничество позволит нам вывести местное сельское хозяйство на первые места в стране! А может быть, мы с вами будем работать так хорошо, что с нас будут брать пример и в остальном мире! Я верю, что живущие здесь люди, честно работающие на своей земле, достойны гораздо большего, чем то, что получают сейчас. Мы вместе с вами достойны большего – и добьемся этого, если будем вместе, как одна

команда, – он потряс кулаком в воздухе.

– А как насчет рынков Восточного? – спросил один из зрителей. – Вы же с ними не особо дружите. Ваши будут мешать нам с ними торговать?

– Так как мы будем искать вам наилучшие контракты, – отвечал Черников, – рынки Восточного вам больше не понадобятся. Отсутствия торговли с ними на фоне того, что мы будем вам предлагать, вы даже не заметите.

Помимо этого, фермеры задавали и другие вопросы. Например, не потеряют ли они землю из своего владения, придется ли им еще что-то менять в своей работе в принудительном порядке, какие появятся правила, чаще ли будут приходиться с проверками и не возникнут ли по этой причине поборы. На все эти вопросы Черников и его команда отвечали уверенно и разумно, всегда делая акцент на том, что фермеры от объединения только выиграют, а какие-то издержки на фоне плюсов будут незаметны. Под конец общения настроение среди зрителей царило позитивное – ответы властей, по мнению Миши, могли убедить большую часть присутствовавших проголосовать за объединение с Западным.

– Ну, раз вопросов больше нет, – произнес мэр, поглядывая на часы, – то предлагаю закругляться – и возвращаться к своей трудовой деятельности. Но перед этим скажу, что в течение ближайших семи дней к вам будут приходиться работники моей администрации с просьбой поставить галочку за объединение с нашим городом Западный. Мы будем рады,

если вы проголосуете за нас. Спасибо!

Когда четверка стала уходить со сцены, фермеры стали расходиться. Миша, встав со своего места, поздоровался со своими знакомыми из зрителей – и спешно подбежал к мэру:

– Алексей Николаич! – воскликнул Миша уже подходившему к выходу Черникову.

– О! Это вы! – сказал мэр, обращаясь к Малинину. – Рад вас видеть.

Они пожали руки, после чего Миша так же обменялся рукопожатиями с остальными чиновниками.

– Алексей Николаич, разрешите поговорить с вами? – спросил Малинин.

– Ну, так мы два часа общались, – улыбнулся тот. – Почему же вы ничего не спрашивали за это время?

– Потому что у меня есть важный разговор, не касающийся голосования, – сказал Миша.

Черников задумчиво посмотрел на него.

– Я вас догоню, – сообщил он чиновникам. – Давайте присядем, – указал мэр на первый ряд, когда в зале уже почти никого не осталось, а выходявшие последними зрители были уже у выходов.

Когда они сели, Черников спросил:

– Так что же у вас за разговор?

Миша заговорил тихо:

– Я недавно был в Восточном, – начал Малинин. – И мне рассказали историю о том, что произошло двадцать лет на-

зад между вашими городами. Но мне почему-то не до конца верится, что все было именно так. Я знаю, что вы были в центре событий – и, думаю, у вас есть своя версия той истории.

– И что же вам рассказали? – спросил Алексей Николаевич.

– Что вы хотели присоединить все фермерские земли себе, в то время как Павлов предлагал разделить их пополам, – ответил Миша. – И из-за этого случился конфликт, длящийся двадцать лет. Неужели все так и было?

Черников недоверчиво посмотрел на Малинина:

– А зачем вам это все знать? Вы ведь только приехали сюда, а такими вещами интересуетесь.

И тогда Миша сообщил ему, зачем он приехал. Поделится с ним той же историей, которую поведал Ларисе Борисовне и Заболотному. По мере того, как Черников узнавал все больше, недоверие в его глазах таяло, сменяясь удивлением.

– И вот я узнал, – заканчивал Малинин свой рассказ, – что братские когда-то города враждуют, в то время как и Западный, и Восточный даже основаны одним и тем же человеком! И враждуют из-за земли и из-за конфликта, по сути, двух людей: вас и Павлова. Жители целых городов противостоят друг другу, потому что что-то помешало вам договориться. И у меня есть странное чувство, – сказал Малинин, посмотрев на пустую сцену, – что, может, я должен какую-то роль тут сыграть.

Мэр молчал. Как и Миша, который смотрел на него и ждал

ответа.

– Если все то, что вы рассказали, – прервал Черников молчание, – является правдой, то я никогда не встречал таких людей. Да, на моей памяти люди шли на разное, чтобы что-то кому-то доказать, но подобных историй я не слышал. Ладно. Раз уж вы были столь откровенны, то и я отвечу тем же, – он оглядел актовъ зал в поисках других людей, но там были только они с Мишей. – Мы с Сергеем Павловичем были лучшими друзьями еще с Детского сада, – заговорил он негромко. – Про таких говорят: «Не разлей вода». Он мне как родной был, – с печалью в голосе произнес Алексей Николаевич. – Братьев у меня не было, но был Серега – и мне этого хватало. И так до седьмого класса. К нам в школу новенькая девочка тогда пришла. Вика ее звали. Викуля, – вздохнул он. – Я поскромнее был, чем Серега. Он и в драках за меня заступался, и во все авантюры первый лез. Я признался ему, что Вика мне нравится. По секрету доверил, как другу лучшему. А через неделю узнал, – холодным голосом молвил он, – что Серега ей все рассказал, а она смеется у меня за спиной. Я и облил Серегу грязью из ведра при первой же встрече. И ушел. Мы с ним больше не общались с тех пор, – вновь говорил он с тоской. – Когда я узнал, что он пошел в политику, я решил утереть ему нос, – он потряс кулаком, – и тоже в политику пошел. Решил, что какого бы поста тот ни добился – я займу пост выше. Как бы высоко тот ни поднялся, я поднимусь выше. И мне нужны были все те фермерские

земли, чтобы показать, что я лучше него и чтобы получить более высокий пост. А на деле не нужен был мне никакой пост, – признался тот. – Я просто хотел Сережку обогнать.

– И с тех пор горожане друг с другом – как кошка с собакой? – спросил фермер.

Мэр поджал губы.

– Это мы с Сережкой гадости своим горожанам говорили: я – про восточных; он – про западных. Все, чтобы всех между собой поссорить. А люди доверчивые, верят властям. Я этим не горжусь, Миша, но что сделано, то сделано.

Миша и не представлял, что личная обида могла поссорить два города.

– И Павлов не пытался помириться? – продолжал задавать вопросы удивленный рассказом Миша.

– Ни разу, – тот сверкнул глазами. – Даже не извинился.

Малинин решил, что раз корень конфликта городов кроется в старом конфликте их мэров, то если помирить мэров, то и отношения между горожанами можно было бы наладить. В прошлом Малинин уже выполнял роль миротворца – и он решил попытаться и тут сделать то, что было в его силах.

– А если бы извинился? – осторожно спросил фермер. – Если бы он признал, что был не прав? Вы бы его простили?

– Он не стал бы извиняться, – бросил Черников. – Хотел бы – за двадцать лет успел бы.

– А если бы? – не отступал Малинин. – Окончание вашего с ним раздора могло бы помирить множество людей, которые

плохо относятся друг к другу без причин.

– Я не знаю, Миша, – покачал тот головой – и посмотрел на часы. – Мне пора идти, – сообщил Черников. – Прошу прощения, – он, спешно поднявшись со своего места, направился к выходу из актового зала. Малинин не пытался его остановить, вместо этого еще несколько минут обдумывая услышанное, в одиночестве сидя в актовом зале на первом ряду.

Подходя к гардеробной, Миша увидел, как гардеробщица пытается снять с крючка чью-то куртку. Она держалась за спину и не могла полностью выпрямиться, но все пыталась достать чужую верхнюю одежду. В это время мужчина в костюме по другую сторону от ее стола торопил ее:

– А вы не могли бы побыстрее? Мне спешить надо.

Миша подошел к гардеробщице – и сказал:

– Позвольте мне.

Та недовольно посмотрела на него – и пошла к себе на стул.

Миша снял куртку – и подал ее мужчине. Когда тот ушел, гардеробщица сказала:

– Спасибо, сынок. Спину потянула с утра – и теперь тяжело работать.

На часах в фойе был полдень. Фермер спросил:

– А когда у вас смена заканчивается?

– До шести работаю, – ответила она.

– А давайте я вам сегодня помогать буду? – вдруг задал

вопрос Миша. – Вы будете номерки собирать, а я вещи – носить.

Женщина от удивления сначала не знала, что ответить, а потом произнесла:

– Если тебе не сложно...

Так и договорились. В течение дня в мэрию приезжали разные люди: работники администрации в костюмах; обычные горожане; эстрадные певцы; иностранные делегации, с которыми Миша объяснялся на далеком от совершенства английском языке; рабочие, делавшие ремонт на втором этаже, слышавшийся звуками перфоратора по всему зданию; и многие другие люди, отдававшие гардеробщикам свои вещи на хранение. Гардеробщица назвалась Светланой Витальевной, и в перерывах они с Мишей говорили о жизни и пили чай с конфетами. В один из таких перерывов она смущенно обратилась к Малинину:

– Ты извини, Миша, что я так грубо с тобой при встрече обошлась.

Миша махнул рукой, уже выйдя из актового зала поняв, что было причиной.

Во время разговора Светлана Витальевна по секрету поведала Малинину, что ее дети со своими семьями живут в Восточном – и поэтому ей особенно тяжело плохо говорить о жителях соседнего города, а уж если у нее спрашивают, где ее дети живут, то врать приходится. Стоит сказать правду в компании западных – и будешь объявлен врагом народа.

– Значит, вы не были бы против, если бы западные с восточными помирились? – спросил Миша.

– Конечно, нет! И я знаю про многие семьи, где одни живут тут, а другие – там. Нам бы всем хотелось, чтобы все было по-старому. Двадцать лет назад так хорошо было! – вспоминала Светлана Витальевна. – Все друг к другу доброжелательно относились, все дружили, никто друг про друга даже за спиной плохо не говорил. А сейчас? В открытую ругань несется с одной стороны на другую, а те отвечают так же! Не должно так быть.

Миша был согласен со Светланой. Он убедился в том, что на днях было бы неплохо снова навестить Павлова Сергея Павловича в Восточном.

Когда время на часах достигло шести, Малинин сказал:

– Смена закончилась. Рад был познакомиться, Светлана Витальевна.

Из-под своего стола она достала пакет с конфетами – и протянула ему:

– Держи конфет, сынок, – сказала она благодарно. – Спасибо, что помогал сегодня.

– Тут много, – хохотнул он. – Я больше трех штук не возьму.

Та настаивала:

– У меня дома еще есть! А ты бери эти. Труд человека должен оплачиваться!

Миша сдался – и, взяв конфеты, попрощался с гардероб-

щицей. Выйдя из здания, он сел на свой велосипед – и спешно поехал домой, надеясь, что успеет доехать до фермы до девяти часов вечера.

Он подъехал к ферме без десяти минут девять. Прибыв домой, он включил везде свет, положил конфеты на стол и стал заваривать себе чай. Хорошо было бы нормально поужинать, но Малинин любил сладкое и иногда позволял себе испортить аппетит. Он улыбнулся воспоминанию о том, как в детстве его за это ругали. Малинин считал, что возможность есть сладкое тогда, когда хочешь, является одним из неоспоримых преимуществ взрослой жизни.

К моменту, когда он налил себе чай, на ферму въехал фургон курьера. Время было девять часов восемь минут. Оставив трапезу, Малинин пошел встречать доставку.

Когда Миша вышел из дома, курьер уже стоял у автомобиля и махал ему рукой. Им оказался молодой человек лет двадцати пяти. Миша подошел ближе – и курьер поприветствовал его и предложил ему расписаться на документе за доставку. По его виду Малинин решил, что тот то ли уставший, то ли расстроенный. Малинин уже собирался спросить у него, как прошел его день, но пришел к выводу, что в этот раз в чужие дела лезть не станет. Выгрузив коробки из его фургона, Миша поблагодарил его за доставку и пошел домой. Расставив коробки с продуктами в коридоре, Миша их все открыл – и начал таскать из них продукты на кухонный стол, проверяя там срок годности. Когда обнаружилось, что

стол был завален изобилием упаковок с едой, Малинин взялся раскладывать продукты. Пока он расставлял еду по шкафам и холодильнику, Малинин поглядел в окно: курьер сидел на земле у своего фургона – и почему-то никуда не уезжал. «Надо было все-таки спросить про его день», – задумался фермер – и пошел обратно на улицу.

Вышедшего из дома фермера курьер встретил пустым взглядом, который слегка оживился, стоило Мише подойти и сказать:

– Может, чаю хотите?

Доставка продуктов Мише была сегодня последней по расписанию у курьера. В разговоре за чаем с конфетами тот рассказал, что на отдыхе он поругался с супругой. Та забрала детей – и уехала от него.

– А чего поругались? – спросил Миша, поедая конфеты.

– Да я просто иногда в карты могу поиграть, – признался курьер, представившийся Тимофеем. – На деньги. Ксюша, жена моя, говорит, что я так однажды проиграю по-крупному, если продолжу. И детям дурной пример подаю. Считает, что азартные игры – это плохо.

– И что думаете делать теперь?

– Не знаю, – пожал он плечами. – Я уже пытался в прошлом прекращать играть, но потом предложит кто-нибудь в картишки перекинуться – и не могу отказаться.

Малинин отхлебнул чая.

– А жену с детьми любите?

– Что за вопрос? – удивился тот. – Разумеется.

И Малинин рассказал ему свою историю, которой он недавно поделился с Черниковым. Пока Тимофей слушал, пару раз он делал выражение лица, говорившее «Да ладно! Не может быть!» Но Малинин рассказывал так искренне, словно доверяя сокровенное, что после повествования Тимофею только и оставалось, что смотреть в чай в своей чашке таким взглядом, словно это был целый океан.

– И все это потому, что любите? – спросил Тимофей.

– Без любви я бы не пытался измениться. Не начал бы стараться вести себя по-другому по отношению к остальным. Жил бы для себя, – Миша улыбнулся. – Со временем привыкаешь быть лучше, чем ты был. Вроде, даже иногда воспринимаешь это как что-то естественное, будто бы всегда был таким, но что-то мешало. Но причину того, почему решил жить иначе, не забываешь никогда. И эта причина гонит вперед, заставляет действовать. Если я смог заставить себя жить по-новому, то я думаю, почти кто угодно сможет.

– А я? – поднял Тимофей взгляд от чая. – И я смогу?

Тимофей смотрел на него так, будто ждал от него истины. Но у Миши не было истины, потому что людям зачастую доступна лишь правда. А правда у каждого своя.

– Я уже спрашивал, – ответил Миша, – но спрошу еще раз, чтобы вы сами нашли ответ: вы любите вашу семью?

– Да! – уверенно кивнул тот.

– Вот и ответ на ваш вопрос, – Миша пожал плечами. –

Раз любите, то разве может быть, что не сможете?

После разговора Тимофей явно повеселел. Они еще немного пообщались обо всем на свете, и с посветлевшим взглядом и словами благодарности в сторону Малинина курьер уехал с фермы на своем фургоне.

Глава 4

Ремонт

В течение следующих нескольких дней на ферме Миши звучала симфония из сменявших друг друга ударов молотка, жужжания шуруповерта, дребезжания дрели и работы пилой по дереву. В те дни гостей у него не было, так что работа шла довольно быстро. Малинин, работая, как пчелка, ставил новые опоры и обновлял деревянную часть дома на первом этаже. Ел он на улице, потому что вся кухня была накрыта пленкой от пыли, пробужденной ремонтом и разгуливавшей по всему дому. Он надеялся полностью обновить первый этаж к началу рабочей недели, чтобы уже в понедельник поехать в Восточный с чувством, что уже хотя бы одну важную часть работы на ферме он сделал целиком.

Когда груда досок рядом с его домом стала заметно уменьшаться, Малинин заметил, что рядом с ней увеличивается другая куча досок: старые деревяшки, из которых ранее состоял дом, Миша складывал неподалеку от новых досок. «Отвезу это все, наверное, на переработку, – подумал фермер, глядя на груду старых досок. – Пускай послужат еще».

Миша считал, что хорошо это, когда все приносит свою пользу. Оглядываясь в тот момент на свою прошлую жизнь,

фермер считал, что в те старые времена жил впусую. И так бы, наверное, и провел оставшееся на Земле время, если бы не тот день, когда ушла Лера, голос которой во сне называл Мишу по имени. С того вечера, когда он плохо спал, Лера больше не звала его. Малинин размышлял над тем, когда же крепкий спокойный сон без сновидений сделает перерыв, уступив место голосу любимой, словно растворившейся в воздухе после ее ухода. Голос красивый и в то же время наводящий тоску. Он не знал, где она, но он точно был уверен, что не смеет появиться перед ней, не доказав, что изменился, что перестал быть эгоистом, каким она его назвала.

К вечеру субботы Миша закончил работы по замене дерева на первом этаже, смазал петли входной двери, заменил лестницу и установил дополнительные опоры для каменных частей дома. Воодушевленный, он расхаживал по новому деревянному полу; прогуливался по новой лестнице то вверх, то вниз, не переживая, что провалится; открывал и закрывал дверь на входе в дом. «И нигде не скрипит!» – радовался он. С чувством выполненного долга он лег спать, чтобы в воскресенье как следует отдохнуть, а потом с утра понедельника на велосипеде поехать в мэрию города Восточный.

Отдохнув в последний день недели, утром в понедельник Миша проснулся от слов радиоведущего. Диктор вещал о том, что на завтра прогнозируют заморозки и иней на траве. В бодром расположении духа поднявшись с дивана, Малинин пошел завтракать, не выключая радиоприемника. В

холодильнике было целое изобилие: сыры, пирожные, колбасы, консервы – и на все это фермер смотрел взглядом довольного кота. Сделав себе завтрак с долгожданным хлебом, наконец-то доставленным вчера курьером Тимофеем, Миша взялся за трапезу. Когда по радио он услышал, что вскоре после заморозков наступят настоящие холода, его кожа покрылась мурашками. И тут к нему пришло осознание того, что раз у него дома нет горячей воды, то и отопления не будет! Он разочарованно поморщился. «И к кому обращаться с этим? – подумал Малинин. – Еще и с губернатором теперь общаться?» Дожевывая еду уже без бывшего аппетита, Малинин решил, что если разговор с Павловым пройдет удачно, то он заинтересуется, сможет ли мэр организовать ему включение горячей воды.

Надев кепку, ветровку поверх свитера, джинсы и ботинки, Малинин поехал в Восточный. Стоило ему выехать на главную дорогу, закапал дождь – и Миша надеялся, что морось не превратится в ливень. Последние дни он держал доски у себя дома накрытыми брезентом, все ожидая дождя. «Надо будет этот велосипед оборудовать зонтом, – думал Миша, проезжая мимо почти полностью желтых деревьев. – Правда, открытый зонт будет тормозить езду». Миша помотал головой: нет, идея с зонтом не подойдет. У него было достаточно денег, чтобы купить дешевый автомобиль, но стоит ему их потратить – и денег на обновление фермы не останется. Так что Малинин пришел к выводу, что лучше уж пока на

велосипеде ездить. А скоро и снег пойдет – и о дождях можно будет забыть. «Скоро и правда снег пойдет», – загрустил фермер, все еще не будучи уверенным, что успеет выполнить все запланированные работы до наступления морозов.

Путь в Восточный был уже таким знакомым, что по ощущениям преодолевался быстрее прежнего, хотя времени на дорогу тратилось всегда примерно одинаково. Малинин читал об этом феномене: чем более рутинная у тебя жизнь, тем быстрее, тебе кажется, она пролетает. Новые впечатления заставляют жизнь в человеческом восприятии течь медленнее, а их отсутствие – быстрее. Поэтому, мол, в зрелом возрасте, когда уже все повидал, думается, что жизнь куда-то спешит: дни пролетают как часы; недели – как дни; месяцы – как недели; годы... А ведь годы тоже пролетают. Миша уже был в таком возрасте, когда человек, который не увлечен путешествиями, которые наполняют жизнь новизной, может начать жаловаться на скоротечность времени. Но Миша путешествовал. До того, как прибыть сюда, на ферму между Западным и Восточным, он уже пожил в нескольких городах. Если бы он начал считать интересных людей, с которыми он познакомился, то наверняка сбился бы со счета: во-первых, потому что подсчеты он считал делом очень скучным, а во-вторых, потому что таких людей было очень много.

Он встречал инженера, создававшего разные фантастические устройства и обещавшего, что однажды благодаря его трудам человечество будет путешествовать между планета-

ми и разными временными эпохами. Как и большинство современников, Малинин относился к таким заявлениям скептически. А потом Миша вспоминал о своей мечте и о том, как часто его тоже называли наивным мечтателем, – и тогда выражал инженеру слова понимания, которых, казалось, тому так не хватало! Инженер тогда решил, что, когда он изобретет корабль для межпланетных путешествий или машину времени, то обязательно назовет изобретение в честь Миши.

Знал Миша и знаменитого профессионального спортсмена, получившего травму и бросившего спорт ради выпивки. Когда Миша приходил к нему домой, то, находя запасы спиртного, выливал их в раковину, чем вызывал крайнее неудовольствие хозяина жилища. Миша кое-как знал английский, и в то время узнал, что его поведение называется «Tough love» или, если по-нашему, «Суровая любовь». Помимо того, чтобы отучать спортсмена пить, Миша возил его на реабилитацию после травмы, потому что тот отказывался ездить сам. И в итоге спортсмен набрал форму и вернулся в спорт, посвятив одну из своих последующих наград своему «лучшему другу Мише Малинину».

Малинин был знаком и с переводчицей древних текстов, последняя работа которой потрясла научный мир. Результат ее трудов пытался присвоить другой человек, и переводчице при поддержке Миши пришлось доказывать, что перевод принадлежит ей. Процесс завершился успехом – и среди людей, которым переводчик письменно выражала благодар-

ность на первой странице работы, она упомянула и Малинина.

Общался фермер и с музыкантом, потерявшим вдохновение и из-за безденежья еле-еле сводящим концы с концами. В итоге Малинин помог ему найти не вдохновение, а причины заниматься творчеством – и музыкант перестал переживать, что вдохновение вдруг снова уйдет, вновь оставив его у пустой тетради для стихов и с пустыми карманами. И однажды музыкант, написав песню о самых значимых в его жизни людях упомянул в ней и Малинина.

Когда Малинина кто-то благодарил уже после того, как тот повлиял на их жизнь, Миша не пытался об этом специально узнавать, потому что считал, что нечего «собирать себе медали» и вообще всегда был занят каким-то важным делом, а если узнавал, то совершенно случайно – и каждый раз был до глубины души тронут.

Когда он остановился у мэрии и собирался подойти к двери, из здания выходил Сергей Павлович. Высоченного Мишу было сложно не заметить, так что тот сразу обратил на фермера внимание.

– Миша? – пробасил тот.

– Доброе утро, Сергей Палыч.

Они обменялись рукопожатиями.

– Я к вам, – сообщил Миша.

– У меня дела на другом конце города, – сказал мэр. – Может, в другой раз?

Мише стало неудобно его отвлекать, но он все же поднажал:

– Я к вам два часа на велосипеде ехал, – замялся он. – Тут разговор важный очень.

Павлов нахмурился – и сказал:

– Ладно. Садитесь в машину.

В отличие от люксовой иномарки Черникова, Павлов ездил на отечественном авто выпуска начала текущего века. И ездил он, в отличие от Черникова, один, без охраны.

Когда оба сели в авто, мэр дал по газам – и спросил:

– Так о чем вы хотели поговорить, Миша?

– Тут у фермеров была встреча с Черниковым, – начал Малинин. – И я ее тоже посещал.

Павлов насупился, но ответил сдержанно:

– И что он там говорил? Втюхивал свою программу в обмен на голоса? Надеюсь, вы помните, что у нас с вами договор?

– Помню, конечно, – ответил Малинин. – Но я ездил на встречу не ради голосования. Я ездил узнать, почему восточные и западные так плохо друг к другу относятся.

– И что? – удивился тот. – Узнали?

– Мне известно о том, что вы с Алексеем Николаичем поссорились однажды.

– Это всем известно, молодой человек, – сообщил тот. – То застолье, на котором мы делили землю, вышло самым знаменитым застольем в этих краях за последние годы.

– Я не о том, Сергей Палыч, – произнес Миша тише, не зная, как тот отреагирует на его дальнейшие слова. – Алексей Николаич рассказал, что вы с ним поругались в седьмом классе.

Павлов припарковал машину у тротуара.

– К чему это все, Миша? – спросил мэр.

– Я знаю о людях, которые хотят, чтобы города помирились, – ответил Малинин. – Знаю о семьях, разделенных враждой.

– Вы что, хотите помирить города? – усмехнулся тот. – Каким образом? Да и вам это зачем?

И Малинин поведал, зачем, рассказав Павлову то же, что и Тимофею, и Черникову недавно. Несмотря на то, что Малинин таким образом убедил пойти на смелые шаги уже немалое число людей, каждый раз он рассказывал эту историю с содроганием сердца. Хотя, по идее, чем чаще что-то делаешь, тем привычнее должно это становиться.

– Я сделаю вид, что верю вам, – сказал Павлов, выслушав рассказ. – Это бы объяснило, зачем вам помогать незнакомым людям, однако это все равно странно, и мне этого не понять. Но я все еще не услышал, как именно вы собираетесь всех мирить.

– Города конфликтуют из-за вашей с Черниковым ссоры, – объяснял Миша. – Если вы с ним перестанете враждовать, то и на ваших людей сможете повлиять.

– Молодой человек, мы с Алексеем не общаемся уже боль-

ше трех десятков лет. Да мне и не надо с ним мириться. Мне и так хорошо.

– Он мне знаете, что сказал? – спросил Малинин. – Что у него братьев не было, но были вы – и ему этого было достаточно. Он вас за родного человека считал.

Павлов усмехнулся:

– Так и сказал? А вы, Миша, родных людей часто грязью обливаете?

– А вы знаете, почему он так сделал? Он рассказал мне, как вы некоей Вике про его чувства к ней рассказали.

– Да. Рассказал, – буднично ответил тот. – Потому что Алешка никогда бы сам этого не сделал. Он в школе был тише воды, ниже травы. Мне все время приходилось за него все делать и подталкивать ко всему, а он меня вот так отблагодарил! Грязью облил!

– Он сделал так, потому что считал, что его лучший друг его предал, – объяснил Миша. – Она над его чувствами посмеялась. Его обидело то, что вы сделали.

– И что вы предлагаете?

– Пойти вашему другу навстречу, – объяснил Малинин. – Объясниться. Причем и вам, и ему. Вам обоим станет легче.

– То есть вы хотите, чтобы я извинился перед ним за то, что хотел, как лучше? – недовольно пробасил Павлов.

– Сергей Палыч, – начал Миша издали. – Я несколько моложе, чем вы, но много ситуаций повидал. Много конфликтов, много ссор, – Миша перевел свой взгляд на улицу

впереди них. Спешившие по своим делам мимо их автомобиля люди и не догадывались, что сейчас приехавший изда- лека фермер пытается дать ход важнейшим для их города событиям. – И очень часто эти конфликты возникают из-за того, что никто не хочет посмотреть на ситуацию с другой стороны. Что никто не пытается понять, что чувствует кто-то другой и почему он это чувствует. Но иногда стоит только осознать, что кто-то мог смотреть на ситуацию иначе, а не так, как ты; попытаться понять причины чужих слов и поступков – и уже не видно причины дальше враждовать, когда поймешь. Я знаю, что вы хотели, как лучше, а вы пытались объяснить это Алексею Николаичу?

– Когда он меня грязью из ведра облил, мне уже не хоте- лось ничего объяснять, – пожаловался мэр.

– А если бы вы знали, что его обидите, вы бы все равно рассказали все Вике?

– Нет, конечно, – сказал Павлов. – Если бы я знал, что мы с Алешкой перестанем общаться, то оставил бы его тоско- вать по Вике этой. Пускай он сам бы это все расхлебывал, – пробубнил он недовольно. – А я еще и виноват в итоге.

– Вы не знали, что обижаете его, а он не знал, что вы хо- тели, как лучше, – подытожил Малинин. – Вот так часто и бывает. Знаете, мы так легко ссоримся – на это несколько секунд нужно. Как вазу разбить. А потом... – голос Мали- нина дрогнул. – А потом годами пытаемся склеить то, чего уже склеить нельзя.

Павлов молчал.

– Но порой склеить можно, когда этого хотят оба, – продолжил Малинин. – Вы можете восстановить не только вашу с Черниковым дружбу, но и добрососедские отношения между целыми городами. Таким образом вы не только вернете друга и поможете множеству людей, разделенных враждой, но и прибавите себе любви со стороны народа, который будет знать вас еще и как... – Миша задумался. – Как главного специалиста по склеиванию ваз, – улыбнулся он.

– И что делать теперь? Просто позвонить Алешке и сказать: «Привет. Извини, что заставил тебя облить меня грязью?»

Фермер задумался.

– Приезжайте на ферму Селяновых в эту субботу в два часа дня, – сказал он. – Мы попробуем вас помирить.

Неохотно согласившись, Павлов поехал дальше по делам, а Малинин пешком направился в сторону мэрии за своим велосипедом. По дороге он разглядывал вывески на местных заведениях. Подряд стояли лавка с орехами «Белкина радость»; магазин с мороженым «Ледяная волна», который заставил Мишу схватиться за голову: он так и не спросил у Павлова, куда ему обращаться касательно горячей воды; магазин пледов, куда Малинин юркнул и откуда вышел с двумя новыми пледами, которые будут как раз кстати в сезон без отопления; а также парикмахерская «Старый цирюльник» – в это заведение Малинин тоже заглянул: парикмахеру на вид

было лет девяносто, но, наблюдая за тем, как ловко и быстро он делал прическу клиенту, Миша тоже решил подстричься.

С аккуратно подстриженными волосами и двумя пледом, по пути к мэрии фермер купил себе массивный рюкзак в магазине сумок, куда и упаковал пледы. Давно прекратившаяся морось опять показалась на лужах – и Малинин ускорил шаг, хотя и будучи рад тому, что пледы упакованы в пленку и не промокнули даже под ливнем.

Вскоре найдя свой велосипед там же, где фермер его оставил, Миша поехал домой, чтобы, переждав дождь, продолжить ремонт дома.

Под усилившимся дождем выехав с главной дороги на сельскую, Миша заметил на крыльце движение: там было двое людей. Сократив расстояние до дома, он лучше разглядел их: это были молодая женщина с короткой стрижкой и мальчик лет десяти. Подъехав к дому и спешившись, Миша обратился к ним:

– День добрый! Я могу помочь?

– Привет! – ответила женщина. – Мы с сыном мимо вашей фермы проходили – и дождь начался. Мы укрыться от дождя решили. Вы не против, что мы тут побудем? В дом не просимся. Просто на крыльце постоим, пока погода лучше не станет.

По мнению Миши, стоявшего у ступенек, одеты эти двое были слишком легко, не по погоде.

– На улице холодно, да и кто знает, когда дождь закончит-

ся, – сказал Миша. – Если хотите, заходите в дом, а я угощу вас чем-нибудь.

– Нет, спасибо, – смутилась женщина. – Мы откажемся.

– Мам! – завопил малец. – Давай зайдем! Я есть хочу!

– Нам неудобно вас стеснять, – замялась та.

Миша пожал плечами.

– Я могу вам просто еды приготовить – и сюда вынести, раз есть хотите, – ответил Миша. – Но заставлять не буду.

– Мам! – опять воскликнул парнишка. – Давай зайдем!

Тут холодно стоять!

Женщина вздохнула – и сказала Мише:

– Спасибо вам. Мы бы погрелись.

Открыв дверь, Малинин заявил:

– Можете проходить сразу на кухню – это направо по коридору. Слева – гостиная. Ванная – вверх по лестнице. Уборная – у лестницы. Не удивляйтесь содранным обоям – я тут ремонт пытаюсь делать.

– Да, – сказал мальчик. – Ремонт бы этому дому не помешал.

– Цыц! – сказала мама.

Миша крикнул им из гостиной:

– Я тоже так посчитал, когда приехал сюда. Надеюсь обновить тут все до первого снега.

Когда он вышел к ним на кухню, двое сидели за столом и общались о чем-то. Миша открыл холодильник и шкафы с продуктами перед ними – и предложил:

– Вот, что у меня есть из еды. Выберите, что вам приготовить.

– Так, выбирать буду я! – хохотнула женщина. – А то кое-кто сейчас одни конфеты есть станет.

Парнишка покачал головой в недоумении.

Они заказали себе гречневую кашу, котлеты, а также торт, который Миша, в принципе, купил для себя, но отказываться он не стал. Пока Малинин занимался готовкой, он налил им чая, чтобы согрелись.

Занимаясь кулинарией, Миша услышал их шепот:

– Мам! А куда потом пойдём?

После длинной паузы женщина ответила:

– Я не знаю, Сань.

После этого она сказала уже громче, обращаясь к Малинину:

– Простите, а тут в округе где-нибудь есть гостиницы? Нам, чтобы подешевле.

Малинин пожал плечами:

– Честно говоря, понятия не имею, – ответил он раскладывая котлеты на сковородке. – Я сам тут меньше месяца. Только-только осваиваюсь, что тут и как. Вы тоже не отсюда, значит?

Пока мама думала над ответом, ответить решил сын:

– Мы издалека приехали. То тут живём, то там.

– Саша! – процедила сквозь зубы женщина.

– Что? – удивленно спросил он.

– Кочевники, значит? – решил Миша. – Я тоже редко на одном месте задерживаюсь.

– Но на ферме решили задержаться? – спросила женщина. – Меня, кстати, Татьяна зовут. А этого парня – Саша.

– Я Миша, – повернулся он к ним. – А насколько задержусь тут – это как получится. Стараюсь не загадывать.

Гречка уже была готова – и он приступил к раскладке ее по тарелкам. Миша был благодарен Селяновым за то, что вместе с домом они оставили ему еще некоторые предметы, включая посуду и столовые приборы.

– Тяжело, наверное, ребенка по разным школам водить, – сказал Миша, подавая им тарелки с едой. – Когда я маленьким был, был у меня одноклассник, который говорил, что дольше нескольких месяцев на одном месте не задерживается. У его родителей работа командировочная была.

– Я в школу уже полгода не хожу, – довольно заявил Саша.

– Саша! Хватит! – недовольно бросила мама.

Миша стал переворачивать котлеты.

– Это не мое дело, конечно, – сказал фермер, – но без образования в наше время нелегко.

Татьяна вздохнула:

– У нас нет регистрации, а без регистрации в школу не берут.

«Им негде жить», – проскочила грустная мысль у Миши. В тот момент в дверь постучали – и фермер, накрыв сковородку с котлетами крышкой, пошел открывать. Из коридо-

ра через стекло и занавеску он увидел силуэт – и вспомнил недавно услышанные слова: «И все три стула снова будут заняты по вечерам за чаем». Он спешно открыл дверь: у порога стояла Лариса Борисовна с пакетом и с зонтом в руках:

– Здравствуй, Миша! По радио передали, что холодно будет, – сообщила она. – Я тебе варенья принесла.

Миша улыбался.

– Привет, Лариса Борисовна! – воскликнул он воодушевленно, после чего оглянулся на мгновение. – Вы очень вовремя. Я хочу вас кое с кем познакомить!

Пройдя на кухню вместе с женщиной, Миша сказал своим новым знакомым:

– Это мой друг, Лариса Борисовна. Лариса Борисовна, – обратился он уже к старушке, – это мои друзья: Татьяна и Саша. Мы тут обедать собираемся. Будем рады, если вы присоединитесь.

Лариса Борисовна заказала себе манную кашу с кусочками фруктов – и Миша готовил уже не на троих, а на четверых: на гостей и на себя. Пока он занимался готовкой, эти трое уже начали общаться и, как Мише казалось, успели поладить. Готовить Малинина учила бабушка, и на совместных семейных посиделках Малинин хвастался перед семьей – родителями, а также бабушками и дедушками – своими кулинарными навыками. Сейчас, готовя на всех, он вспоминал те моменты – и незаметно улыбался, словно вернувшись в

те далекие годы, когда в кругу большой семьи ощущал себя особенно счастливым.

К моменту, как он уже подал котлеты и манную кашу, из-за стола уже был слышен веселый смех.

– Вы хорошо готовите, Миша, – оценила Татьяна.

– Девочка права, – согласилась Лариса Борисовна.

– Ага! – подтвердил Саша. – А еще ведь торт есть!

– Доешь сначала котлеты, – указала Татьяна сыну.

Когда подошло время десерта, Миша, оставив свою порцию еды на потом, собрал со стола тарелки.

– Сейчас тарелки помою, – сказал он, – а потом торт.

Пока позади него не утихал разговор, Малинин вымыл тарелки, порезал торт, а потом начал подавать его гостям. Налив каждому из них чая, он добавил туда принесенное Ларисой Борисовной варенье.

– Вот и варенье уже пригодилось! – довольно прокомментировала старушка.

Пока все трое обедали, Миша мыл посуду и иногда перекидывался с ними парой фраз. Смотря на них, он думал над тем, что здорово было бы завести когда-нибудь свою семью. И немного загрустил. Даже если он предложит кому-то однажды выйти за него замуж, то это будет не по-настоящему, ведь любит-то он другую. А семья, где нет любви, была не для него. Повернувшись к ним, он сказал:

– Лариса Борисовна, я хотел попросить вас кое о чем важном.

– Давай, Миш, – посмотрела на него та.

Он перевел взгляд на Татьяну и пару секунд молчал, а потом сказал старушке:

– Оказалось, что моим друзья Татьяна и Саше сейчас негде остановиться. Приютите их хотя бы на время?

Прежде чем Татьяна успела хоть что-то сказать, Лариса произнесла:

– Конечно! Оставайтесь у меня, сколько хотите! Я тут рядом живу.

– Мы правда можем пожить у вас? – удивилась Татьяна, не до конца веря услышанному.

– Да! – воскликнула та. – Я вас заодно с Арбузом познакомлю!

– Это ее пес, – довольно улыбался Миша.

– У меня нет слов, – тихо сказала Татьяна, глядя то на Ларису Борисовну, то на Мишу. Она потерла глаза. – Где мне можно умыться?

– Ванная вверх по лестнице и направо, – сказал Миша.

Кивнув, она вышла из-за стола. Когда она скрылась из виду, Малинин обратился к старушке:

– Благодарю вас, Лариса Борисовна.

– И тебе спасибо, Мишенька, что таких замечательных постояльцев мне нашел, – ответила она. – Теперь мне не так скучно будет.

Когда дождь закончился, еда была съедена, а чай был вы-

пит, гости засобирались домой. Стоя на крыльце и прощаясь, Татьяна обняла Мишу и прошептала:

– Спасибо.

Миша кивком ответил ей, а потом с крыльца смотрел, как они втроем идут в сторону главной дороги. В какой-то момент Татьяна обернулась, а вслед за ней и Саша с Ларисой Борисовной. Они помахали стоявшему на крыльце Малинину, и тот помахал им в ответ.

Дом вновь был пустым. О гостях напоминали остатки торта и невымытой посуды. Малинин думал, а завела ли Лера себе семью за это время; готовит ли она сейчас кому-то обед или же готовят ей; счастлива ли она. «Наверняка у нее уже есть своя семья, – думал Малинин. – Ведь она такая замечательная...» Свои порции еды, которые он ранее собирался съесть, Миша решил отложить в холодильник до вечера, когда, возможно, пропавший аппетит вновь проснется. Выпив стакан воды, он пошел на улицу, чтобы продолжить ремонт.

Утром следующего дня он поехал в Западный, чтобы встретиться с Алексеем Николаевичем Черниковым и пригласить его посетить ферму в эту субботу в два часа дня. Педали велосипеда он старался крутить быстрее, потому что на улице было очень холодно. По дороге он размышлял над тем, что, может, в итоге найдется кто-нибудь еще, кто будет всех мирить? Не слишком много ли Миша на себя берет, пытается разрешить длящийся не первое десятилетие конфликт? Малинин хотел всего лишь ферму отремонтировать. Думая

о том, правильно ли он вмешивается в дела, которые его не касаются, он одернул себя: «Эгоист», – и перестал раздумывать над правильностью своего выбора.

В здании администрации Западного, поздоровавшись со Светланой Витальевной, Малинин начал опрашивать попадавшихся ему людей, а знают ли они, где находится кабинет мэра. Узнав, где расположено рабочее место Алексея Николаевича, а также то, что мэра еще нет, Миша сел на сиденье в ряду кресел у двери, на которой была табличка с надписью: «Алексей Николаевич Черников. Глава города», – и стал ждать.

Туда-сюда по коридору по своим делам ходили разные люди. Иногда на соседние кресла кто-то присаживался, потом то тут, то там открывались двери – и посетителей приглашали войти. Когда Миша успел уже основательно заскучать, к нему подошли. Он поднял взгляд – и увидел удивленного Черникова.

– Доброе утро, Миша, – произнес мэр.

– Доброе, – встал Миша с кресла и протянул мэру руку в знак приветствия.

Поздоровавшись с Малининым, Алексей Николаевич спросил:

– Вы ко мне?

– Много времени не займу, – сообщил Малинин.

– Ну, хорошо, – ответил Черников, достал ключи от кабинета и открыл ими дверь.

Кабинет Черникова, по мнению фермера, был втрое больше кабинета его коллеги из Восточного. Помещение было прямоугольным, со столом напротив двери, позади которого располагалось окно. Стол и стул стояли на ковре. Посередине обеих стен справа и слева от стола висели картины, под каждой из которых был комод, а оставшиеся части стен занимали шкафы. Две других стены были заставлены полками с книгами, которых у Черникова было очень много.

– Я вас слушаю, Миша, – сказал Алексей Николаевич, присаживаясь. Миша остался стоять.

– Алексей Николаич, – начал Малинин. – В эту субботу в четырнадцать ноль ноль у меня на ферме будет человек, который хотел бы пообщаться с вами.

Мэр прищурился.

– И почему он не пришел сюда сам? – спросил Черников.

– Я говорил с Павловым, – сообщил Малинин. – Это он будет на ферме. Просто выслушайте, что он хочет сказать.

– У меня нет времени, – сухо произнес мэр, включая компьютер на столе. В этот раз, видимо, он был настроен к коллеге из Восточного более холодно.

– Знаете, что он мне сказал? – спросил Миша.

– Не интересно, – упрямылся тот.

– Он не хотел ссориться с вами, – помотал головой фермер. – Он все рассказал Вике, потому что считал, что вы сами ей никогда не признаетесь в своих чувствах.

Мэр стукнул по столу:

– И правильно считал! – воскликнул он. – Но он не имел права ей ничего рассказывать!

– Он не знал, что из этого всего получится, – продолжал объяснять Малинин. – По его словам я понял, что он жалеет о том, что сделал. Он считает, что хотел, как лучше, а вы его из ведра грязью облили. Павлов думает, что и вы его обидели, но пообщаться с вами согласился.

– И что? – насупился тот. – Он ждет извинений?

– Он и сам будет готов их принести, – заверил Миша, надеясь, что извинения из Павлова тянуть не придется. – И потом, если вы помиритесь, вашим городам ничего не будет мешать помириться. Это ведь шанс! – воскликнул Малинин. – Шанс наладить отношения между всеми вашими людьми, оставив ваши с Павловым совместные обиды в прошлом! И шанс восстановить вашу утраченную дружбу, по которой, насколько я могу судить, скучаете вы оба.

В кабинете был слышен лишь ход секундной стрелки часов на столе у Черникова. Вдруг он спросил:

– А вы сами верите, что ваша затея не провалится?

Малинин задумался над тем, что все последние годы только и делал, что надеялся на невозможное. Фермер ответил:

– Вот стоишь посреди пустыни перед выбором: идти вперед, надеясь, что впереди ждет оазис, или сесть на песок, думая что все старания уйдут в никуда, ведь вокруг на сотни километров только пустыня. Казалось бы, каков шанс, что натолкнешься на оазис, еле-еле таскаясь по жаре? Мизерный

же. Верно? – спросил Миша. – И хотя шансы невелики, ты идешь вперед, надеясь, что за следующей горой песка увидишь пальмы и чистое озеро в их тени. Ты можешь даже не верить, что останешься жив и найдешь воду и тень; можешь считать, что не повезет. Но ты надеешься на лучшее – и эта надежда толкает тебя вперед. Иногда надежда – это единственное, что остается; глупая, наивная надежда. Не знаю, что конкретно выйдет из вашей с Павловым встречи, но я надеюсь, что все будет хорошо. Если бы не надеялся, то я бы сюда не пришел.

Пока фермер говорил, мэр крутил в руках ручку. Он стукнул ею по столу, а потом, вздохнув, сказал:

– Возможно, вы правы. Ладно, Миша. Я приеду на встречу с Сережкой.

Малинин был доволен. Он ехал на велосипеде домой, размышляя, что полдела уже сделано: двое давно враждующих человека согласились поговорить друг с другом. Теперь Миша надеялся, что никто в итоге не отменит встречу. Сам фермер считал, что если кто-то важен, то свои дела можно и продвинуть. Правда, сам Малинин придерживался этого мнения не всегда в своей жизни, за что в последние годы он часто себя ругал.

Когда он выехал на сельскую дорогу у дома, то вдалеке никого не увидел. Это означало, что он сможет спокойно продолжить ремонт дома. Прежде чем приступить к работам

на втором этаже, Миша, закутавшись в плед на диване, стал обедать, слушая местное радио. Диктор сообщал, что в округе включили отопление. Малинин поморщился, подумав о том, что неплохо бы и во второй плед закутаться.

Закончив трапезу, Миша, несмотря на желание остаться в тепле, положил плед на диван, пошел на кухню и бросил тарелки в мойку. Отложив мытье посуды на потом, Малинин собирался пойти на улицу, чтобы достать новых деревяшек для ремонта. Когда он открыл дверь, к крыльцу подходила Татьяна.

– Привет! – воскликнула она.

Малинин приветственно помахал ей рукой.

– Ну, как вы там с Ларисой Борисовной? – спросил он.

– Замечательно! – засияла Татьяна. – Мы с ней договорились, что мы с Сашей будем помогать ей на ферме. Она согласилась временно зарегистрировать нас у себя, чтобы Сашка мог в местную школу ходить.

Фермер развел руками:

– Замечательно же! – улыбнулся он. – Удачно как сложилось все!

– Я тоже так думаю, – сказала та. – Спасибо вам еще раз, Миш. Лариса Борисовна рассказала, что ей скучно одной было жить. Вы же нам троим помогли. Вы хороший человек.

Миша опустил взгляд.

– Думаете, можно быть одновременно хорошим человеком и эгоистом? – спросил он, закрыв дверь и усаживаясь на

скамейку рядом с дверью.

– Наверное, нет, – задумчиво ответила та, поднимаясь на крыльцо. В последние годы Мише часто говорили, что он хороший человек, и это не совсем вязалось у него в голове с обвинениями в безответственности, легкомыслии и эгоизме, которых он наслушался за свою жизнь до этого. Сядь рядом с ним, Татьяна сказала:

– Самоотверженность и забота о других являются признаками хорошего человека, мне кажется. А они противоположны эгоизму.

– А обязательно ли родиться хорошим человеком, чтобы таким считаться? – спросил Миша. – Например, кто-то всю жизнь думал только о себе, а потом решил пытаться жить иначе: с вниманием относиться к чужим заботам, ставить чужие нужды выше своих. Он бы мог назваться хорошим человеком? – посмотрел на нее Малинин. – Или он лишь обманывает себя?

– Когда сын еще не родился, – начала та, – я тусовалась по клубам, не ночевала дома, ругалась с родными. А потом появился Саша. Для него мне захотелось быть лучше: и чтобы о нем заботиться, и чтобы подавать ему хороший пример. Ну, настолько хороший, насколько возможно, – с ноткой грусти в голосе улыбнулась она. – Я верю, что мы все рождаемся хорошими. А потом можем по каким-то причинам приобретать качества плохие, нам не свойственные. Мы словно свою чистую душу пачкаем. Когда я пытаюсь быть лучше для Са-

ши, то мне кажется, что и душа чище становится. Возможно, я никогда не буду уверена, что она стала идеально чистой. Но я стараюсь держать ее в чистоте, иногда с трудом, потому что порой мне проще снова запачкать ее, чем трудиться. Однако если мне кто-нибудь скажет, что завтра конец света и спросит, считаю ли я себя хорошим человеком, то я скажу: «Я не знаю. Но в конце я старалась им быть».

Миша посчитал, что ему открылось удивительное понимание истины. Или хотя бы та правда, та версия истины, в которую он считал возможным поверить.

– Спасибо, Татьяна, – произнес он. – Кажется, это то, что мне нужно было услышать.

Они обнялись на прощание, и воодушевленный ее словами Малинин пошел во двор снимать брезент с дачных вещей, потому что время шло, а ремонт нужно было продолжать.

Фермер занялся ремонтом на втором этаже. Сегодня он в первый раз за все время нахождения в доме открыл дверь в бывшую спальню Селяновых. В комнате было скромно: железный каркас кровати, матрас с которого Селяновы, видимо, забрали; светло-голубые выцветшие обои; темно-коричневый деревянный шкаф с открытыми дверцами, где висели две одинокие вешалки; давно не мытое окно – единственное в доме, которое Малинин еще не мыл, – несколько ввинченных в стены саморезов: каждый – на фоне более синих прямоугольных участков обоев. «Тут, наверное, картины или

фотографии висели», – предположил Малинин.

Притащив инструменты, Миша вывернул из стен саморезы, а потом принялся разбирать железный каркас и шкаф. Помимо ремонта, он собирался обновить в доме мебель, и начать решил со второго этажа.

Вытащив старую мебель на улицу к уже не годным деревяшкам, фермер, как и в прошлый раз, стал накрывать все на кухне пленкой. Закрыв все там от пыли, Миша вернулся в спальню, открыл окно – и начал сдирать обои. Новые обои он еще не заказывал, но думал, что можно купить светло-коричневые. «А вообще, можно у Ларисы Борисовны спросить про обои, – думал Малинин. – У нее дома красиво».

Работал Миша быстро, держа в памяти то, что самоучитель рекомендовал готовить почву осенью, до зимы. Предстояли еще работы в коридоре на втором этаже, под потолком, а также в ванной. Потом надо было наводить красоту на внешней стороне дома, а уже после подходило время работы над сельскохозяйственными угодьями. Миша сомневался, успеет ли он сделать все до зимних морозов, хватит ему времени. Он считал, что было бы проблематично работать снаружи, когда все на ферме засыпано снегом: менять ограду, устанавливать освещение, строить новый амбар и прочее – и Мише, не успей он закончить все запланированные работы до зимы, пришлось бы провести время с декабря по февраль здесь в безделье и, скорее всего, без необходимых на ремонт денег, которые нужно было бы тратить на еду. Он

был уверен, что если больше не будет ни на что отвлекаться, то сделает все за пару недель. Но также он знал, что текущие дела необходимо довести до конца и что он сразу бросит все работы, если должен будет вновь кому-то помочь.

Приближалась суббота. Развлечения как способ занять время Малинин давным-давно забросил. Пять лет назад он и не думал, что сможет изо дня в день работать и заниматься чем-то действительно полезным, делая перерыв только на еду и сон. Теперь, восстанавливая былую красоту фермы, Миша каждую минуту был занят. Вновь мысленно вернувшись в прошлое, он удивился тому, насколько пустым можно сделать свое время. Он размышлял над тем, сколько бы он успел сделать за свои тогда почти три десятка празднично проведенных лет. А сейчас он будто интенсивно наверстывал тот смысл, которым в прошлом не утруждался наполнять свое существование. «А каково это, интересно, – думал он, – обнаружить пустоту и бессмысленность своей жизни не к тридцати годам, а к пятидесяти? К семидесяти? Осознать, что ты столько всего мог сделать – и не сделал? И вдруг садишься на велосипед – и крутишь, крутишь педали, словно надеясь со спринтерской скоростью преодолеть марафонскую дистанцию; расстояние, по которому можно было комфортно ехать в течение всей жизни, стараешься преодолеть вот сейчас, к ближайшей весне. А можно ведь и вообще за всю жизнь этого не осознать. Эх, Лера... Без тебя я бы тоже ничего не понял». Он думал над тем, сделало ли его счастли-

вым осознание тщетности прожитых лет, подарившее умение ценить наполненные пользой моменты. Проживи он всю жизнь без забот, был бы он счастливее, чем сейчас? Миша не знал. Малинин также не знал, обязан ли он вообще быть счастливым, достоин ли он счастья. Он думал о Лере и о том, что она – его счастье, которое он по глупости своей сам от себя прогнал, а теперь мечтал вернуть, на каждом шагу доказывая и себе, и всем вокруг, что он изменился. И ей доказывая, если она когда-нибудь узнает о его новой жизни. По мнению Миши, она – где бы она ни была – узнает, что он стал таким, каким она хотела его видеть: ей кто-то из знакомых расскажет, она в новостях увидит, в газете прочтет. А если никто не напишет об этом и не сообщит в разговоре, то она почувствует. Каким-то необъяснимым образом сердцем ощутит, что Миша теперь такой, каким всегда был по-настоящему; вот он, Миша, на другом краю планеты, любит ее и ждет. И она вернется. Или даст знать, где она. И в сообщении скажет, что тоже его любит и ждет. «Малинин, сосредоточься уже», – скомандовал себе Миша, фокусируясь на мыслях о том, куда он дел очередной выдернутый из половицы гвоздь.

Остаток недели до субботы Малинин старался не грустить и не витать в облаках. Помимо того, что он заказал большой набор посуды, Миша посвящал свое внимание ремонту дома. К вечеру пятницы Миша радостно осматривал результаты своей работы: вся деревянная часть внутри дома бы-

ла заменена. И первый, и второй этаж, несмотря на отсутствие обоев, выглядели, по мнению Малинина, замечательно. Оставалось провести некоторые косметические работы: покрасить там, побелить здесь, пролакировать тут – и внутреннее убранство дома будет не стыдно показывать гостям. Ну, и обои поклеить надо, разумеется.

Пока Малинин любовался результатами своей работы, в дверь постучали. Открыв дверь, Миша обнаружил за ней улыбающегося Тимофея:

– Привет! – поздоровался он и протянул Малинину накладную. – Вам – доставка!

– Привет, Тимофей, – поздоровался Миша, забирая накладную. По ней он должен был получить тарелки, чашки, ложки, блюдца, миски и салатницы.

– Пойдемте! – позвал курьер за собой.

Закрыв за собой дверь, Миша пошел к фургону вслед за курьером. Он думал, надо ли спрашивать у Тимофея про дела в семье, но тот, стоило Мише спуститься по ступеням, сам заговорил об этом:

– Я не знаю, как вас благодарить, – улыбнулся курьер.

– За что? – загадочно прищурился Миша, подходя к фургону.

– Я сказал жене, что люблю ее – и поэтому завязываю с картами раз и навсегда, – пояснил тот. – Семья важнее. И она с детьми вернулась. Поверила в меня, – светился тот от счастья. – Вам если нужно что-то будет куда-то отвезти или

привезти откуда-то, вы звоните. Хорошо?

Тимофей достал из кармана визитку – и протянул Малинину.

– Бесплатно все доставлю, – заверил тот.

– Спасибо, Тимофей, – сказал Миша, разглядывая визитную карточку с номером телефона и простой надписью: «Тимофей. Курьер».

Тимофей также помог Мише дотащить коробки с посудой, которых было несколько, ему на крыльцо. Когда все коробки были выгружены и оставалась последняя, Миша взял последнюю в одну руку, а другую руку протянул Тимофею:

– Спасибо, – сказал Миша.

– И вам, – весело засмеялся Тимофей.

Когда Миша подходил к крыльцу, Тимофей засигналил из своего фургона. Малинин обернулся – и увидел, как курьер машет ему рукой. Миша помахал в ответ, и затем курьер поехал обратно. Миша думал, что Тимофею вовсе не за что было его благодарить, ведь курьер свое счастье смог удержать сам – ему лишь было нужно немного уверенности в своих силах.

Наступила суббота. В шесть ноль ноль включилось радио. Малинин открыл глаза – и довольно потянулся. Пока Миша вливался в процесс бодрствования, диктор на радио сообщил, что сегодня – уже октябрь.

– Ого, – сказал Миша, выключая будильник. – И машина

времени не нужна, чтобы быстро в будущем оказаться.

Подойдя к окну, он посмотрел на просторы фермы: несмотря на затянутое облаками небо, снаружи было сухо. Зелени на деревьях уже не было совсем – ее целиком заменила листва желтых, оранжевых и коричневых оттенков. В ближайшее время листва опадет – и наступит зима.

С утра Миша стал готовить еду из всего, что было на кухне. Планы у него были грандиозные: чтобы стол был уставлен яствами, как на Новый год. И пускай еда у Миши была простая, бабушка научила его украшать блюда так, чтобы они выглядели богато, а если не богато, то хотя бы зажиточно.

Жизнь на кухне кипела так же, как кастрюли на плите. В это же время во всю трудилась духовка, а также Миша, за соседним столом что-то смешивавший, шинковавший, измельчавший на терке, взбивавший, переключавшийся на духовку, помешивавший содержимое кастрюль, менявший их на сковородки на плите, выкладывавший из кастрюль еду в миски, смешивавший в одних и тех же мисках содержимое кастрюль и сковородок, что-то постоянно достававший из холодильников и совершавший множество других действий вместе с этим. Холодные блюда, горячие блюда, сладкое, соленое – все готовилось, казалось, одновременно. На одной из своих многочисленных работ, которыми Малинин занимался за последние годы, он был поваром в закусочной. Когда он сообщил хозяину заведения, что собирается уходить, тот не хотел его отпускать: предлагал зарплату в полтора раза боль-

ше, дополнительный отпуск, приходиться на работу на десять минут позже и уходить на пять минут раньше, но Малинин был непреклонен. Миша знал, что если он когда-нибудь захочет остановиться, прекратить разъезжать по стране, найти обычную стабильную работу с девяти до шести, то он вполне может устроиться поваром. Конечно, его навыков не хватило бы, чтобы работать шеф-поваром в элитном ресторане, но наготовить чего-то съедобного и вкусного на большой банкет за короткое время ему было по силам.

К тринадцати сорока пяти утомленный Миша оглядел кухню: обеденный стол, кухонные столы и плита были заставлены мисками, салатницами, тарелками, сковородками и кастрюлями. Полки в холодильнике тоже были заняты свежеприготовленными блюдами. «Теперь им точно лучше приехать, – думал Малинин, смотря на часы. – Потому что я один все это точно не съем».

Тогда Миша, усевшись за стол, начал ждать. Он сидел посередине стола, в то время как два других стула по обе стороны от него были подготовлены для гостей. Посередине стояли основные блюда, а закуски – ближе к стульям гостей. Те, кто давно уже не общались с Мишей и при этом знали его аппетит, могли бы подумать, что основные блюда он таким образом оставил для себя, гостям оставив пожевать закуски.

Снова посмотрев на часы, он обнаружил, что время сильно не изменилось: тринадцать сорок семь. А кушанья вместе создавали манящую симфонию ароматов, пробуждавших

аппетит. Приятный запах заставил заурчать в желудке.

– Это не для тебя, а для гостей, – сообщил Миша желудку в ответ на урчание. – Сколько там часы показывают? – увидев время, он вздохнул. Тринадцать сорок восемь. Фермер вышел из-за стола, взял из гостиной плед, укутался в него, а затем вышел на улицу, чтобы сесть на скамейку и наблюдать издали, не едут ли гости. День сегодня был важный, потому что у Миши была возможность положительно повлиять на жизни не только двух людей, но сотен и даже, наверное, тысяч жителей соседних городов. Тут ему пришла мысль, что если все пойдет плохо – и гости не просто не помирятся, но обозлятся друг на друга сильнее прежнего, то вся его затея выйдет всем боком. Что тогда будет? Жители возведут стену между городами? Демонтируют дорогу, прямо идущую из одного населенного пункта в другой? Будут по ночам отправлять к соседям вооруженных баллончиками с краской хулиганов, которые будут писать «Западный – столица мира» на стенах домов Восточного и наоборот? Все же Малинин надеялся на удачный исход. А если не получится, то он рассчитывал хотя бы на приобретенную с возрастом адекватность своих гостей, которая, возможно, не даст отношениям между городами стать еще хуже.

– А вот и первый, – произнес Миша, увидев вдалеке иномарку, на которой к нему недавно приезжал Алексей Николаевич Черников, мэр Западного.

Когда автомобиль заехал во двор и остановился, Миша

встал со скамейки и пошел встречать Черникова. Мэр в костюме с галстуком, словно пришедший на официальную встречу, вылез с заднего сиденья автомобиля. Он пошел навстречу Мише.

– Рад, что вы пришли, Алексей Николаич, – поздоровался Миша.

Тот кивнул, пожав руку хозяину дома.

– Сергей Павлович еще не приехал? – спросил тот настоятельно.

– Пока нет, – ответил Малинин. – Вы сегодня первый. Пойдемте в дом.

Открывая дверь перед гостем, Миша сказал, оправдываясь:

– У меня тут ремонт идет. Пыль я прибрал, но тут пока еще не очень эстетично. Но зато на кухне, кажется, красиво, – хохотнул он.

– Как пахнет замечательно! – заметил Алексей Николаевич, закрывая за собой дверь.

– Мне думается, что на вкус тоже неплохо, – улыбнулся Малинин. – Проходите, – показал он ладонью на кухню, приглашая Черникова пройти. Тот критично осматривал незаконченную отделку дома вокруг себя, но взгляд его живо изменился, когда он увидел обилие блюд.

– Вы присаживайтесь слева или справа, – пригласил фермер. – И можете уже к закускам приступать, если есть хотите. А я пока еще снаружи посижу, подожду Сергея Палыча.

– Спасибо, Миша, – ответил тот, разглядывая яства, которыми была уставлена кухня.

Малинин посмотрел на время: тринадцать пятьдесят восемь. Учитывая Мишину собственную привычку опаздывать – хотя он с ней успешно боролся, – Малинин не переживал, что второй гость немного задержится. Выйдя на улицу, он вновь сел ждать на скамейку.

Через несколько минут ему стало зябко, даже несмотря на плед. На наручных часах было пять минут третьего, а автомобиля вдалеке все не было. Так как дома все же было теплее, Миша, начавший несколько волноваться о том, что гость может не приехать вообще, решил вернуться в дом.

Пройдя на кухню, он обнаружил с интересом жующего закуски Черникова, который словно пытался распробовать блюдо.

– Ну, и как вам? – поинтересовался Малинин. – Не пересолил?

Тот с набитым ртом помотал головой, а потом показал жест: большой палец вверх. Миша был рад, что еда удалась. Когда Черников дожевал еду, то спросил:

– Сереги не видно еще?

– Пока нет, – пожал плечами Миша. – Может, дела задержали.

Алексей Николаевич слегка приуныл:

– А если вообще не приедет? – спросил он у фермера, как будто тот знал ответ. – Проигнорировал меня просто. Знал

ведь наверняка, что для меня важно с ним поговорить. Не посчитался с тем, каково будет мне – прямо как в тот раз, – ворчал он.

– Я так не думаю, – старался сгладить ситуацию Миша. – Может, машина сломалась, – развел он руками. – Приедет.

– А вы сейчас надеетесь, что он приедет, или верите в это? – с любопытством спросил Алексей Николаевич.

Прежде чем Миша ответил, с улицы послышался многократный гудок автомобиля.

– Иногда важно просто не отчаиваться, – сказал радостный Миша, покидая кухню. Следующие слова он уже прокричал из коридора. – А веришь ты в успех или надеешься – уже не важно.

Открыв дверь, он обнаружил спешно подъезжавший к его крыльцу автомобиль Павлова Сергея Павловича, и вышел его встречать.

Выйдя из машины, так же одетый в строгий костюм Павлов помахал подходившего к нему Малинину.

– Хорошо, что вы приехали, Сергей Палыч, – протянул руку Миша. – Мы вас ждали.

– Он уже здесь, значит? – негромко поинтересовался Павлов, поздоровавшись – и вдруг перевел взгляд в сторону двери дома. Малинин обернулся: на крыльце стоял хмурый Черников.

Молча, Сергей Павлович направился к крыльцу. Миша пошел сбоку и чуть позади.

– Все гости в сборе! – заявил улыбающийся Миша, поглядывая то на одного, то на другого. – Можно начинать застолье!

Павлов остановился у ступенек крыльца, на котором стоял Черников.

– Ну, здравствуйте, – сухо произнес Черников, – Сергей Павлович.

– Привет, Алексей Николаевич, – ответил тот.

Они неотрывно смотрели друг другу в глаза. Малинин, изначально будучи готовым к тому, что ему в этот день придется часто играть роль дипломата, решил вмешаться:

– Сергей Палыч, на кухне уже все готово. Алексей Николаич оценил еду – и ему понравилось. Я рассчитываю, что и вам моя кухня по вкусу придется.

– Давайте попробуем вашу еду, Миша, – кивнул Павлов.

Малинин зашагал по ступеням, а вслед за ним – Павлов. Черников отошел с их пути, но в дом не заходил. Первым дойдя до двери, Малинин наблюдал за ними: руки друг другу они не подали, когда мэр Восточного прошел мимо. Закусив губу, Миша обратился к Черникову:

– Алексей Николаич, и вы проходите, а то там еще десерт есть – и вдвоем мы с Сергеем Палычем его не осилим.

– Конечно, – кивнул мэр Западного.

Заходя в дом вслед за Павловым, Миша снова оправдывался:

– Сергей Палыч, не обращайте внимания на ремонт. Если

бы я позвал вас всех сюда после его окончания, то встречу пришлось бы зимой проводить.

– А пахнет вкусно, кстати! – обратил внимание Павлов. Фермер решил, что это хороший знак.

– Располагайтесь слева за столом, пожалуйста, – попросил Миша. – Место справа занял Алексей Николаич.

– У вас бронируют места? – пробасил Павлов.

– Просто надо вовремя приезжать, – буркнул из-за их спин Черников.

Фермер поморщился. Решив, что нужно срочно вставить фразу, потому что Павлов наверняка собирался что-нибудь ответить – что-нибудь, по мнению фермера, не очень вежливое – Миша выдал:

– Меня, кстати, интересует: я же фермер теперь, но не знаю, чем тут заняться: сельским хозяйством или животноводством. Что вы оба посоветуете?

Ответить решил Павлов, присаживавшийся туда, куда его попросил сесть Малинин:

– Ваши предшественники, помнится, овощи и ягоды тут выращивали. У Селяновых всегда урожаи большие были до недавних лет, – он внимательно осмотрел блюда на столах вокруг себя. – Тут так много всего.

Зайдя вслед за ними, Черников пошел занимать свое место.

– Да, – почесал затылок Миша. – Если я начинаю готовить, то мне сложно остановиться, – засмеялся он. – Навер-

ное, отчасти поэтому владельцы забегаловок, где я работал, не хотели, чтобы я увольнялся.

Малинин сел посередине стола.

– Вы выбирайте, – произнес Малинин, – что будете: можете еще поесть закуски, или я могу их убрать – и приступим к главным блюдам.

– Я все-таки попробую все, – важно заявил Павлов. Пока он начинал пробовать еду, Малинин обратился к Черникову:

– Алексей Николаич, вам подать главные блюда?

– Пожалуй, – ответил он. Миша вышел из-за стола и взял миски с закусками со стороны Черникова. Оглядевшись, он не нашел, куда их поставить; поставив их обратно на стол, он взял из шкафа фольгу, завернул в нее миски – и начал расставлять на подоконнике.

– Интересный выбор, – оценил Черников, наблюдая, как Миша возится с едой. – Можно ведь в холодильник положить?

Малинин ухмыльнулся, расставляя перед Черниковым тарелки:

– Весь холодильник тоже блюдами забит.

Павлов, с аппетитом жуя, пробубнил сквозь смех:

– Одобряю, Миша!

По мнению Малинина, атмосфера потихоньку приобретала более положительный окрас. Бабуля в детстве говорила ему: «Если хочешь поднять кому-то настроение, накор-

ми его». Фермер не переставал удивляться тому, насколько правдивыми все эти годы оказывались бабушкины мудрые советы.

Когда оба гостя приступили к основным блюдам, Миша, набравшись храбрости, начал тот разговор, ради которого он собрал глав города у себя дома.

– Алексей Николаич, Сергей Палыч, – произнес Малинин, обратившись сначала к одному, а потом – к другому, – я пригласил вас сегодня, чтобы пообщаться с вами и чтобы пообщались вы.

Мэры зажевали медленнее, недоверчиво посматривая друг на друга. А фермер продолжал:

– Мы все здесь знаем, что вы двое, мягко говоря, не ладите, – говорил он осторожно. – Мы знаем, почему. И мы знаем, что из этого вышло: жители двух соседних городов считают своих соседней... – он задумался, подбирая слова. – Считают их людьми, к которым лучше в гости не ездить. Я был в обоих городах – и много чего слышал и от тех, и от других.

Черников положил столовые приборы себе в тарелку. Павлов своей вилкой стал копаться в остатках еды на блюде, следя за тем, что говорит фермер.

– Каждому из вас еще до этой встречи я сообщил, зачем я вас зову, – сказал Малинин. – И судя по тому, что каждый из вас сейчас тут, чему я очень рад, вы оба согласились со мной, что пора наладить отношения. Чтобы города прекра-

тили друг с другом конфликтовать, должны сначала прекратить конфликтовать главы этих городов. То есть вы, – Миша развел руками, указав на мэров. – Сегодня на этой кухне мы с вами можем повлиять на жизни множества людей: и тех, кто живет в ваших городах сейчас, и тех, кто будет жить здесь потом. Мне рассказывали, как по-доброму жители Восточного и Западного относились друг к другу прежде. Предполагаю, что были отношения с соседом, от которого не ждешь плевка в спину, на которого можно положиться, которому можно довериться. Даже не с соседом, а может, даже с другом, – он притих на мгновение, рассматривая их реакцию. На их лицах читалось некое сожаление. Миша предполагал, что сожалели они не только об утраченных добрососедских отношениях между городами, но и о своей утерянной дружбе тоже. – И, – продолжил фермер, – чтобы эти отношения восстановить, я предлагаю вам поговорить. Высказать друг другу все, что вы хотели высказать, но не сказали раньше. Кто начнет?

Как и ожидал Малинин, оба молчали. Неловко переглядываясь между собой, смотря на еду, а иногда на Мишу.

– Ладно, – поставил Миша локти на стол. – Я начну. Знаете, что я думаю? Я вам завидую. Да, – сказал он, когда прочитал удивление на их лицах. – Завидую. Я бы хотел, чтобы вот так, как вы сейчас друг перед другом сидите, передо мной, с той стороны стола, тоже сидел близкий мне человек. Я упустил ее. А вернуть не могу. Она ушла, наверное, без-

возвратно, – сказал Миша будто не только им, но и себе. – И даже пообщаться с ней не могу, потому что она оборвала все контакты, когда ушла. Телефон всегда выключен, учетные записи в соцсетях удалены, а у нее дома теперь живут другие люди. Как будто ее никогда и не было, – Миша закусил губу. Он не собирался обо всем этом сейчас говорить, но, кажется, ему тоже нужно было выговориться. Ком подступил к его горлу. – А вы двое вот, – улыбнулся он грустно, ощущая, как начинают слезиться глаза, – сидите прямо друг напротив друга и даже ничего сказать не хотите человеку, которого лучшим другом считали. Разве вы не понимаете как вам повезло?! Не осознаете, что у вас сейчас есть то, чего у меня нет?! – он слышал, как голос срывается. – Если бы я мог сказать ей то, что я чувствую, я бы часами говорил! Я бы не мог замолчать, рассказывая, как мне жаль! Как мне жаль, что я расстраивал ее своим поведением, и как я хочу, чтобы она вернулась! А теперь могу говорить с ней только во сне, где она просто зовет меня откуда-то, но не отвечает.

Миша смотрел то на одного, то на другого. Кажется, им было стыдно.

– Я выйду подышать, – сказал Миша. – Простите.

Он вышел из-за стола и спешно зашагал по коридору на улицу. Закрыв за собой дверь, Малинин глубоко задышал. По щекам покатались слезы. «И все-таки какой же ты эгоист, Малинин! – думал Миша. – Я должен был мирить двух людей, а не жаловаться им! Опять все о себе да о себе. Не

зря Лера ушла!»

Он присел на скамейку и дышал, стараясь загнать чувства обратно.

Из автомобиля Черникова вышел охранник. Подойдя поближе, он спросил:

– У вас там все в порядке?

– Да, – кивнул Миша, вытирая щеки. – Я просто проветриться захотел.

Этого охраннику оказалось достаточно – и он пошел к себе в автомобиль. Спустя пару минут Миша собрался с духом, поднялся со скамейки, открыл дверь, перешагнув порог дома и уже собирался закрыть дверь, как услышал на кухне разговор. Мэры негромко, но все же общались. Он прислушался: они говорили о школе! Малинин знал, что подслушивать нехорошо, но он все же хотел удостовериться, что они взаправду мирно говорили. Показалось, что кто-то из двоих даже засмеялся. Миша округлил глаза от удивления. Он неспешно пошел на кухню, где эти двое – Павлов и Черников – обсуждали, как однажды их двоих в течение недели выгоняли с уроков литературы за чтение наизусть неприличных стихотворений, и смеялись над этим.

Фермер, стараясь скрыть удивление, зашел в помещение.

– Простите за сцену, – виновато произнес он, усаживаясь за стол, с удивлением посматривая на мэров.

– Миша! – сказал Павлов. – Главные блюда – просто обедение!

– Соглашусь с Сергеем Павловичем, – подтвердил Черников.

Павлов махнул рукой:

– Да ну тебя! – беззлобно бросил он. – Какой я тебе Сергей Павлович? Серега же!

– Как скажешь, – хохотнул он.

Малинин развел руками в недоумении, продолжавшемся с момента возвращения в дом:

– Так вы... Общаетесь?

– Общаемся, – пробасил Павлов. – Да? – спросил он у Черникова.

– Общаемся, – с улыбкой ответил Черников. – Никто не против, если я попрошу охранника съездить нам за горячительными напитками? – спросил он.

Павлов хлопнул в ладоши – и стал их потирать:

– Вот это дело! Я – за!

– Но вы ведь за рулем, Сергей Палыч, – засомневался Малинин.

– У меня же водитель есть, – пожал плечами Черников. – И Сережку домой подвезем.

Миша пожал плечами:

– Ну, тогда ладно.

Возвращаться к дурным привычкам Малинин не собирался, но и мешать настрою этих двоих не хотел. Пока они ели, Миша перестал ощущать напряжение между двумя старыми друзьями. И просто слушал, как они общаются, смотрел, как

легко шутят и начинают смеяться. Нельзя открывать душу каждому – это все знают, но иногда людям нужна именно открытая душа; им нужна искренность; им нужно увидеть тебя настоящего, чтобы они могли открыться сами. И Миша был рад, что произнес то, что произнес, и что эти двое оказались теми, кому можно было открыться.

Вскоре охранник-водитель привез им бутылку водки. Принеся бутылку своим гостям, Малинин начал доставать десерты и убирать уже пустые миски и тарелки со стола. За общением гости уплетали и выпивали все быстро, и пока они веселились, Малинин занимался подачей новых угощений и мытьем посуды. Возможно, стоило присоединиться к веселью, но Миша считал, что в прежние годы он уже достаточно навеселился. Пока Миша занимался уборкой, он думал, а не спросить ли у них уже про то, как они собираются мирить города. Протирая кухонный стол, он оглянулся на них: а они уже сидели рядом, сдвинув стулья. То ли в выпивке было дело, то ли в старой дружбе, которая, казалось, началась вновь, но за то короткое время, что Малинин знал этих людей, он никогда не видел их такими счастливыми. «Потом спрошу», – решил фермер. Они и не заметили, как он, вновь накинув плед, вышел на улицу, откуда веселье на кухне слышалось даже сквозь стену и окна. И тут они запели. Хор голосов, поющих застольную песню, заставил охранника удивленно высунуть голову из окна автомобиля. А Миша засмеялся. Засмеялся то ли словам песни, то ли просто от радости.

Поздно вечером дверь дома фермера открылась, и оттуда в обнимку, слегка пошатываясь, вышли мэры. Павлов говорил что-то Черникову с важным видом, а тот кивал, соглашаясь. Вслед за ними шагал Малинин, уже решивший отложить вопросы о мире между Восточным и Западным на другой день, а навстречу им спешно вышел водитель.

– Ваня! – сказал подвыпившим голосом Черников подошедшему охраннику. – Сначала повезем домой моего друга! Его Сережка зовут!

Малинин подошел к ступеням крыльца, наблюдая за ними.

– Миша! – крикнул Черников. – Пока!

Павлов молча помахал фермеру, усаживаясь в машину к Черникову. Миша помахал им в ответ.

– До встречи! – крикнул Малинин. Уехав, они оставили на ферме автомобиль мэра Восточного. «Ну, хотя бы он на днях точно заедет еще раз. За автомобилем. А к Черникову потом снова придется ехать самому», – сделал вывод Малинин.

Он зашел в дом, где вновь было тихо и можно было слышать свои мысли. На кухне все еще было много невымытой посуды, но, к удовольствию проголодавшегося хозяина дома, кое-что из еды все же оставалось. Миша собрал емкости с остатками приготовленного, расставил у своего стула, сел за стол – и, наконец-то, начал есть.

Фермер спал. Кухня была вычищена. В холодильнике

оставалось то, что Малинин не доел за ужином. В доме было тихо. Солнце только поднималось над горизонтом, просыпаясь ранним воскресным утром. Будильник Малинин не ставил, чтобы в воскресенье поспать, сколько хочется, и отдохнуть. И тут в дверь постучали. Звук был такой будто стучала лапа медведя, который старался стучать аккуратно. Миша открыл глаза. Снова стук. «Вежливый медведь», – подумал Малинин, вставая с дивана.

– Я иду! – лениво крикнул он.

Одевшись и не забыв плед, он вышел в коридор. За занавеской, отделявшей дверь от коридора, стояли вчерашние гости. Миша открыл им дверь. Вместо костюмов на них была форма цвета хаки.

– Утро доброе, – заявил Павлов.

– Привет, Миша, – поздоровался Черников.

Миша был крайне удивлен увидеть их столь рано, да еще и на следующий день после застолья, но он хотел, чтобы они оба приехали – и вот они, а дареному коню, как известно, в зубы не смотрят.

– Здравствуйте, Алексей Николаич, Сергей Палыч – поздоровался Малинин.

– Вы не обижайтесь, Миша, что мы так рано, – извинился Черников. – Но у нас с Серегой сегодня рыбалка намечена, – хлопнул Черников друга по плечу, – так что мы решили начать день пораньше.

– Мы насчет примирения городов, – уточнил Павлов.

– Да, – сказал фермер, потихоньку приходя в себя после ночи сна. – Проходите.

Проводя гостей на кухню, Малинин стал заваривать всем главный напиток фермы – чай. Заваривать стал на автомате, не спрашивая, хотят ли они пить. Для Малинина словно продолжался вчерашний день. Да и работа поваром давала о себе знать: он не спрашивал, хотят ли клиенты есть – раз они приходили в заведение, где он работал, значит, хотели.

– Прохладно тут у вас, – заметил Черников, накидывая куртку на спинку стула. – Вчера не так заметно было.

– Это потому, что мы вчера пили, – засмеялся Павлов.

– Горячей воды нет, – сонно пробубнил Малинин, разливая напиток по чашкам. – Я еще спросить хотел, куда мне звонить, чтобы ее включили.

– Учитывая то, что ваша ферма не числится за городами, – начал объяснять Черников, пока фермер разносил чай, – тут надо бы через губернатора службы соответствующие вызывать. Я позабочусь, чтобы завтра к вам приехали.

– Спасибо, – поблагодарил довольный Малинин. «Наконец-то дома тепло будет», – подумал он. – Так, насчет городов, – продолжил фермер. – У вас уже есть идеи, что конкретно делать?

– Можно общий праздник сделать, – пробасил Павлов. – Как в прошлые года.

– И что будем делать на празднике? – задался вопросом Черников. – Просто выступим перед людьми – и скажем, что

теперь все снова должны дружить?

– Предлагай свои варианты тогда, – недовольно буркнул Павлов. – Не мне же одному придумывать все.

– У меня есть предложение, – сказал Миша, отхлебнув чая. – У меня в Западном есть знакомые, семьи которых живут в Восточном. И они знают про другие семьи, разделенные городами.

– И надо, чтобы они выступили на празднике? – задумчиво произнес Сергей Павлович.

– Именно! – сказал более бодро Калинин.

– А еще? – спросил Черников. – Чтобы помирить тех, кого мы ссорили столько лет, можно еще какие-нибудь события заготовить.

– Да! – восторженно воскликнул Миша, к которому пришла идея. – Иван Евгеньевич Беляев! Основатель ваших городов! У него есть потомки?

– Вот этого я не знаю, – помотал головой Сергей Павлович. – Да наверняка. Надо старые архивы посмотреть.

– Если есть, – продолжил Миша, – то можно их пригласить на праздник, чтобы и они выступили. Чтобы поделились мнением насчет конфликта между населенными пунктами, основанными их предком.

– Неплохая идея, – произнес Черников. – Тогда я поручу своим проверить архивы в Западном, а Серега – в Восточном.

– Согласен, – кивнул Сергей Павлович.

– А есть у вас в городах фильмы? – спросил Малинин. – Документальные фильмы про Беляева?

– Можно поискать, – потер подбородок Павлов. – Помнится, что-то было.

– Определенно такое кино было, – уверенно заявил Черников. – Я как найду – отдам вам для просмотра, Миша. А вы решите, следует ли это показывать на празднике.

– Вот и три части мероприятия, – подытожил Малинин. – Кино, а также выступления потомков Беляева и ваших горожан. Только вот где можно будет собрать одновременно жителей двух городов?

– Предлагаю большой концертный зал к северу от ферм, – сказал Алексей Николаевич. – «Северный» называется.

– Он хоть и большой, но всех не вместит, – скептически ответил Павлов.

– Он же двойной! – бросил другой мэр. – Демонтируем стену, объединим сцены – и вот еще больший зал будет готов!

– Хорошая идея. А ведь раньше стены-то вообще не было, – напомнил мэр Восточного. – Там ее только в последние годы установили, чтобы можно было мероприятия для жителей двух городов одновременно проводить. Один концерт в правой части, другой концерт – в левой.

– До этого там так и собирались жители двух городов в одном помещении, – поддержал ностальгию Черников. – Вместе выступления смотрели, кино, постановки всякие. Хоро-

шо будет, если это все вернется.

– Подытожим, – поставил Миша пустую чашку на стол. – Вам обоим нужно будет найти фильмы про Ивана Беляева, а также отыскать его потомков. Также нам с вами нужно будет найти в ваших городах людей, родственники которых проживают в другом городе. Таких людей нужно будет собрать вместе – и попросить их выступить на празднике. Алексей Николаич, – обратился Малинин к мэру Западного, – Я приеду к вам в администрацию в среду утром, чтобы поиски людей начать – предупредил Миша. – Сергей Палыч, а вы ищите таких людей у себя.

– Договорились, Миша, – согласился Павлов.

– Миш, – произнес Алексей Николаевич, – мы с Сережкой хотели спасибо сказать, что ты нас вчера позвал.

– Да, – коротко подтвердил Сергей Павлович.

– И в качестве благодарности я хотел бы тебе новый амбар построить, – с неудобством сказал Черников.

Амбар. «Значит, Черников знает что-то про его пропажу», – проскочила мысль у Малинина.

– Селянов говорил, что его украли, – произнес Миша.

Павлов расхохотался:

– Слыхал я такую историю. Я даже догадываюсь, кто за этим всем стоит, – лыбился он.

– Очень смешно, Сергей Павлович, – нахмурился мэр Западного. – Расскажу, что было. Когда я пытался все земли фермерские получить, то Семен, оболтус мой, про это

узнал – и помочь решил. Он рассказывал: думает, скупит ферму-другую, чтобы папе во владение отдать.

– Грязная игра, Алешка, – лыбился Павлов, цокая языком.

– Да я знаю, – махнул рукой Черников. – Когда Селяновы отказались ферму продавать, Сема не отступал. Решил он припугнуть их – и амбар утащил. Думал, поговорчивее станут. А Селяновы, судя по рассказам, только сильнее укрепились в том, чтобы ферму не продавать. Потом старый Петр Иванович Селянов однажды на Сему и его охранников с ружьем вышел, чтобы прогнать. Довели человека. Балбес Сема, – покачал Черников головой. – Потом уже он мне все рассказал. Я ему хоть и запрещал к вам ехать, но он все равно поехал, а я – следом за ним. Вот тогда вы и познакомились с Семой. Не держите на него зла, Миш. Если хотите, я лично его заставлю вам амбар построить.

«Так вот оно что, значит», – подумал Миша, удивляясь рассказу. Он хотел сказать, что ничего ему строить не надо, но потом задумался о том, хватит ли у него денег купить себе материалы для постройки амбара. Деньги, которые у него оставались, тратились быстрее, чем он рассчитывал. А потенциальные денежные затраты на амбар все же были непредвиденной тратой.

– Да не надо строить ничего, – улыбнулся он. – Но если привезете мне брусков с досками для постройки, то я был бы благодарен.

– Договорились, Миша! – с облегчением произнес Черни-

ков.

Сергей Павлович посмотрел на часы:

– Если мы все уже обговорили, то нам пора ехать, а то рыба в реке нас ждать не станет.

Миша проводил гостей. Черников уехал. Павлов поехал вслед за ним, забрав свой автомобиль. А Малинин, после их ухода посмотрев на часы, с удовольствием подумал, что можно еще немного поспать.

Как Алексей Николаевич и обещал, в понедельник к Малинину приехали работники ЖКХ, чтобы включить ему горячую воду. Услышав плеск воды в батареях, Малинин понял, что ледниковый период у него дома наконец-то подошел к концу. Впервые за долгое время он, вместо того чтобы обливаться холодной водой, принял теплый душ, надолго выпав из продуктивного графика и попав в объятия воды комфортной температуры. В отличие от воды холодной, теплый душ расслаблял и снова будто приглашал поспать. Так что после него все же снова пришлось обливаться холодной водой, а то работать – а Миша собирался продолжить внутреннюю отделку дома – было бы просто невозможно.

В понедельник и вторник Малинин, опять закрыв кухню пленкой, белил, красил и лакировал. Все окна в доме пришлось открыть, чтобы, во-первых, все побыстрее высохло, а во-вторых, чтобы не поплохело от резких химических запахов, наполнявших дом во время отделки. Также на четверг

он заказал себе новую порцию продуктов, потому что в его личных запасах оставались только остатки подаренных Светланой Витальевной конфет.

Проснувшись в среду рано утром, Миша подумал, успеет ли он поклеить обои хотя бы где-нибудь в доме. После завтрака конфетами он все же поклеил новые обои в спальне и коридоре на втором этаже, после чего поехал в Западный на встречу с мэром города.

В дороге Миша размышлял о том, что, приехав сюда, он собирался отремонтировать только ферму, а теперь принимал участие в ремонте испорченных много лет назад отношений, одни из которых наладить уже получилось. Порой берешься за дело небольшое – а в итоге оказываешься в гуще судьбоносных событий, которые могут изменить судьбы множества людей! А начинал он с того, что просто пытался заботиться о других не меньше, чем о себе.

Когда Миша прибыл в здание администрации, то сразу пошел ко стойке гардеробной, где уже работала Светлана Витальевна.

– Ой! Миша! – сказала она, увидев его. – Ты снова к мэру?
– Доброе утро, – поздоровался он, подходя к стойке. – Светлана Витальевна, – осмотревшись, чтобы вокруг близко никого не было, он заговорил шепотом. – Помните, вы рассказывали мне о вашем желании, чтобы Западный и Восточный вновь дружили?

– Помню, – прищурилась она.

– Вы можете помочь это осуществить, – заявил Миша.

– Как? – та округлила глаза.

– Разрешите мне рассказать мэру Черникову, что у вас есть родственники в Восточном, – попросил Миша, помня, что эту информацию получил по секрету. – Тогда вместе с вашими детьми вы будете среди тех, кто сможет восстановить добрососедские отношения западных с восточными.

Та прищурилась, задумавшись.

– А меня после этого мэр из города не выгонит? – спросила она испуганно.

– Не выгонит, – улыбнулся Миша.

Светлана Витальевна вздохнула.

– Ладно, Миша, – согласилась та. – Я тебе доверяю.

Поблагодарив ее, Миша пошел в сторону кабинета мэра.

Малинин сидел в кабинете Черникова, разглядывая названия на «корочках» книг. Те из них, про которые фермер слышал – книг он почти не читал, потому что чтение он считал занятием скучным, за что в школе регулярно получал двойки по литературе, – были написаны про бесстрашных героев и их подвиги. В тех произведениях на полках, где накал страстей поддерживался в течение большей части повествования, одними из главных тем были сила воли, благородство и дух рыцарства. Фермер задумался о том, какая книга могла бы заинтересовать его самого. «Может, дело не в жанре, а

в подаче? – спрашивал себя он. – Возможно, следует попробовать аудиокниги? Хотя бы спать хотеться не будет».

Пятнадцать минут назад Мишу впустил в кабинет сам Черников, который, сообщив, что скоро вернется, куда-то ушел. Так фермер и сидел на стуле все это время, развернувшись в сторону стены с картиной. У него самого никогда не было своего кабинета ни на одной из работ, где он трудился. «Хотя на кухне я один работал, – вспоминал Миша. – Это считается за кабинет? Да и сейчас я работаю один дома». Подытожив, он сделал вывод, что все рабочие места, где он работал в одиночестве, кабинетом можно было назвать разве что с натяжкой.

Дверь справа от него открылась – и в кабинет зашел Алексей Николаевич. В руках он нес большую коробку.

– Помочь вам с коробкой? – спросил Малинин.

– Нет, не нужно, – сказал Черников.

Подойдя к своему стулу, мэр поставил коробку на стол. Сняв с коробки крышку, он сообщил:

– В понедельник я сделал запросы в нужные департаменты, – он достал из коробки видеокассету, а также толстую папку с тремя торчащими цветными закладками. – Здесь все, что вы просили.

– А в папке что? – задумался Малинин.

– Подойдите, – Черников стал открывать папку на тех местах, где были вкладыши. Миша подошел к столу так, чтобы видеть, что написано на листах. – Здесь мне каранда-

шом выделили имена и места прописки людей, являющихся родственниками нашего Ивана Евгеньевича Беляева. Их тут трое, и у каждого указан адрес. Если мы хотим с ними связаться, то нужно будет всех обойти.

Миша замялся:

– Если я один буду их обходить, то они могут не поверить, что я зову их для того, для чего зову, – хохотнул он. – Когда я приехал, меня вообще дважды за бандита приняли. Нам придется вместе ездить – вам поверят точно.

– Съездим, – кивнул тот. – Когда вы свободны?

– Да хоть сегодня можно поехать, – решил Миша. – У вас тут есть, где фильм посмотреть? – указал он кивком на каскету.

– Найдем, – заявил Черников.

– И, будьте добры, позовите Светлану Витальевну, – попросил Малинин. – Гардеробщицу. Это ее дети живут в Восточном.

– Вот оно что, – ухмыльнулся Черников. – Хорошо. Можете пока переписать адреса людей из папки, а я схожу за Светланой Витальевной.

Оставив Мише лист бумаги из шкафчика и ручку, Черников вновь покинул кабинет.

В папке были выделены имена двух мужчин с фамилией Беляев и одной женщины с фамилией Лисицына. Когда Малинин записал имена и адреса первых и уже заканчивал писать данные последней, в кабинет вошла Светлана Витальев-

на, а вслед за ней вернулся мэр.

– Присаживайтесь, Светлана Витальевна, – указал Черников на стул, где минуту назад сидел Малинин.

Миша тем временем завершил запись, сложил лист бумаги и положил его в карман штанов.

– Светлана Витальевна, – начал мэр, – мы хотим помирить Западный и Восточный – и нам нужна ваша помощь.

Гардеробщица села на стул.

– Миша сказал, – посмотрела она на Малинина. – Как я могу помочь?

– Вместе с Мишей и Павловым Сергеем Павловичем мы придумали план действий, – ответил Черников. – Вы со своей семьей выступите на междугороднем мероприятии. Расскажите о ваших отношениях со своими детьми.

– Еще вы говорили о других людях, – встрял Миша, – у которых родственники в Восточном живут. Нам нужно связаться с ними, чтобы они тоже выступили.

– Да! – с энтузиазмом ответила Светлана Витальевна. – А что потом? Все будет, как раньше?

– Такова наша цель, – заверил Черников. – Мы постараемся вернуть былую дружбу.

Та хлопнула в ладоши.

– Я с удовольствием вам помогу! – воскликнула она. – А что мне сказать тем, с кем я свяжусь?

– Сейчас, – сказал Черников, начав доставать из тумбочки листы бумаги. – Скажите мне, сколько таких семей вы

знаете, – попросил Алексей Николаевич. – И я письменно попрошу каждого из них прийти в пятницу в восемь вечера в концертный зал «Северный». Мы проведем официальную встречу граждан с мэром. Приглашение я выдам на тот случай, если вдруг у них возникнут сомнения. Скажите им, что мэр выбрал их для выступления на междугороднем празднике.

– Хорошо! – ответила она. – Я таких пять семей знаю!

– Значит, будет пять приглашений, – сообщил Алексей Николаевич, выводя буквы на листе бумаги.

– Я приглашения тогда сегодня же вечером после работы разнесу! – сказала Светлана Витальевна. – Все так обрадуются!

– Только, наверное, – сказал Малинин, – надо каждому из тех людей сказать, чтобы ни они, ни их родственники никому про наш план не рассказывали. Если кто-то другой из горожан узнает, что мы хотим сделать, то может ничего не получиться.

– Мы с вами как тайное общество! – шепотом проговорила гардеробщица. – Я про тайные общества много фильмов смотрела!

– Кстати о фильмах, – произнес Малинин. – Вы знаете, есть ли тут где-нибудь видеомагнитофон?

Когда все приглашения были написаны и подтверждены печатью мэрии, Светлана Витальевна повела Мишу и Алек-

сея Николаевича на склад техники мэрии. Она очень дружила с заведующим склада, пожилым программистом Сергеем Георгиевичем. Узнав, что сам мэр просит его о помощи, тот резво достал с забитого электроникой склада старый видеомэгнитофон, сдул с него пыль – и пошел устанавливать его в актoвый зал. Вместе с ним проследовали Малинин и Черников, а Светлана Витальевна пообещала, что об их тайном обществе никто, кроме уже упомянутых людей, не узнает, и ушла обратно работать.

Фильм смотрели втроем: фермер, мэр и программист, занявшие места на первом ряду зала. В киноленте упоминались некоторые факты из биографии Ивана Евгеньевича Беляева; в ней рассказывалась история основания им крепости Западный; диктор зачитывал записи самого Беляева и то, что о нем писали его современники; в киноленте можно было найти интервью историков, а также потомков Беляева. Выяснилось, что однажды Иван Евгеньевич, играя с другими солдатами в снежки, случайно сбил головной убор с головы генерала. За это рассерженный генерал разжаловал Беляева в рядовые – и тот оказался в ссылке в здешних краях. Несмотря на то, что в звании его понизили, он обладал большим авторитетом среди солдат и среди аристократии – и вскоре поднялся выше по ранговой лестнице и основал тут город Западный. В конце фильма оказалось, что это только первая часть киноленты.

– А вторая часть есть? – поинтересовался Малинин.

– Мне только это прислали, – сообщил Черников.

– Может, вы что-нибудь про вторую часть знаете? – спросил Миша у Степана Георгиевича.

– Ходят легенды, – шепотом, словно по секрету, рассказывал программист, осторожно посматривая на реакцию мэра – что вторая часть про Восточный рассказывает. Только не говорите никому!

Миша и Черников переглянулись:

– Надо спросить про вторую часть у нашего общего знакомого, – прищурился Миша.

Мэр кивнул в ответ.

Снаружи здания администрации их ждал автомобиль Черникова. Подойдя к машине, Алексей Николаевич сел на пассажирское кресло, а Калинин расположился на заднем сиденье. Когда иномарка тронулась, Черников достал телефон.

– Сергей Павлович! – обратился мэр к собеседнику на другом конце телефона. – Вас беспокоит Алексей Николаевич. Да, да. Алешка, – хохотнул он, поглядывая на невозмутимого водителя – того самого, что развозил мэров по домам после застолья. – Как там у вас с поисками фильма и людей, про которых мы говорили? Ага. Да. Славно, славно. Вы можете организовать приезд всех этих людей в концертный зал «Северный» в эту пятницу в восемь вечера? Да. Ага. Славно. И кино привозите тогда. Жду. Хорошо. Пока, Серега.

Положив телефон в карман, Черников сообщил:

– Все приедут в пятницу. Сергей Павлович сказал, что нанесет визиты своим гражданам – и пригласит их посетить концертный зал в восемь ноль ноль.

– Отлично, – оценил Миша. – Надеюсь, мы застанем дома людей из списка.

Первым делом они заехали в квартиру к Беляеву Антону Валерьевичу. Подойдя к двери квартиры, Черников нажал на кнопку звонка – и встал перед дверным глазком. Позади него и чуть сбоку стоял Миша. Посмотрев на часы, фермер сказал:

– Десять утра. Думаете, откроет кто-нибудь?

– Наверняка дома родственники живут, – ответил Черников.

– А если он один живет? – поинтересовался Малинин.

– У нас почти нет одиноких волков, Миша, – улыбнулся мэр. – Здесь издавна все старались семью завести. И чем раньше, тем лучше! Таковы традиции малых городов и сел.

Когда он собирался нажать на кнопку звонка еще раз, они услышали, как дверь открывается.

На пороге стояла удивленная женщина среднего возраста с волосами в бигудях и с округленными от удивления глазами.

– Это правда вы? – испуганно спросила она, глядя на мэра.

– Черников Алексей Николаевич, – празднично ответил он. – Мы не вовремя?

– Вы в гости пришли? – удивилась женщина.

– В гости, – улыбнулся мэр. – И по делам. Антон Валерьевич здесь проживает?

– Это муж мой! – сказала хозяйка. – Он не говорил, что мэр придет!

– А это сюрприз, – засмеялся Алексей Николаевич. – Так где он сейчас? На работе?

– Поздно вечером приедет, – заявила женщина.

– Так, может, мы с вами поговорим? – спросил мэр. – Дело очень важное. Касается его знаменитого предка, Ивана Евгеньевича Беляева, а также будущего нашего славного города.

Та отвернулась в сторону квартиры.

– Дети! Убирайте игрушки с пола! – крикнула она. – К нам мэр приехал!

Супругу Антона Валерьевича звали Елена. Жила она в скромной двухкомнатной квартире вместе с мужем и двумя сыновьями семи лет. Усадив гостей на кухне, она захлопотала у плиты.

– Если бы вы мне сказали, что приедете, я бы вам угощений приготовила заранее! – сетовала Елена. – Такой гость пришел, а мне приходится из подручных продуктов впопыхах готовить.

– Не переживайте, Елена, – успокаивал ее мэр. – Давайте перейдем к делу. Мы бы хотели, чтобы ваша семья в восемь вечера в эту пятницу приехала в концертный зал «Северный». И вы, и ваш супруг.

– В левую часть, верно? – спросила женщина, ставя перед ними тарелки с многослойными бутербродами. Миша, с утра евший только конфеты, поблагодарил хозяйку – и приступил к трапезе. – А то я там только в детстве была. Слышала, что сейчас людям из разных городов своя половина зала полагается.

– К моменту, когда вы приедете, – объяснял Черников, – это будет один большой концертный зал. Как в прошлом.

– Как это? – удивилась женщина, повернувшись к ним и отложив готовку.

– Мы с моим другом Мишей, которому, судя по всему, очень понравились ваши бутерброды, – сказал он, глядя на набившего едой рот Малинина, который даже при желании не мог в таком состоянии нормально описать их план, – придумали, как помирить Западный и Восточный.

– Ох! – воскликнула она. – Наконец-то! Я последний раз общалась с подружками из Восточного, когда нам по пять лет было! Потом родители запретили нам общаться. Мол, восточные на тебя, дочурка, плохо влиять будут. А я еще думаю, как это мои подружки, которых я все время повсюду за собой таскала, еще и влиять на меня как-то смогут! Это я на них влияла! И хорошо влияла!

Когда Миша все прожевал, он решил продолжить речь Черникова:

– Мы планируем пригласить туда и других родных Ивана Евгеньевича Беляева, а также не связанных с ним людей, ко-

торые тоже будут нам помогать.

– А мы прямо там будет города мирить? – спросила Елена. – А вы кушайте бутерброды, Алексей Николаевич!

Черников голоден не был, но уступил требованию – и послушно зажевал. А Миша тем временем продолжал разговор.

– Я думаю, там будет просто встреча участников будущего мероприятия, – уточнил Миша. – Может, репетиция небольшая. Да, Алексей Николаич?

Тот угукнул.

– Придем! – твердо заявила Елена. – И я, и Антошка. Алексей Николаевич! А можно с вами сфотографироваться?

– Да, конечно! – улыбнулся мэр, откладывая недоеденный бутерброд на тарелку.

Фотографом выступал Миша, который на кухне сделал совместное фото Елены и детей вместе с мэром. Покинув дом довольной хозяйки, Миша и Алексей Николаевич поехали к другим родственникам Беляева.

Ни второго Беляева, ни Лисицыной дома не было, но, к счастью, дома были их родственники, с восторгом встречавшие мэра и кричавшие своим: «Черников приехал!», «Эй, хорош смотреть телевизор! Тут к нам мэр пришел!» И в каждом жилище его и Мишу приглашали пообедать за общим столом. Миша с удовольствием съел все, что ему предложили в оставшихся квартирах. Вместе с Малининым Черников рассказывал хозяевам об их затее и приглашал прийти в кон-

цертный зал «Северный» в последний будний день недели. И в каждом доме хозяева просили мэра – главную местную знаменитость – с ними сфотографироваться. Мэр не отказывал, а в роли фотографа каждый раз снова выступал Малинин.

К вечеру раскормленные досыта Миша и Алексей Николаевич объехали всех, к кому планировали заглянуть. Вернувшись к зданию администрации, Миша попрощался с градоначальником, сел на свой велосипед – и поехал домой, надеясь, что велосипед под ним, набитым едой, не сломается по дороге.

Рано утром вместо будильника его разбудил звучный низкий автомобильный гудок снаружи. «Может, так рано Тимофей приехал?» – подумал Малинин, слезая с дивана. Увидев на часах пол шестого утра, он, отбросив эту догадку, пошел открывать дверь. За дверью его ждали три грузовика, в кузовах которых лежали деревянные стройматериалы.

Из окна двери ближайшего автомобиля высунул голову мужчина.

– Эй, мужик! – крикнул он сонному Мише, вышедшему на крыльцо. – Мы дерево привезли. Скажи, куда складывать.

Миша спросил:

– А это откуда дерево? – спросил Миша, потирая веки после сна.

– Мэр сказал привезти, – ответил водитель. – Так куда?

«Вот и амбар доставили», – решил Малинин – и посмотрел налево: туда, где лежали доски. От стройматериалов под брезентом оставались примерно три пятых того, что было изначально. В кузовах, на первый взгляд, было больше двух пятых.

– А брезента у вас случайно нет? – спросил с надеждой Малинин.

Водитель нахмурился.

– Про брезент мэр ничего не сказал! – крикнул он. – Так куда?

Миша спустился по лестнице и жестом показал ехать за ним. Справа от остатков новых досок лежала груда досок старых. Миша посмотрел еще правее – там было свободное место. «Далековато от брезента», – с досадой оценил он.

– Ладно, давайте сюда, – кивнул Малинин на область справа от старых досок. – Помощь с выгрузкой нужна?

– Сами, – махнул тот рукой.

Решив, что водители будут разгружать материалы совместно, Малинин не стал настаивать – и пошел в дом доедать конфеты. Он считал, что замечательно это, когда можно есть конфеты, когда захочешь, но вот когда конфеты приходится есть, потому что другого выбора нет – это совсем не замечательно. «По крайней мере, хоть что-то пожевать дома осталось», – сделал вывод Миша, направившись на кухню.

Пока он ел, запивая сладости чаем, на улице кипела работа. Водители, разгружавшие машины, громко общались,

периодически вставляя в речь крепкие выражения: иногда для поддержания боевого духа, а иногда – смеха ради. «Интересно, – думал фермер, – а если окна звукоизолирующие поставить, то будет ли так же громко слышно то, что на улице творится?» А потом Миша, задумавшись над тем, хватит ли у него денег заменить окна, решил, что немного шума в глуши – это не всегда плохо. «Все равно тут редко кто бывает», – решил Малинин. В детстве Миша жил на четвертом этаже высотного здания, где люди шумели этажом выше, этажом ниже, за стеной справа, за стеной слева, с улицы, а также иногда даже из соседних домов, где по ночам любили слушать музыку. Сравнивая с тем опытом, сейчас он считал, что реально находился в глуши, хотя до соседних ферм было рукой подать и люди в окрестностях фермы бывали, если судить объективно, не так уж и редко.

После завтрака Миша заказал себе еще брезента. Не став дожидаться, пока водители разгрузят стройматериалы, Малинин начал спешно обновлять дом снаружи. Небо на улице было чистым, но на дворе ведь осень – и разливающие на землю дождь тучи могли в любой момент объявиться. Если повезет, то Тимофей вместе с продуктами привезет и брезент, а если нет, то желательно до начала дождя освободить как можно больше места под тем брезентом, что у него уже был.

Когда Миша приступил к замене досок, водители притормозили работу, начав с интересом наблюдать за деятельно-

стью фермера. Миша взглянул на небо: все еще чистое. Возможно, конечно, было бы попросить водителей поторопиться, но фермер решил, что пускай уж смотрят за его работой. Материалы для амбара – это все-таки подарок: денег он на них не тратил, и считал, что, значит, и права что-то требовать касательно этого подарка у него нет. «А если вся древесина вымокнет? – задался вопросом фермер, отковыривая доски на ступеньках. – Тогда можно будет больше древесины на щепки пустить. Интересно, хватит тогда денег от продажи негодных досок на новый амбар? Наверное, нет». Тогда Малинин решил, что будь что будет с этими досками – он был готов работать с любым результатом.

Смотрели на его работу не только с интересом, но и с удивлением: Малинин двигался быстро и делал все спешно, почти как на ускоренной перемотке. Рабочие дивились не только тому, с какой скоростью он разбирает дом, и скорости установки новых деревяшек на место старых.

– Эй, парень! – окликнул его один из водителей. Остановив работу, Миша посмотрел на него.

– Никогда не думал в строительство устроиться? – спросил он. – С такой скоростью наверняка можешь и небоскреб за неделю возвести.

Миша хохотнул.

– Ну, небоскреб – вряд ли, – сказал он, утирая пот со лба. – А вот насчет амбара – посмотрим.

Малинин вновь принялся за ремонт, а водители, вытащив

из грузовика все материалы, отогнали первый грузовик, затем поставив на его место второй.

Так они работали несколько часов: Малинин обновлял крыльцо, а рабочие разгружали доски для амбара из кузовов машин, складывая материалы в третью груду деревяшек справа от дома Миши.

В какой-то момент посреди бесконечных походов фермера от брезента за стену дома, где он в тот момент менял доски, один из рабочих радостно заявил ему:

– Мужик! Мы закончили!

Малинин, отвлекшись от занятия, подошел поближе к ним, чтобы посмотреть на высокую пирамиду, которую он должен был превратить в амбар; потом на место под брезентом; а потом услышал где-то вдали раскат грома. Невесело улыбнувшись обстоятельствам, он поблагодарил рабочих за помощь. Ему казалось, что они устали, и он хотел предложить им перекусить, но вспомнил, что дома даже конфет уже не осталось.

Когда они сели по машинам, Миша заторопился, чтобы успеть доделать как можно больше работы до того, как начнется ливень.

В течение следующих нескольких часов, к его приятному удивлению, погода была сухой. От забивания гвоздей его отвлек еще один гудок, донесшийся со стороны крыльца. Оставив инструменты и материалы позади дома, куда он уже добрался со своим ремонтом, Малинин вышел к гостю. Это

был Тимофей, с интересом разглядывавший то пирамиду, то уже частично обновленное крыльцо.

– Миша! – крикнул он. – Твой заказ приехал.

Подойдя ближе к нему и поздоровавшись, Миша взял накладную.

– И брезент приехал! – воскликнул Малинин, прочитав список привезенных покупок.

– У меня был вариант за брезентом позже на склад заехать, но я решил, что, может, он тебе сейчас нужен, – пожал плечами Тимофей. – И, кажется, я не ошибся, – кивнул он в сторону пирамиды.

– Да, – посмотрел Миша на новую «постройку» у себя во дворе. – Благодарю, Тимофей.

Вместе с Тимофеем вытащив коробки с продуктами и брезент для защиты древесины от дождя, Миша обменялся с курьером рукопожатиями – и пошел придумывать способ, как накинуть прибывшее покрывало на высокую пирамиду, неведомым образом сооруженную водителями. «Загадочный этот амбар, – покачал головой Малинин. – Как забрали – неизвестно. Как собрали – неизвестно. Как накрывать – неизвестно».

Позади дома стояла половинчатая высокая стремянка, приставленная к стене: достаточно высокая, чтобы залезть на крышу дома, а пирамида хоть и казалась высокой, но была ниже жилища. Однако интересовала Малинина скорее стабильность конструкции, которая, по мнению фермера, гро-

зилась развалиться, если он полезет на нее на стремянке.

И тогда он решил сложить себе из брусков импровизированную платформу со ступеньками. Соорудив такую подставку, Малинин с покрывалом из брезента в руках поднялся по ступенькам – и, словно одеяло на кровать, накинул брезент на пирамиду.

Расправив покрывало со всех сторон постройки, Малинин заметил, что нижняя часть все же выступала из-под брезента и в случае дождя промокла бы. Можно было, в принципе, купить брезент большей площади, но тогда, по мнению Миши, укладывать его сверху, да и снимать тоже, пришлось бы с помощью вертолетов. А на вертолеты денег у него не было. По крайней мере, пока: планировать далеко на будущее Миша не очень любил, а будущее может разные сюрпризы преподнести: в том числе, и собственный парк вертолетов.

Начав разбирать дома коробки с заказами, Миша вновь услышал раскат грома. Поглядев в окно, он увидел, как небо заволокло тучами. «Вовремя, – подумал он, выдохнув. – И время поесть будет».

К неудовольствию фермера, дождь лил весь день, поэтому ему пришлось сидеть под крышей. Тогда Малинин взялся за поклейку обоев на первом и втором этажах. По мере того, как стены приобретали презентабельный вид, фермер думал о том, что нужно бы еще обновить технику в ванной и в уборной. Также в ванной можно будет поменять плитку и поработать над потолком. И новую мебель для кухни приоб-

рести. По прикидкам Малинина, денег у хватило бы, только вот подобные траты ему придется изымать из тех денежных средств, что он планировал отдать на сельскохозяйственные угодья вне дома. «Какой толк будет от дома, если его хозяева не смогут себя прокормить?» – нахмурившись, подумал Малинин, наклеивая на стену в коридоре второго этажа очередной лист обоев. Он подумал и над тем, что, останься у него дерево, он мог бы попробовать сам сделать мебель на кухню. С другой стороны, созданием мебели он никогда не занимался, а первый блин может выйти комом. Малинин же хотел, чтобы этот блин был идеальным. Тогда, поразмыслив, кулинар решил, что ремонту в тех помещениях придется подождать.

На следующий день, после пробуждения, Малинин обнаружил, что дождь все еще идет. Все обои были поклеены – и единственным полезным занятием он посчитал чтение самоучителя по сельскому хозяйству. Взяв с полки книжку, он отправился на кухню, чтобы совместить приятное с полезным – завтрак с чтением.

Уже окончив трапезу, он продолжал листать страницы самоучителя – и в третьем часу после полудня обнаружил, что книжка закончилась.

– Вот теперь я знаток сельского хозяйства, – подумал Миша, надеясь, что во время работы на полях вспомнит хотя бы что-то из того, что прочитал. «Если что забуду, то в одну руку – мотыгу, а в другую – книжку», – решил он, вый-

дя с кухни в сторону гостиной. Поставив книгу обратно на полку, Миша начал подготовку к поездке в концертный зал. Посмотрев в окно, он обнаружил приятную для себя деталь: дождь закончился вслед за книгой.

До «Северного» он поехал через Западный, по пути поинтересовавшись дорогой у прохожих. Путь к концертному залу из Западного шел прямо на север, а потом резко сворачивал на восток, в сторону Восточного. На полпути к Восточному, прямо у середины дороги между городами, располагался концертный зал. Увидев «Северный» издали, фермер решил, что это стадион – такой большой он был, – но прохожие до этого сообщили ему, что «Северный» – единственная постройка в той области. Граничила с «Северным» обширная стоянка, точнее, две стоянки, разделенные широкой белой полосой. На северной границе каждой из стоянок была пара широких дверей, что вели в концертный зал. Там уже были припаркованы несколько автомобилей, в том числе уже знакомый Мише транспорт Павлова и Черникова.

У въезда на парковку лежала балка шлагбаума, а рядом с ней стоял расстроенный охранник. Малинин остановился рядом с ним.

– Случилось что? – спросил Миша, слезая с велосипеда.

– Да прошлая балка треснула, – начал объяснять мужчина. – Въехал в нее лихач один. Кусок оставшийся я отвинтил, а новую в одиночку не прикрутить.

Малинин посмотрел на часы: семь часов пятьдесят три минуты.

– А давайте помогу! – вызвался Миша. – Что надо делать?

Получив от охранника инструкции, Малинин встал посередине балки – и поднял ее с земли, удерживая баланс – балку надо было ставить строго перпендикулярно шлагбауму, а была она длинной.

Охранник тем временем направил ближайший к нему конец балки в конструкцию шлагбаума, после чего стал соединять их. Спустя минуту он отошел к себе в будку, начал копаться в пульте управления – и крикнул оттуда Мише:

– Можете отпускать!

Миша отпустил балку – и та осталась в нужном положении параллельно земле.

– Отлично! – радостно заявил охранник. – Вы прямо палочка-выручалочка! – протянул он руку Малинину.

Миша пожал ему руку, усмехнувшись:

– Мне однажды сказали, – он посмотрел на шлагбаум, – что я балка-выручалка.

Охранник засмеялся:

– Как бы там ни было, спасибо! – поблагодарил он. – Всегда будем рады вас видеть в «Северном»!

Попрощавшись, Малинин зашагал к дверям, до которых от начала парковки было не меньше сотни метров.

За дверьми ему открывался коридор, который вел в огромный зал со сценой, и на первых местах зала уже рас-

положилось немало людей, а перед ними у сцены стояли два человека.

– Что вы хотели?

Миша посмотрел влево: в будке сидел юноша в белой рубашке и красной безрукавке с бейджиком: «Константин. Продавец билетов».

– Да, – ответил Малинин. – Я Миша. У нас там встреча в концертном зале.

Продавец округлил глаза – и заговорил почти шепотом:

– Так вы из секретного общества?

«Наверняка юноша уже успел познакомиться со Светланой Витальевной», – решил Малинин, с трудом сдерживая смех.

– Даже если бы я состоял в тайном обществе, – сказал Миша, хитро прищурившись, – то мне нельзя было бы об этом говорить. Верно?

Константин посмотрел направо, потом налево – и понятливо кивнул Малинину.

– Проходите, – сказал он все так же тихо.

Поблагодарив Константина, Малинин пошел вглубь зала, который на выходе из коридора своими масштабами походил на ангар для космического корабля из фантастического фильма, заполненный бесконечным числом кресел. Люди впереди, к которым Малинин направлялся, были лишь у края сцены, своей длиной напоминаящей Великую Китайскую стену.

Впереди Малинин разглядел двух друзей: Павлова и Черникова, общавшихся с несколькими десятками человек на первых рядах.

Когда главы городов увидели его, он помахал им и хотел уже сесть, но Павлов помешал:

– Миша! – пробасил он. – Идите к нам! Это же и ваша затея!

Часть людей обернулась в его сторону – и среди них он увидел знакомые лица: Елену Беляеву и Светлану Витальевну.

– Дамы и господа! – объявил Алексей Николаевич, когда Малинин подошел к ним. – Это Миша! Он является одним из тех людей, без которых мы бы сегодня здесь не собрались.

Миша скромно поднял ладонь вверх в знак приветствия. Черников обратился к нему:

– Мы уже сообщили всем присутствующим, что собираемся делать. Теперь вот решаем, в какой последовательности все будет происходить. Сначала, думаем, надо выступить нам с Сергеем Павловичем. Потом попросим сказать слово родственников Ивана Евгеньевича Беляева. Затем покажем фильм. А после со сцены произнесут речь остальные. Что скажете?

Фермер посмотрел на людей, сидевших перед ним: все они ждали, что он скажет. А потом он обратил внимание на пустой зал позади них: если глядеть из области сцены, то эта армия кресел выглядела еще более впечатляющей. Но где-

то по середине вся эта масса была разделена на две части проходом. «Наверное, там стена и была», – подумал Миша. Несмотря на обилие разнообразных занятий, которыми он зарабатывал на жизнь за эти годы, на сцене он ни разу не выступал. И Миша думал, какими же уверенностью в себе и талантом надо обладать, чтобы каждый день выходить на сцену перед сотнями, тысячами, а иногда и десятками тысяч людей – и делать что-то такое, что будет удерживать все их внимание на тебе, будет пробуждать в них желание приходить на твои выступления снова и снова, будет побуждать их с восторгом рассказывать о тебе другим людям, которым тоже потом захочется приходить на твои выступления.

А сейчас ждали его. И, возможно, от его слова зависело, примут ли все люди, занявшие в будущем все места в этом зале, их идею о воссоединении городов. Одна ошибка – и эффект может быть уже не тот. Малинин посмотрел на Черникова, потом на Павлова – и сказал искренне:

– По-моему, хорошо. Мне нравится такой вариант.

В итоге все договорились, примерно о чем каждый участник будет рассказывать на мероприятии; решили встретиться на первую репетицию в следующую субботу в три часа дня в этом же концертном зале; за это время каждый участник должен был написать речь, с которой он собирался выступать перед зрителями. С организацией праздника решили не тянуть – и, если репетиция пройдет удачно, мероприятие договорились провести уже через две недели. Малинину

понравилось наблюдать за тем, с каким энтузиазмом главы городов подошли к организации выступления – Мише даже не пришлось особо участвовать в диалоге с жителями самому. Тогда у фермера возникла уверенность в том, что если отношения между городами удастся восстановить, то потом без него здесь ничего не рухнет.

Уже через полчаса после своего прибытия в концертный зал мэры сообщили, что все свободны и что Черников и Павлов ждут всех в «Северном» в следующую субботу. Когда все отправились по домам, мэры отвели Мишу чуть в сторону – и стали интересоваться его мнением:

– По-моему, встреча удачно прошла, – начал Павлов. – Что скажете, Миш?

– Да, наверное, – пожал плечами тот.

– Может, – продолжил уже Черников, – нужно еще пару номеров приготовить для зрителей? Ну, для эффекта?

– Не уверен, – засомневался Малинин. – Если мероприятие слишком долгим будет, то люди и заскучать могут. Проголодаться. Устать. Сколько у нас семей выступающих набралось?

– Двадцать с лишним, кажется, – сообщил Павлов.

– И в большинстве семей наверняка выступят по несколько человек, – продолжил Малинин. – А что еще можно было бы сделать? Еще фильмов показать? Я предлагаю позволить людям мирить людей, а одного фильма будет достаточно.

– Ладно, – согласился Алексей Николаевич. – Будем де-

лать, как запланировано. – Сергей, согласен?

– Пускай будет так, как решили, – подтвердил Сергей Павлович.

Поблагодарив Черникова за стройматериалы для амбара, Миша распрощался с главами городов и на своем велосипеде поехал обратно домой. Когда он вышел из здания концертного зала, на часах было почти девять часов вечера. Это означало, что домой, скорее всего, он придет за полночь.

Чем ближе он подъезжал к дому, тем меньше автомобилей ему встречалось: жители глубинки предпочитали ложиться спать пораньше.

Вымотанный поездками туда и обратно Миша завернул на сельскую дорогу, что вела к его дому. У его дома стояла машина марки «Нива». Было уже темно, но еще он различил силуэт на фоне дома. Этот кто-то сидел на скамейке у двери. Подъезжая ближе, Малинин вглядывался в темноту. Фигура поднялась со скамейки и неспешно зашагала к ступенькам крыльца, где и остановилась.

Оказавшись во дворе, Малинин различил лицо давно знакомого ему человека. Спешившись, Миша улыбнулся и помотал головой, не веря, что это он.

– Привет, дед, – поздоровался Малинин, подходя к крыльцу.

Деду Миши по отцовской линии было уже за восемьдесят – и лишь совсем недавно он вышел на пенсию. Его зва-

ли Малинин Илья Владимирович: бывший спасатель, сохранивший прямую осанку и хорошую физическую форму даже в его почтенном возрасте. У него были яркие, насыщенного цвета голубые глаза, которые, казалось, ничуть не тускнели с годами, а также коротко стриженные седые волосы. Одет он был в легкую куртку, штаны цвета хаки и высокие ботинки.

Илья спустился по ступенькам – и протянул внуку руку. Рукопожатие его было таким же крепким, как и раньше. Ростом он был ниже Миши, но в армрестлинге победить его удавалось далеко не всегда. Да и то Малинин думал, что в тех случаях дед просто поддавался.

– Здравствуй, Мишка, – произнес Илья. – Я уж думал, ты съехать отсюда успел.

– Давно ждешь?

– Пару часов, – посмотрев на часы, сказал дед. – Так ты уже пригласишь деда в дом или мне тут еще два часа посидеть? – пошутил он.

– Да, конечно, – слегка растерялся Малинин. – Пойдем.

Сидя на кухне и запивая гречневую кашу главным напитком кухни, Илья Владимирович рассказывал Малинину о своем недавнем путешествии. В разговорах ему было проще перечислить страны, где он не бывал, чем те, которые успел посетить. Разъезжал он по миру и в командировках, и в отпусках. Спасатель ликвидировал наводнения на севере, тушил пожары на юге, спасал людей на западе и на востоке. Он

был кладезь информации для любознательных людей – и с удовольствием делился своими подвигами с теми, кому было интересно.

– Местные так удивились, – продолжал рассказ он, – что всей деревней приезжали спрашивать, как у меня это получилось.

– И ты им рассказал?

– Если бы не рассказал, то они бы никогда не отвязались, – захохотал дед.

Миша улыбнулся.

– Мишка, как же ты умудрился такую ветхую хижину купить? – покачал головой Илья. – Да и поля тут не шибко плодородными выглядят.

Внук вздохнул.

– Я по фотографии выбирал, – признался фермер. – Только потом узнал, что все вот так выглядит.

Дед цокнул языком – и спросил:

– Деньги с хозяев вернуть не пробовал?

– Нет, – помотал головой Миша. – Решил, что из этого места получится что-то хорошее сотворить.

– Внутри дома ты какую-то работу провел уже, я смотрю.

– Да, – сообщил Миша. – Осталось еще кое-что сделать.

Тут, в ванной и в уборной.

– Зачем одному это все делать? – спросил дед. – Есть я и папка твой. Да и мужу твоей сестры неплохо бы свою лепту внести. Я если бы знал, то сам бы его сюда пригнал.

– Я купил этот дом не в лучшем состоянии, – с досадой сказал Малинин. – Заставлять вас работать здесь было бы неправильно. Этот дом – моя ответственность. Если ошибешься – исправляй. Ты же сам так всегда говорил.

– Помню, – кивнул дед. – Но с помощниками все же было бы проще. Да и быстрее. Давно возишься тут?

Миша налил себе еще чая, стараясь не заснуть.

– Месяц примерно, – ответил фермер.

– Долго, – оценил Илья. – За месяц можно было бы и дом обновить, и за поля уже взяться.

Внук был согласен с дедом. Если бы он не занимался множеством других дел, то наверняка успел бы сделать все, что перечислил Илья. Но оправдываться он не оправдывался, хотя и мог бы. Да и что важнее: починить дом, что можно успеть сделать когда угодно, или помочь человеку, которому помощь нужна здесь и сейчас? Ответ казался очевидным.

– А тот склад досок на улице? Что ты с ним делать будешь? – поинтересовался Илья Владимирович. – Там многовато, чтобы просто ремонт тут сделать.

– Часть на ремонт дома, – начал перечислять фермер. – Часть хочу сдать на переработку. А из еще одной части амбар построю.

– Амбар тоже строить сам собрался, насколько я понимаю, – прищурился дед.

Миша засмеялся.

– Ну, конечно, – ответил фермер. – Я начал тут работы,

я и закончу.

– Ты с такой скоростью тут до своей пенсии работать будешь, – указал Илья. – Давай я амбар построю?

Миша округлил глаза от удивления.

– Что? – ухмыльнулся дед. – Думаешь, я какой-то амбар в восемьдесят лет не осилю соорудить? Да я два построю за то же время, что ты с этой хибарой провозишься!

Внук задумался. А дед с бравады перешел в другое русло:

– Когда бабушки твоей не стало, – начал он, – у меня остались только отец твой да вы с сестрой. У Сашки – своя жизнь. У Даши – своя, да еще и с кучей родственников на одной жилплощади. Даже с работы на пенсию выперли, хотя я любого юнца за пояс заткну в своем деле. Нет, говорят, в таком возрасте вам в огороде копать надо, а не на вертолетах летать. Тьфу!

Миша внимательно слушал деда, который становился вот таким очень редко. Но внук знал, что именно в такие моменты его надо слушать особенно внимательно, потому что стоило пренебречь таким вот его настроением – и он замыкался в себе.

– И тут у меня есть возможность помочь своим внукам, причем обоим сразу. Пользу принести, – сказал Илья. – Понимаешь? Когда ты старый, то все тебя списывают со счетов: коллеги, государство и даже твои родственники. А от меня еще толк может быть, Мишка. Позволь помочь. Или если не амбар построить, то в поле поработать. Я же рассказывал,

что мой прадед из крестьян был – всю жизнь в поле провёл. Заняться мне нечем совсем, Мишка. Друзья предлагают вместе в домино у дома играть, – он поморщился. – А я не хочу жить оставшиеся годы так, будто мне больше ничего не позволено. Твой прадед согласился так жить под конец; смирился с тем, что все его списали: активным быть перестал – и все: буквально за год без дела будто лет на десять постарел. Я так не хочу, – заявил он. – Мне сколько лет осталось? – спросил Илья. – Вряд ли много. И я эти годы хочу по-человечески провести, потому что у меня есть на это силы. А если силы не тратишь совсем, то уйдут они за ненадобностью – и с кровати уже с трудом будешь подниматься.

Что было важнее: починить дом или помочь человеку? Ответ был очевиден. А его деду помощь была нужна здесь и сейчас.

– Я буду рад помощи, дед, – согласился Малинин. – Только у меня тут спать негде, – сообщил он.

– В машине спать буду, – кивнул дед. – Я неприхотливый.

Утром следующего дня Миша проснулся от команды Ильи Владимировича:

– Всем медведям – выйти из спячки! Работать пора!

Фермер посмотрел на часы.

– Ты вообще спал? – сонно протянул Миша, продирающий глаза.

– В мои годы спать уже не хочется! – заявил Илья Влади-

мирович. – Будешь в моем возрасте – поймешь. А сейчас – подъем!

Закутанный в плед Миша открыл дверь дома, рядом с которой уже стояли коробки. Илья тем временем вытаскивал из своего автомобиля еще коробки.

– Что тут лежит? – спросил внук.

– То, о чем ты вчера говорил, – сказал дед, таща две огромные коробки, словно подносы. – Сантехника и детали шкафов. Потом еще всякого привезу. Сегодня будет много работы! Инструменты есть? – спросил он, ставя коробки у дверей. – Если есть, начинай кухню свою разбирать.

– Откуда у тебя на это деньги?

– Если работать с пяти лет и все это время копить, то в итоге сумма большая может получиться, – рассмеялся дед. – А ты думаешь, на какие средства я по миру катаюсь, а?

Миша помнил, что все его детство дед привозил внукам множество подарков по поводу и без повода. Однако когда Миша начал зарабатывать сам, Илья сказал ему: «Вот ты, Мишка, и вырос. Теперь сам себе можешь подарки покупать». Сестре Миши по имени Даша дед вновь стал дарить всякую всячину только после того, как она родила сына – и всячина та полагалась скорее не ей, а его правнуку. Своей супруге, Мишиной бабушке, Илья Владимирович строго запретил работать, потому что считал, что семью должен обеспечивать мужчина, так что подарки он ей дарил регулярно.

Сейчас Миша не был уверен, кому конкретно его дед покупал все эти предметы, привезенные им в коробках: Даше или правнуку. Но, как говорится, дареному коню в зубы не смотрят.

Переняв энтузиазм деда, младший Малинин, пожевав хлеба, принялся разбирать шкафы на кухне. «Возможно, все-таки получится успеть сделать все на ферме до первого снега», – улыбнулся он.

Все время до следующей субботы, исключая воскресенье, Малинины работали. Днем на ферме было шумно: как внутри, так и снаружи, а вечером они устраивали кухонные посиделки с обсуждением приключений деда в разных странах.

В пятницу вечером брезент, под которым лежали материалы для ремонта, покрывал лишь землю. Двое Малининых стояли перед домом, разглядывая его.

– Красота, – ухмыльнулся Илья Владимирович.

А ведь и правда была красота! Перед ними красовался новехонький дом темно-желтого цвета, как на фотографии Селяновых: никакого намека на ветхость! Крыльцо, стены и даже крыша – все было новое!

– Не только жить не стыдно в таком доме, – сказал дед, – но и другим его показать можно.

А Миша не мог найти слов. Настолько он был рад. Помимо всего прочего, абсолютно новым все было на кухне, а также в ванной и в уборной. Илья Владимирович даже купил

мебель в спальню.

– Дед, спасибо тебе, – сказал Миша. Он был рад, что дед приехал: и не только потому, что приехал близкий человек, но и потому, что все вокруг теперь делалось быстрее, проще и веселее.

– Рано благодаришь, Мишка, – ответил Илья. – Работы еще – выше крыши. С крышей у тебя хорошо получилось, кстати.

На последующей кухонной посиделке, где новым были даже стол со стульями, дед спросил у внука:

– Так завтра у вас репетиция будет, значит? Мирить целые города... – он усмехнулся. – Если ты так и дальше продолжишь, то в старости и у тебя будет много историй всяких.

И тут младший Малинин задумался над тем, будет ли он всю жизнь делать то, чем занимался сейчас: ездить по разным уголкам, встречать новых людей, стараться помочь каждому на своем пути. Вот доживет он до тех лет, когда уже спать не будет хотеться – и чем он будет заниматься? В глубине души он надеялся, что к тому времени Лера уже давно вернется – и ему будет, с кем делиться всеми своими историями. А если не вернется? Не устанет ли он от бесконечного скитания? Не захочет ли отдыха где-нибудь вдали от цивилизации: например, на острове? За прошедшие пять лет Миша только и делал, что что-то делал. Он отдыхал, когда спал – и все. Младший Малинин иногда задавался вопросом, а не является ли отдых – когда ничего не делаешь и при этом не

спишь – проявлением эгоизма, того самого душевного качества, с которым фермер боролся и из-за которого ушла его любимая. Он размышлял над тем, насколько это эгоистично будет лет в шестьдесят уехать жить к морю, чтобы целыми днями лежать под пальмами и смотреть на волны под южным солнцем, попивая свежавыжатый сок. Судя по всему, у его деда было достаточно денег, чтобы осуществить нечто подобное, но ему было уже восемьдесят и он был здесь – спал в машине и целый день занимался ремонтом, помогая внуку. И ведь еще два амбара сделает, если его не остановить!

– Главное, чтобы на жизнь при этом хватало, – продолжал Илья. – Тебе с твоим выигрышем в лотерею повезло. Но постоянно так везти не может.

– Я себе работу найду, – ответил внук. – Всегда находил.

– Обычным поваром? – усмехнулся дед. – Всю жизнь у плиты проведешь?

– А что такого? – пожал плечами Миша. – Говорят же, что все профессии нужны, все профессии важны. Да и ты ведь не хочешь сказать, что тебе не нравится то, что я готовлю? – засмеялся он.

– Нормально готовишь, – оценил дед. – Но я всегда хотел, чтобы ты был кем-то состоятельным. С папкой твоим, который ученый, не получилось. Пойду, говорит, растения изучать, потому что интересно! – покачал он головой. – Я у него спрашивал, на что он жить будет. Растения в банкноты превращаться, что ли, станут? А он мне такой: «Перспективное

направление!»

– Но согласишься, – парировал внук, – что папа в итоге стал неплохо зарабатывать.

– Ему повезло, – буркнул Илья. – У тебя помимо этого дома есть, где жить?

– Только если к родителям вернуться, – сказал младший Малинин.

– Ты уже взрослый! – сказал Илья. – Ты хоть и ездешь повсюду, но надо, чтобы было, куда возвращаться. Я всегда мог к бабушке твоей вернуться после любой командировки. У меня был надежный тыл! А у тебя – что?

– Мне нет смысла обзаводиться домом, – сказал Малинин. – В доме должен жить кто-то, а я тебе рассказывал, что в моем случае это невоз- – он остановился на полуслове. – Практически невозможно.

– Глупый ты, Мишка, – посетовал дед. – Все гонишься за тенью. Тяжело тебе будет, когда один останешься.

– Я знаю, – сказал фермер. Это был уже не первый разговор с дедом на эту тему.

– Хоть листовки бы по стране расклеил с ее портретом. Написал бы там: «Я считаю, что живу для нее, но она об этом не знает. Вы ее не видели?»

Миша улыбнулся. Звучало бы и правда забавно, если бы не было так грустно.

– Наверное, так и сделаю когда-нибудь, – ответил внук задумчиво.

– Когда ты решишься, то, наверное, уже старше меня будешь. Обалдуй ты, Мишка, – вздохнул дед. – Делай, как знаешь.

Утром следующего дня Миша пригласил деда вместе с ним съездить на репетицию. Когда тот отказался, сообщив, что там все будет слишком слащаво для него, Миша попросил у Ильи взять его автомобиль. Получив указание «Чтобы с полным баком вернул!», Малинин сел за руль – и поехал в концертный зал. Внутри дедовского отечественного автомобиля было чисто и при этом не было ничего лишнего. Последний раз Миша ездил за рулем полтора года назад, но навыки езды быстро вспомнились, стоило ему только взять «баранку» руля в руки и нажать на педаль.

Не рассчитав время, Малинин приехал на место чуть позже запланированного, и когда он зашел в «Северный», со сцены уже слышалась репетиция. В будке, где в прошлый раз сидел Константин, сидел другой молодой человек с надписью на бейджике: «Вадим. Продавец билетов». Он разгадывал кроссворд. Малинин обратился к нему:

– Привет! Я – на репетицию.

– Тайное общество? – бросил тот буднично. – Проходите.

Миша не стал отрицать свою принадлежность к секретной организации. Поблагодарив Вадима, Малинин пошел к сцене.

– Меня зовут Лисицына Виктория Николаевна, – говорила

женщина на сцене в микрофон. Зрителей, по мнению Миши, собралось даже больше, чем в прошлый раз. – Мой предок был основателем двух крепостей: Западного и Восточного.

В этот раз Малинин решил сесть в первом ряду. Устроившись на мягком кресле, он продолжил слушать.

– Мой предок, – продолжала Лисицына, – основатель крепостей Иван Евгеньевич Беляев, даже не подозревал, что здесь когда-то будет жить кто-то, кроме военных. И он был бы счастлив узнать, что однажды наступит мирное время и тут поселятся обычные люди, вроде нас с вами. Построенные для избавления будущих поколений от войны крепости служили миру. И сейчас, когда живущие в них люди враждуют, это отнимает самую суть двух ваших городов. Их суть – это мир!

Мише нравилась то, что она говорила. По его мнению, это должно было произвести впечатление.

– Я хочу проявить дань уважения Ивану Евгеньевичу – и поэтому я сегодня здесь, – сказала Виктория. – Я хочу напомнить вам, за что боролся Иван Евгеньевич. Он всю свою жизнь провел в армии, чтобы вокруг был мир. И сейчас – я уверена – Иван Евгеньевич хотел бы, чтобы и вы полюбили мир так же, как его любил он. Спасибо!

К длинной сцене вели множество лесенок по всей ее длине. По одной из лесенок к Виктории поднялся Алексей Николаевич Черников – и начал общаться с ней, видимо, чтобы что-то подсказать. По мнению Миши, ее речь удалась на

славу.

Затем к микрофону подошел сам Черников.

– После выступления Виктории Николаевны мы включим фильм, – сказал мэр, – в котором каждая из его двух частей идет по полчаса. А потом на сцене будут в порядке очереди выступать остальные. Пожалуйста, кто там следующий?

Следующим на сцену вышли сразу пять человек: трое женщин и двое мужчин.

– Мы – семья Блохиных, – начал мужчина, по виду самый старший из них. – Мои друзья из Восточного перестали разговаривать со мной, когда узнали, что я общаюсь с родственниками из Западного. Мне сказали, что я шпион и в их автомастерскую чтобы больше не приходил. Теперь, когда я завожу новых друзей в городе, я боюсь говорить им, где живет моя родня и что я продолжаю общаться с ней. Я люблю свой Восточный – я тут всю жизнь живу! Но и родных своих я люблю! Мне надоело, что мне нельзя открыто об этом говорить! Давайте уже перестанем вести себя так, будто у наших городов нет общей истории! Спасибо!

И так члены семьи Блохиных по очереди подходили к микрофону, повествуя о том, как разлад между Восточным и Западным повлиял на их жизнь. Вслед за одной семьей на сцену поднималась другая – и делились уже деталями своей жизни, связанными с отсутствием нормальных отношений между соседними населенными пунктами. Всех людей у микрофона объединяло одно: они хотели, чтобы разлад пре-

кратился и чтобы люди снова жили, как одно большое дружное общество, каким оно было еще двадцать лет назад. Когда все выступающие побывали на сцене, их место заняли Сергей Павлович и Алексей Николаевич.

– Дамы и господа! – начал Черников. – Вы подготовили великолепные слова! Я считаю, что у нас с вами определенно все получится!

К микрофону подошел Павлов.

– Я думаю, раз всех все устраивает, – произнес Сергей Павлович, – можно в следующую субботу уже выступать. Есть те, кто в субботу не сможет прийти? Поднимите руки, если на следующую субботу есть планы.

Миша посмотрел направо: ни одной руки поднято не было.

– Очень хорошо! – оценил Павлов. – Тогда в ближайшую субботу ждем вас всех в полдень. Зрители начнут подтягиваться в два часа, так что успеем еще одну репетицию провести. Всего хорошего!

Когда зрители разошлись, Павлов заметил Мишу среди присутствовавших – и показал на него Черникову. Жестом они позвали его к себе. По ступенькам зайдя на сцену к мэрам, Калинин поздоровался с ними.

– Ну, как вам? – спросил Черников.

Фермеру было несколько странно, что мэры продолжают просить его об оценках мероприятия. Ему казалось, что они самостоятельно справляются без недочетов.

– Думаю, вы с людьми провели отличную работу, – ответил Миша.

– Может, критика есть какая? – продолжал Черников. – Впереди лишь еще одна репетиция, а потом сразу – само событие.

– Люди же от души говорили, – в некотором замешательстве произнес Малинин. – Критиковать можно было бы актерскую игру, например. А тут они говорят то, что чувствуют. Какой смысл такое критиковать?

Черников с Павловым выглядели задумчивыми. Потом Сергей Павлович хлопнул мэра Западного по плечу.

– Слышал, что молодой человек сказал? – спросил Павлов. – Все нормально будет! Ты же сам все людям сказал минуту назад.

– Я хотел их приободрить, – объяснил Алексей Николаевич. – Чтобы они сами были уверены в успехе.

– Так и нам следует быть уверенными, Алексей Николаич, – вмешался Малинин. – Уверенность, как и неуверенность, имеет свойство передаваться окружающим.

Заехав на заправочную станцию в Западном, Миша поехал домой. Оказавшись на территории фермы, издали он увидел торчащие из земли справа от дома балки: его дед самостоятельно воздвигал амбар на месте двух куч досок.

Припарковавшись у дома, Миша вылез из машины. Илья тем временем забивал гвозди, прибывая к будущим верти-

кальным балкам металлические крепления, чтобы соединить их с лежавшими на земле балками – дед делал каркас постройки.

– Уже вернулся? – крикнул дед. – Давай помогай тогда!

– А где старые деревяшки? – спросил младший Малинин. – Увезли уже?

– Я позвонил на производство в Восточном – ребята быстро приехали забрать все, – ответил Илья. – Тебе тут какой-то Данила привет передал.

– Данила? – обрадовался Миша. – Он что-нибудь еще сказал?

– Спасибо сказал, – ответил дед, пожав плечами. – Говорит, удачно устроился на новом месте. Это один из тех, чьи проблемы ты тут решал?

– Ну, помог я ему кое с чем, – хохотнул Миша, с облегчением подумав, что Павлов выполнил обещание. – Много денег за доски удалось выручить? – спросил фермер, жалея о том, что дед наверняка продал все, да еще втридорога.

– Выручить? – удивился Илья. – Я помню твои слова, Мишка, про то, куда ты хочешь деревяшки отдать. Все бесплатно позволил увезти с условием, что доски на парты в школы пойдут. Что ты так смотришь? – прищурился старший Малинин.

Миша смотрел на него со смесью благодарности и восхищения.

– Спасибо, дед, – только и произнес он.

– Ты не стой там, – скомандовал Илья Владимирович, – а присоединяйся быстрее!

Миша пошел в дом, чтобы переодеться и быстро перекусить. До мероприятия оставалась еще целая неделя, за которую они вместе с дедом могут много чего успеть.

Глава 5

Праздник

Миша стоял у окна и просто смотрел на пейзаж снаружи. За окном на землю сонно спускались, будто семена одуванчиков, «белые мухи», они же снежинки, первый раз за сезон. Поля уже покрыл тонкий снега, который все же наверняка в ближайшие дни растает. И несмотря на то, что амбар был уже достроен, настроение у младшего Малинина все равно было поникшее: не успел он сделать всего того, что собирался сделать до первого снега, а если бы не помощь деда, то и дом бы, наверное, до сих пор стоял не отремонтированный. «Слишком много я на себя взял, – ругал себя Миша. – Не рассчитал».

– Эй! У окна!

Малинин обернулся – и увидел деда в дверном проеме.

– Опоздаешь на свой карнавал.

– Это просто праздничное мероприятие, а не карнавал, – на лице внука появилась улыбка.

– Да без разницы! – бросил дед. – Я двигатель у «Нивы» прогрел уже.

За окном послышался гудок автомобиля. Миша посмотрел в окно: иномарка Александра Заболотного, а за ней –

прицеп с проволочными стенками и потолком. Миша поспешил на улицу вместе с дедом. Когда они открыли дверь, то увидели Заболотного, удивленно оглядывавшего дом и амбар.

– Знаешь его? – спросил Илья у Миши. Тот кивнул.

– Александр! – крикнул Миша. – Давно не виделись!

Тот, одетый в плотную зимнюю куртку с меховым воротом, качал головой, улыбаясь своей голливудской улыбкой:

– Дружище! Вот это ремонт ты тут сделал! Впечатляет!

Обменявшись с Заболотным рукопожатиями, Миша сказал:

– Не только я делал, но спасибо. Я сейчас еду на мероприятие важное, – замылся он. – Рад бы пообщаться, но времени нет.

Тот махнул рукой:

– Да я не для поболтать приехал, – признался бизнесмен. – Мне тут долг цыплятами отдали, – показал он на прицеп. – Пошли покажу.

Миша направился за гостем, а вслед за ними пошел и Илья Владимирович.

В прицепе действительно оказались курицы – десять штук, сидевшие на подкладке из сена и гревшиеся друг о друга в холодную погоду.

– Я же помнил, что у тебя на ферме... Пустовато, – начал Заболотный. – И решил, что, может, тебе новые постояльцы нужны? – показал он на своих пернатых попутчиц.

– Сколько за них просите? – спросил Миша, начав отнимать примерную стоимость от тех денег, что оставались у них сейчас.

– Да нисколько! – вдруг выдал Заболотный. – У меня завтра – самолет в Америку; клиентов подходящих надо несколько дней искать; а дом им уже сейчас надо подобрать. Смотрю, у вас уже есть, куда их поселить, – он кивнул в сторону амбара. – Так что забирайте, если хотите.

– Прямо вот так? – спросил Илья с долей сомнения. – Бесплатно? И ничего взамен не попросите?

– Это для моего друга, – улыбнулся он, кивнув в сторону Миши. – Он меня выручил – и я думаю, что пора бы уже достойно отблагодарить.

– Не знаю, что и сказать, – произнес фермер, оторопев от неожиданности. Люди – его дед и Заболотный – просто приходили – и помогали ему создать настоящую ферму, с амбаром и животными, ничего не прося взамен. – Благодарим вас, Александр. Мы их возьмем.

– Вы не пожалеете! – просиял Заболотный.

Втроем они стали выгружать цыплят из прицепа – и относить их в амбар. Когда все гости были переселены в новый дом, Миша попрощался с Заболотным у его автомобиля.

– Удачи вам там в Америке, – протянул ему руку Малинин. – Я рад, что вы теперь поедете туда, куда хотели. И спасибо за все.

– Да ладно! – подмигнул тот. – Я всего лишь отдал долг.

Если как-нибудь будешь в Штатах и услышишь про компанию «Алекс Заболотный Инкорпорэйтэд», то это моя, – хочотнул он. – Нужна будет помощь – обращайся всегда, дружище.

Когда автомобиль Заболотного уезжал с фермы, Миша вспомнил Леру: в последний раз они виделись на автобусной остановке у торгового центра, когда та уезжала домой. Когда двери автобуса закрылись за ее спиной, то автобус тронулся, навсегда увозя ее, как оказалось, в совершенно другую жизнь. В жизнь далеко от Миши, причем он даже и не знал, куда именно. Возможно, она сейчас тоже в Америке. Или в одной из стран Азии, о которых с восторгом говорила ему. Или же она где-то на другом конце страны – и чтобы ее найти, нужно просто еще несколько городов объехать.

– Мишка! Опоздаешь! – послышался голос деда.

Фермер посмотрел на часы – репетиция и правда уже идет! Он спешно побежал к дедовскому автомобилю, сел за руль – и поехал в концертный зал.

Земля, накрытая одеялом из желтых, оранжевых и коричневых листьев у дороги и между деревьями, начинала укрываться еще и тонким покрывалом из снежинок. С деревьев опадали последние листья, спешащие занять свое место на земле до того, как успевшие вовремя листья укроются снегом без них. Автомобиль «Нива» с Мишей за рулем торопился в концертный зал «Северный», чтобы успеть хотя бы к

концу репетиции. На улицах и дорогах было довольно оживленно, и по пути Малинин заметил, что множество автомобилей едут в ту же сторону, что и он. «Зрители едут на праздник», – подумал Миша.

Он подъехал на место в половине второго. Стоянки уже были забиты автомобилями, а машины все прибывали и прибывали, паркуясь у дороги, где пришлось остановиться и Малинину. Выйдя из «Нивы», он обнаружил себя как... Как на карнавале! Толпы людей шли со стороны дороги к концертному залу, покидая свои машины. Шли целыми семьями: и старшие поколения, и взрослые, и совсем еще дети. Причем в толпе слышалось: «У восточных сегодня тоже праздник?»; «Палыч выбрал для праздника неудачный день»; «Потом закидаем восточных снежками» и все в таком духе.

По традиции, жители Восточного занимали правую часть стоянки, а жители Западного – левую. Однако когда дело касалось парковки машин у дороги вне стоянки, автомобили перемешивались между собой – и по соседству припаркованными на куче листьев можно было увидеть машины с номерами обоих городов, стоявшие вперемешку. Тем не менее жители все же соблюдали негласное правило: восточные входили в зал через двери справа, а западные – через двери слева. Каково же было удивление посетителей, когда на входе они узнавали, что и западные, и восточные входят не в разные залы, как раньше, а в один общий! Зайдя в коридор зала

вместе с потоком людей, Миша услышал музыку, исходившую со сцены, а также удивленные речи жителей Западного: «Куда нас вообще Черников послал?»; «Это возмутительно! Сидеть в одном зале с восточными!»; «В одном зале? Я иду обратно»; «Не идешь. Тут места нет поворачивать». А места действительно не было! Поток людей просто нес Мишу вперед!

В будке в коридоре Малинин заметил шокированных Константина и Вадима, ошеломленных происходящим вокруг них. Миша, будучи в толпе одним из самых высоких, разглядел на сцене несколько человек, как раз и исполнявших песню, услышанную Мишей в коридоре концертного зала.

Когда толпа вынесла его в зал, он отошел к стене, чтобы оценить масштабы: движение на армии кресел создавало впечатление огромного муравейника. Уже множество мест в зале было занято, а свободные места быстро занимались прибывающими. Миша решил сесть на место неподалеку от выхода – и, устроившись в кресле, просто стал смотреть на происходящее на сцене. После еще двух композиций солистка группы торжественно объявила:

– А сейчас на сцене – главы городов: Черников Алексей Николаевич и Павлов Сергей Павлович!

С левой и с правой сторон сцены, соответственно, на нее начали подниматься Черников и Павлов.

– Давайте поплодируем им! – воскликнула солистка.

Зал захолопал: каждый – своему мэру, но так как поднимались они вместе, то аплодисменты оказались общими. Шагая навстречу друг другу под овации зрителей, главы городов махали залу – и встретившись в центре сцены, они пожали друг другу руки. Аплодисменты сразу стали более редкими, а потом вообще стихли.

Миша затих, ожидая, что сейчас будет. Мэры заговорили по очереди:

– Дорогие гости! – начал Черников.

– Товарищи! – продолжил Павлов.

– Вы наверняка удивлены тому, что сегодня в нашем прекрасном концертном зале нет стены, построенной двадцать лет назад, – предположил Алексей Николаевич.

– Мы тоже были бы удивлены, если бы это не мы попросили ее убрать, – добавил Сергей Павлович.

– Как вы видите, мы сегодня стоим на этой сцене вместе: Сергей Павлович и я, – показал мэр Западного.

– И мы сейчас расскажем вам, почему, – приготовился к рассказу мэр Восточного.

И они заговорили о том, как поругались в детстве и перестали общаться. Миша осмотрелся: люди внимательно слушали идущую со сцены речь. Мэры городов рассказывали, что им двоим удалось помириться – и они хотели бы, чтобы радость примирения могли ощутить все, кто присутствовал в зале.

– Давайте пригласим сюда людей, далекий предок кото-

рых основал наши с вами города! – предложил Черников. – Встречайте потомков Ивана Евгеньевича Беляева!

Первой на сцену вышла семья Лисицыных из четырех человек, первой из которых с речью о мире выступала Виктория Николаевна. Ее слова затем поддержали супруг и две дочки – и каждый рассказал, как много для наследников Беляева означает примирение городов. Под аплодисменты зрителей, выражавшие поддержку выступавшим, Лисицыны спустились со сцены, а Павлов пригласил подойти к микрофонам Антона Беляева, Елену и их детей.

– Всем добрый день, – скромно начал Антон – высокий мужчина с каштановыми волосами. – Для меня оказалось большой неожиданностью, когда вечером после работы жена сказала, что к нам в гости заходил сам мэр города и хотел поговорить со мной. Только я узнал, чего хочет от меня мэр, – и согласился сразу. Алексей Николаевич Черников попросил меня выступить от имени моего предка – Ивана Беляева. Ивана Евгеньевича я никогда не знал лично, конечно. Но в моей семье его очень чтят. Из поколения в поколение в семье передаются его записи, а также письма, что он писал своей супруге – Беляевой Валентине Сергеевне. В тех письмах он часто рассказывал о своей жизни то в одной крепости, то в другой: то в Западном, то в Восточном. Иван Евгеньевич верил, что пока обе крепости стоят там, где стоят, регион может спать спокойно. Он создавал их как две половинки. И если две половинки одного целого враждуют, то какое уж тут

спокойствие! – восклицал он. – Я возьму на себя смелость сказать, что он не одобрил бы то, как мы с вами относимся друг к другу сейчас. Он хотел совершенно иного. Спасибо.

Родные Антона Беляева предпочли отмолчаться, последовав за ним вниз со сцены. Аплодисменты в этот раз вышли более жидкими, задумчивыми скорее.

Следующие семьи Беляевых, собранные в обоих городах, поддерживали предыдущих ораторов: Иван Евгеньевич был против войны между гнездами, которые он свил, откуда птенцы грозно вопили друг на друга; а текущее поведение горожан расстроило бы его.

Когда последние Беляевы закончили речь, к ним подошли Черников и Павлов.

– Давайте поаплодируем Александру Беляеву и его семье! – попросил Черников зрителей – и вместе с Павловым стали хлопать. Зал зааплодировал им вслед.

Говорить продолжил Сергей Павлович:

– Следующей частью программы мы с Алексеем Николаевичем объявляем небольшой киносеанс, который подробнее расскажет вам об основателе наших городов – Иване Беляеве. Приятного просмотра!

Из-за кулис рабочие выкатили экран длиной чуть ли не во всю сцену. Когда они его установили, над зрителями зажегся свет проектора – и на экране появилась картинка с названием фильма. Так как первую часть Малинин уже смотрел, он мог позволить себе более часто глазеть по сторонам, наблю-

дая за тем, как себя ведут зрители. В частности, его заинтересовало, что люди продолжали прибывать в зал: уже по одному или по двое, но они все еще приходили. Некоторые за отсутствием свободных мест в пределах досягаемости становились у стен рядом с сидячими местами, а отдельные люди даже приходили со своими раскладными стульями.

Вторая часть повествовала уже о поездке Ивана Евгеньевича на Восток и об основании крепости Восточный. Историк в фильме сообщил, что Иван Евгеньевич изначально задумывал построить две крепости, а землю между ними хотел отдать крестьянам: таким образом крепости защищали бы крестьян, а крестьяне, занимаясь сельским хозяйством, кормили бы своих защитников. Однако впоследствии необходимость воевать отпала; военные оттуда ушли; а крестьяне поселились внутри, начав расширять крепости – в города.

Когда фильмы закончились, к зрителям снова вышли мэры Западного и Восточного. Проектор отключился, но экран на сцене оставили.

– Дамы и господа, – взял слово Алексей Николаевич, – мы с вами посмотрели замечательный документальный фильм о по-настоящему великом человеке! Каждый из вас, будь он жителем Западного или жителем Восточного, вправе гордиться тем, что живет в основанном Иваном Евгеньевичем городе! Сергей Павлович, я прав?

– Разумеется! – ответил Павлов. – Я вот очень горжусь.

– А теперь я хотел бы представить вам людей, – продол-

жил Черников, – таких же как вы горожан. У каждого из них – своя история, которой он хотел бы поделиться с вами. Другая. Время третьей части программы!

И тут со своих мест начали подниматься люди. Все они направились в сторону сцены: мужчины и женщины, молодые и пожилые. Все, кого Малинин видел в прошлый раз на репетиции, поднимались к главам городов и вставали там несколькими рядами.

– Пожалуйста, выходите по очереди, – приглашал Алексей Николаевич подходить к микрофону. И они стали рассказывать:

- Меня зовут Валерия...
- Валентин...
- Юлия...
- Сергей...
- Анастасия...
- Я стоматолог...
- Учитель...
- Администратор...
- Пожарный...
- Продавец...
- Раньше даже не думала, что буду выступать на сцене...
- Перед классом говорить проще...
- Пожалуй, перейду к делу...
- Хотел бы передать привет маме и третьей пожарной части...

– Вас тут так много...

Миша следил за тем, как внимательно зал ловит каждое слово. Кто-то смотрел особенно пристально, показывая сидящим рядом людям на выступающего. С соседних мест Малинин расслышал:

– Это же Петька наш! И Тоня рядом!

А люди на сцене продолжали говорить о своих родственных и дружеских связях, прошедших проверку временем или же утраченных в связи с разладом между городами; делились историями любви, счастливо окрепшей в приближенной к «боевой» обстановке или же угасшей по причине неприятия ее окружением возлюбленных; раскрывали свои тайные посиделки с закадычными друзьями из разных городов; описывали тоску по оставшимся на той стороне баррикад знакомым, товарищам, друзьям, любимым; и каждый упоминал облегчение на душе, возникшее в тот момент, когда они рассказывали об этом всему залу; говорили о надежде на новые встречи, совместные мероприятия, полные веселья вечера, воссоединения. Иногда им из зала кто-кто кричал слова одобрения, например:

– Я тебе тоже люблю, зая!

– Обязательно встретимся!

– И я по тебе скучал!

Кто-то среди зрителей был настолько тронут, что плакал. Когда выступающие шутили, хохотал весь зал: и правая его часть, и левая. А когда все уже выступили, одна из женщин

спустилась со сцены и привела из зала за руки двух детей. Отец взял их обоих на руки, подошел с ними к микрофону – и те хором сказали:

– Давайте больше не ругаться!

И остальные стоявшие на сцене зааплодировали. И вместе с ними – мэры. И вместе с ними – весь зал. Люди поднимались со своих кресел – и хлопали в ладоши. Кто-то кричал «Ура». Кто-то свистел в поддержку выступавшим. Миша тоже поднялся и аплодировал вместе со всеми.

К микрофону вновь подошел Черников:

– Это были наши с вами граждане! Они и правда заслужили аплодисменты! – продолжал хлопать он. Тогда люди со сцены начали уходить, а слово взял Павлов:

– Уважаемые зрители! Дорогие горожане! И соседи! Сейчас мы попросим всех сесть на свои места, чтобы начать заключительную часть нашей встречи.

Когда зрители прекратили хлопать и уселись на места, а на сцену вынесли камеру, говорить начал Черников:

– Горожане, соседи. Сейчас мы с вами проголосуем. Да, прямо сейчас и прямо здесь. Никаких бланков. Чистая демократия! Вопрос, который мы все вместе сегодня решаем: кто за то, чтобы возобновить дружбу между нашими городами? Если вы «за», то поднимите руку!

И как если бы Черников был учителем в школе, задавшим элементарный вопрос, ответ на который мог бы принести ученику пятерку в четверти, концертный зал был клас-

сом, где все знали ответ. Все!

– А теперь, не опуская рук, – произнес Павлов, – оглядитесь по сторонам! Посмотрите, сколько людей придерживаются того же мнения, что и вы! Поглядите справа, слева, обернитесь.

Зрители, включая Мишу, осматриваясь, видели, что каждый из них проголосовал «за».

– Вы все хотите дружить с горожанами из соседнего города, – оценил Павлов. – Опускайте руки.

– И следите за экраном на сцене! – воскликнул Черников. – Узнаете?

Вновь зажегся свет от проектора – и на экране высветились концертный зал, а также все люди, поднимавшие руки. Пока они голосовали, их снимала камера, а теперь они могли видеть, как голосовали люди не только рядом с ними, но и в других местах зала.

– По-моему, единогласно! – засмеялся Черников – и захлопал в ладоши вместе с Павловым. Зал вновь поднялся со своих мест – и, последовав примеру глав городов, захлопал в ладоши. На сцену вновь вышли музыканты.

– Этот день, – крикнул Павлов сквозь аплодисменты, – сегодняшний день мы объявляем Днем дружбы между городами-соседями! Ура!

– Ура! – ответил зал вместе с Мишей.

Музыканты снова заиграли песню, начавшую литься из колонок, а некоторые люди из зала прямо со своих мест по-

шли обниматься с соседями с другой половины помещения.

Малинин тем временем, продираясь сквозь счастливых людей, до сих пор хлопавших в ладоши, покинул свой ряд. Он снова оглядел зал. «Получилось», – подумал он, улыбувшись, – и, сунув руки в карманы куртки, направился к выходу.

Когда песня подошла к концу, к микрофону подошел Черников:

– Хотелось бы выразить благодарность администрации концертного зала «Северный», – объявлял он, – Павлову Сергею Павловичу, – в ответ на это мэр Восточного махнул рукой, смеясь, – а также еще одному очень важному человеку, который оказал огромную помощь в организации этого мероприятия. Его зовут...

Миша уже сел в машину. С чувством выполненного долга, он не без труда выехал из моря автомобилей – и поехал.

– Миша, – сказал Черников.

– Возможно, кто-то из вас уже с ним знаком, – продолжил Павлов. – Я не знаю, в зале ли он сейчас, но мы хотели бы сказать ему спасибо.

В городе было пусто – почти все горожане поехали на праздник. Заправившись, Малинин поехал домой, где его ждали его дед, а также продолжение ремонта фермы.

Прошло несколько дней. Вместе с Ильей Владимировичем Миша менял ограждение на полях. Сейчас они выкорчевывали старые балки.

– С обогревателем цыплятам теперь теплее будет, – заявил умаявшийся Миша, оперевшись о забор.

– Главное, чтобы не изнежились теперь, – проворчал дед. – А то будут яйца только в тепле нести! В мои годы закалка всем полагалась!

– Даже пернатым и шерстяным? – хохотнул внук.

– А этим – в первую очередь! – уверенно заявил Илья. Он хлопнул Мишу по плечу. – Смотри! К нам едут!

Миша посмотрел в ту сторону, куда указал дед: с главной дороги на сельскую въезжал автомобиль с прицепом. А за ним – еще один. В прицепах был открытый верх, так что они могли разглядеть груз.

– И что бы это значило? – спросил дед.

– Мне кажется, что-то хорошее, – улыбнулся Миша.

Пока автомобили ехали, прицепы издавали мычание и бляение: в одном прицепе были коровы, а в другом – овцы. Подъехав к Малининым, водитель первого автомобиля покинул салон машины и достал из кармана конверт.

– Кто из вас Миша? – спросил водитель.

– Я Миша, – ответил внук. – Чем могу помочь?

Водитель молча протянул ему конверт – и спросил:

– Где выгружать?

– Одну минутку, – попросил фермер.

На конверте были написаны имена отправителей: Черников А.Н. и Павлов С.П. Пока Миша открывал конверт, к нему подошел Илья. На вытащенном из конверта послании было написано всего несколько строк.

– От благодарных жителей Западного и Восточного, – прочитал Миша. – Желаем удачи в животноводстве. Подпись: Алексей Николаевич и Сергей Павлович, – Миша повернулся к деду. – Это нам, похоже, – хохотнул он.

– Дай-ка, – потребовал дед письмо. – Мужики! – обратился Илья к водителям, второй из которых также вышел наружу. – За этот зоопарк сколько нам отдать придется?

Первый пожал плечами:

– Нам про плату ничего не говорили, – ответил он.

– Дед, что ты там про второй амбар говорил? – спросил Миша. Илья засмеялся в ответ.

Зима

– А тут симпатично, – сказала Дарья, с пассажирского сиденья оглядывая занесенные снегом пейзажи. Несколько минут назад она вместе со своим мужем Евгением за рулем и маленьким сыном в детском сиденье проехали Западный и теперь направлялись в сторону фермы.

Снег уже не таял под полуденным солнцем, за год уставшим греть планету, и вместо этого радостно искрился под светом звезды.

– Я уж и не думал, что мы приедем сюда в этом году, – сказал Евгений. – Твой брат в письме говорил, что работы тут – невпроворот.

– Ты плохо знаешь моего деда, – засмеялась Даша. – С ним Миша и город воздвиг бы за это время!

Когда они увидели поворот на нужную ферму, Дарья сказала:

– Жень. Вот тут поверни!

Евгений повернул руль, чтобы заехать на сельскую дорогу.

– Ничего себе! – сказал он, только лишь увидел ферму. Вдали стоял симпатичный двухэтажный дом темно-желтого цвета, а по бокам – два красных сарая, в один из которых мужчина загонял коров. За новой деревянной оградой, на которой были установлены светильники, Даша увидела стадо овец, пасущихся на лугу и с интересом наблюдавших за

проезжающей машиной.

Мужчина, закрыв сарай, посмотрел в сторону автомобиля, а потом снял шапку.

– Дедушка, – улыбнулась Даша.

– Мишка! – крикнул дед в сторону дома. – Они приехали!

Автомобиль остановился в дворе. Выскочив из машины, Дарья пошла обниматься с дедом, а Евгений отправился доставить младшего члена семьи с сиденья.

Дверь дома открылась. Через мгновение из здания вышел Миша с двумя сумками в руках: теми же самыми, с которыми он приехал сюда.

– Дедушка, у вас такая ферма красивая! – оценила Даша, а потом увидела брата. – Мишка! – замахала рукой она. Евгений вместе с Дмитрием Евгеньевичем на руках подошел здороваться с Ильей. А Дарья пошла навстречу Мише. Поднявшись по ступеням, она повисла у него на шее.

– Я тоже рад тебя видеть, Даш, – сказал он.

– Ты уже сумки собрал? – спросила она с досадой. – Уже уезжаешь? А посидеть вместе? Мы Димку уже привезли.

Миша посмотрел на своего племянника на руках у Евгения.

– Пошли, – кивнул Миша в сторону супруга Дарьи и, взяв сумки в руки, пошел вниз с крыльца, а Дарья – вслед за ним.

– Миша, – протянул ему руку Евгений. – Это замечательное место, – снова оглядел он ферму.

Поставив сумки на землю, Миша пожал ему руку.

– Без деда ремонт бы не получился, – фермер благодарно посмотрел на Илью Владимировича.

– Да ладно! – бросил тот. – Просто ты бы еще год тут все без меня строил! – посмеялся он.

– Это все равно невероятный подарок, – покачал головой Евгений.

– У меня для вас кое-что есть, – сказал фермер, обращаясь к сестре и ее супругу. Сунув руку в карман куртки, Миша достал оттуда два одинаковых ключа, которые протянул Дарье и Евгению. – Это ключи от дома. Когда Дима подрастет, сделаете ему еще копию.

Те взяли у него ключи, после чего Миша продолжил:

– На ферме и дома дед вам все покажет. В доме есть спальня и гостиная, которую потом тоже сможете переделать под спальню. На кухне есть еда – ее только вчера привезли. Что еще сказать? – задумался он, осматривая амбары. – В том амбаре коровы живут, а в том – овцы и цыплята. Вы зверюшек не обижайте только, – попросил Миша. – Они вам будут молоко, шерсть и яйца давать. У них у всех имена есть, кстати, – улыбнулся он.

– Не обидим, Миш, – пообещала Даша. – Ты правда должен прямо сейчас уезжать?

Фермер кивнул.

– Вы, когда Дима старше станет, скажите ему, – произнес Миша, – что жить только для себя – это путь в никуда, – молвил он.

– Скажем, – ответил Евгений, задумавшись.

Напоследок Миша обнял сестру, попрощался с Евгением и Димой, а потом подошел к деду.

– Пока, дед, – протянул Миша руку. – Спасибо за помощь, да и за все.

– До встречи, Мишка, – пожал его руку Илья. – Рад был повидаться. Найди только Леру свою.

– Постараюсь, – грустно хохотнул фермер.

Он взял в руки сумки – и пошел по сельской дороге в сторону от фермы. Как только он сделал несколько шагов, Миша услышал сзади голос сестры:

– Миш! – крикнула она.

Миша, переставший сегодня быть фермером, обернулся.

– Куда ты теперь? – спросила Дарья.

Ее брат пожал плечами.

– Как обычно, – сказал он. – Туда, где можно петать обитателям звезд.

Повернувшись обратно, он пошел в сторону главной дороги, покидая свою семью. На полпути он обернулся, а те четверо до сих пор провожали его взглядами. Миша поставил одну сумку на землю – и помахал им на прощание. Все четверо, включая маленького Диму, помахали ему ответ. Взяв сумку, Миша пошел дальше. Завтра был первый день декабря. Осень на ферме заканчивалась. Начиналась зима.

Эпилог

«Вы ее не видели?» – так переводились иероглифы на объявлении, приклеенном на стекло со стороны ресторана. Этой надписью был подписан нарисованный портрет девушки, обладавшей экзотичной для этих мест внешностью. Столь же экзотичной, по мнению местных, внешностью обладал мужчина, работавший в этом ресторане поваром. С его появлением забегаловка, окруженная конкурентами, приобрела небывалую популярность: жители восточной страны часто приходили в заведение не только поесть, но и поглазеть на высокого светловолосого северянина с голубыми глазами. Нередко в конце рабочего дня посетители, специально сидевшие там допоздна, просили повара сфотографироваться с ними – и он никогда не отказывался. Иногда желающих провести фотосессию собиралось так много, что и ему, и хозяину ресторана приходилось сильно задерживаться на работе. Хозяин заведения, пожилой местный, которого Малинин звал «мистер Инамото», часто повторял:

– Неважно, во сколько ты приходишь домой. Важно, насколько тяжело захлопывается касса после рабочего дня!

Миша жил здесь уже два месяца, с трудом пытаясь выучить государственный язык. Ему повезло наткнуться на хозяина ресторана, в прошлом проходившего обучение на Родине Малинина, так что общаться они друг с другом могли.

По правде сказать, мистер Инамото в тех краях был единственным, с кем Малинин из-за незнания языка мог изъясняться без труда.

Помимо того, что Миша был поваром, он так же и мыл посуду за гостями. В понедельник вечером гости уже расходились, а рабочее время подходило к концу. В это время посетители доедали быстро приготовленную поваром стряпню, а Миша драил тарелки. Он старался мыть посуду почаще в течение рабочего времени, чтобы не трудиться отмывать ее в самом конце дня или же следующим утром, как изначально советовал Инамото.

Дверь на кухню открылась.

– Миша! – позвал Инамото.

– Я почти закончил, – сказал Миша, одетый в свитер, джинсы, кроссовки и фартук. – Еще заказ?

– Там какая-то девица пришла, – ответил предприниматель. – Говорит, по объявлению.

– Опять поинтересоваться, кто изображен на рисунке? – усмехнулся Миша, продолжив мыть тарелку.

– Она неместная! – сказал Инамото.

Оглянувшись, Малинин удивленно посмотрел на него.

– Иди быстрее! – приказал хозяин заведения. – Кажется, она спешит!

Инамото пошел обратно в зал, прикрыв дверь.

Миша, который со своего места не видел посетителей, стоял в растерянности под шум воды в раковине. «Неужели, и

правда она?» – пронеслась будоражащая радостью и страхом мысль у него в голове. Миша, у которого от волнения холодок пробежал по спине, снял с себя фартук и поднес ладонь к двери. «Сейчас открою – и узнаю», – сделав глубокий вдох, он приоткрыл дверь, чтобы последовать за Инамото.